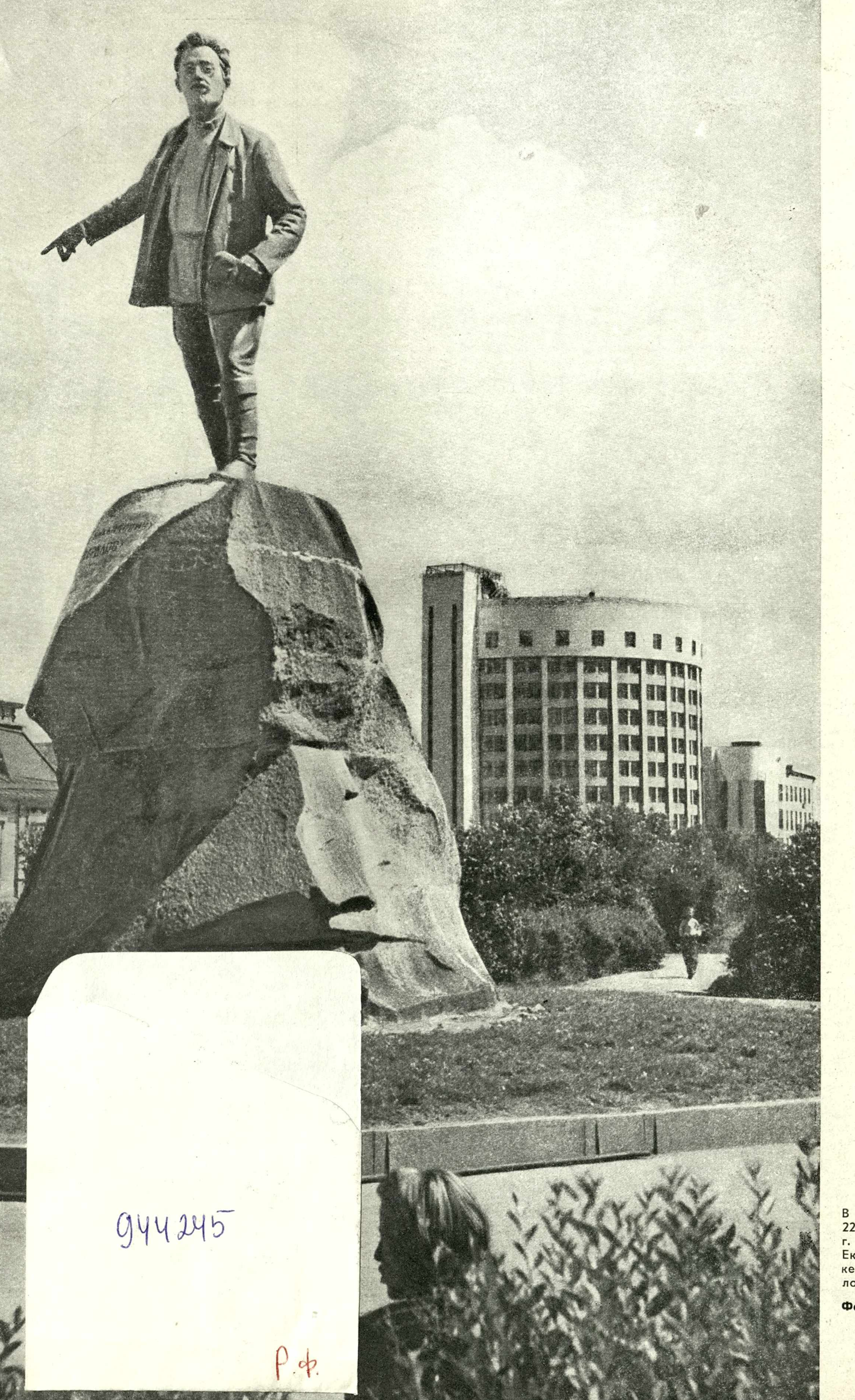
ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Газопровод Кохтла — Ярве — Ленинград. На подготовленной к пуску газгольдерной станции Московского района г. Ленинграда.

Фото М. Трахмана

В этом году исполняется 225 лет со дня основания г. Свердловска (бывший Екатеринбург). На снимке: памятник Я. М. Свердлову на улице Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца

ОГОНЁК № 38 (1111) 19 СЕНТЯБРЯ 1948

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА МОСКОВСКИЕ МИЛЛИАРДЫ!

Московский миллиард. Возникнув недавно, слова эти уже стали крылатыми, превратились в лозунг и знамя масс. Они впервые были сказаны 29 августа 1948 года в обращении к товарищу Сталину 35 передовых московских предприятий, обязавшихся дать в этом году стране за счет сверхпланового снижения себестоимости продукции на 172 миллиона рублей социалистических накоплений больше, чем намечено по плану. Там же было сказано, что, если в битву за сверхплановое снижение себестоимости продукции включится вся индустриальная Москва, страна дополнительно получит не менее 1 миллиарда рублей.

Так началась битва за московский миллиард. Этому вопросу было посвящено созванное на днях МК и МГК ВКП(б) совещание работников московской промышленности. Оно происходило в Колонном зале Дома союзов и продолжалось два дня. С докладом выступил секретарь МГК ВКП(б) тов. Фирюбин.

В битву за московский миллиард включились широкие массы трудящихся столицы. Да, это большая трудовая битва — битва на благо Родины, во имя ее могущества и дальнейшего повышения благосостояния советского народа! Недаром на совещании часто упоминались военные термины. В частности, обращение «тридцати пяти» образно называлось танковым прорывом на фронте борьбы за рост социалистических накоплений, за подъем нашей промышленности на новом этапе развития. Но, как известно, в военном деле подлинная победа достигается тогда, когда в прорыв, совершенный танками, хлынут широким потоком все рода войск. Так и в героической битве, которую ведут москвичи: «прорыв» совершен, теперь огромная армия рабочих и руководящих работников столичной промышленности должна развить успех и дать Родине московский миллиард.

На совещании в Колонном зале выступали министры и цеховые мастера, директора заводов и руководители партийных организаций. Они говорили о советском рубле — об этом строгом хозяине и непреклонном контролере. Но экономить рубль — значит идти по пути технического прогресса, повышать производительность труда, бороться с потерями, с бесхозяйственностью. Накопив за счет снижения себестоимости миллиард рублей, московская промышленность даст Родине дополнительные средства на дальнейшее развитие народного хозяйства.

Какая благородная цель стоит перед теми, кто включился в сражение за московский миллиард!

Выступавшие на совещании словно повели нас по бесчисленным цехам индустриальной Москвы, показывали, как развертывается трудовое наступление, что́ уже сделано и что еще сделать предстоит. Ветеран социалистической промышленности директор автозавода имени Сталина тов. Лихачев говорил о десятках миллионов рублей, которые сэкономит завод до конца года. А мастер электролампового завода тов. Хрисанова — стахановка, осуществившая работу по часовому графику, скромно говорила о тысячах сэкономленных ею рублей, о том, как из таких тысяч будет создаваться московский миллиард.

Много цифр приводилось на этом совещании, ярко отразившем трудовой подъем, которым живут москвичи. И когда цифры были сложены, оказалось, что одна лишь столица может дать значительно больше миллиарда рублей социалистических накоплений, а вместе со столичной областью — **больше двух миллиардов рублей**.

Так трудовая битва москвичей переросла уже в битву за два миллиарда рублей! Поистине неиссякаемы инициатива масс, их трудовые подвиги на благо Родины, на благо народа!

На совещании выступил тепло встреченный секретарь МК и МГК ВКП(б) тов. Г. М. Попов.

Участники совещания приняли обращение к рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий московской промышленности с призывом включиться в битву за московские миллиарды. Москвичи вызвали на социалистическое соревнование работников промышленности Украины, Урала и Ленинграда.

С огромным воодушевлением совещание приняло приветствие товарищу Сталину. Работники московской промышленности обещают товарищу Сталину дать стране в 1948 году 2 миллиарда рублей сверхплановых накоплений.

Социалистическая Москва, которую великий Сталин назвал знаменосцем новой советской эпохи, и Московская область дадут своей Родине два миллиарда рублей!

В Колонном зале Дома союзов на совещании работников московской промышленности, посвященном сверхплановому снижению себестоимости продукции.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

К 30-й ГОДОВЩИНЕ РАССТРЕЛА 26 БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ АГЕНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Л. С. ШАУМЯН

В январе 1919 года в палату Ашхабадской тюремной больницы, где я лежал с больной ногой, явился некий субъект неопределенной национальности.

На чистом русском языке он стал рассказывать, что только на днях вернулся из Индии, от своего старого приятеля случайно узнал, что я здесь, и «счел своей обязанностью зайти». В одном из индийских городков он якобы встретил бакинских комиссаров.

— Не верьте злонамеренным слухам, поверьте мне, очевидцу... Я видел их всех своими глазами, разговаривал с ними. Выглядят они совсем неплохо, хотя, очевидно, давно не брились... Одеты все хорошо, особенно запомнилась мне отличная матросская форма на Петрове.

Правда,— шопотком, как бы доверительно, оглядываясь по сторонам, сказал посетитель,— комиссары по двое скованы ручными кандалами. Но не беспокойтесь, это их не особенно стесняет, все они веселы и бодры... — и после короткой паузы добавил: — Ваш отец в одной паре с Петровым...

Обескураженный холодным приемом, непрошенный гость, из-под модной шляпы которого явно торчали длинные уши агента английской разведки, поспешил удалиться.

Это была одна из многочисленных попыток английских интервентов замести следы своего злодейского преступления — расстрела без суда и следствия 26 бакинских руководящих товарищей.

Еще не зная всей правды, Российское советское правительство неоднократно обращалось к английскому командованию с требованием освободить бакинских товарищей и их семьи в обмен на пленных англичан. Командование упорно отмалчивалось, отмалчивалось до тех пор, пока факт гибели 26 бакинских комиссаров не стал всеобщим достоянием.

Англичанам пришлось тогда нарушить заговор молчания и пустить в ход новую провокационную версию.

«...5 марта 1919 года, — пишет товарищ Сталин,— Астрахань получила радио из Тифлиса о том, что «Джапаридзе и Шаумяна в распоряжении английского командования не имеется, что они, по местным сведениям, самочинно убиты группой рабочих в сентябре около Кизыл-Арвата». Очевидно, это была первая официальная попытка английских убийц свалить вину за свои зверства на рабочих, безгранично любивших и Шаумяна и Джапаридзе».

Но ничто, никакие ухищрения не помогли разбойникам английского империализма. Они были разоблачены до конца.

И сегодня, через три десятилетия, хочется еще раз, хотя бы в общих чертах, напомнить об обстоятельствах, при которых совершилась трагедия 20 сентября 1918 года.

* * *

Во второй половине 1918 года Советский Баку стал ареной прямого столкновения захватнических интересов двух основных империалистических коалиций. Германо-турецкие хищники, опираясь на грузинских меньшевиков и азербайджанских буржуазных националистов-муссаватистов, вплотную подошли к городу с запада. Английский генерал Денстервиль, прибыв через Месопотамию в Персию, руководил оттуда антисоветской деятельностью бакинских эсеров, меньшевиков и армянских националистов — дашнаков, пытавшихся костлявой рукой голода, клеветой и провокациями задушить молодую советскую власть.

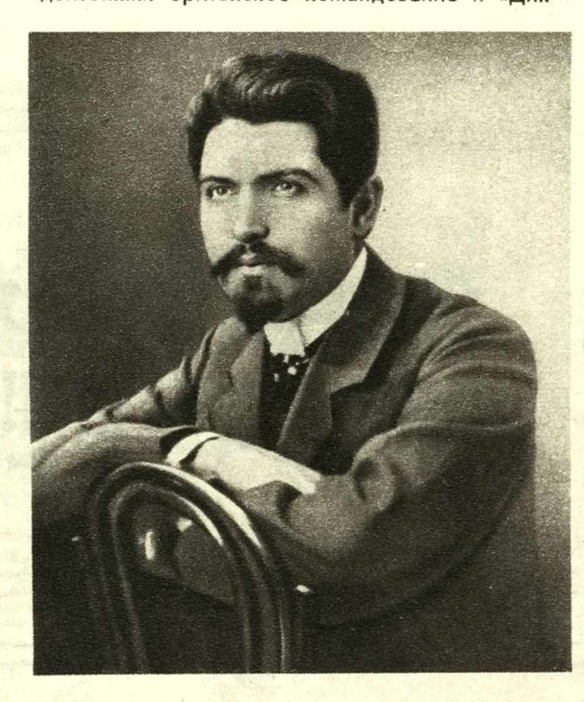
От Советской России Баку был отрезан северокавказской белоказачьей контрреволюцией и бандами дагестанского имама Гоцинского.

Ленин и Сталин делали все, чтобы помочь героическим бакинцам войсками, оружием, продовольствием. Но в невероятно трудной обстановке 1918 года, когда вся страна была объята огнем гражданской войны, да еще при таком дальнем расстоянии, всю необходимую помощь оказать было невозможно.

В этих условиях совершилось падение советской власти в Баку. Тогда в осажденный германо-турецкими войсками город вошли англичане. Под их опекой образовалось контрреволюционное правительство — «Диктатура Центрокаспия». Верные советской власти войска были разоружены, почти все партийные, советские и военные руководители революционного Баку — Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов и другие — арестованы и брошены в тюрьму.

В ночь на 14 сентября турки начали решительный штурм города, и англичане вместе со своими лакеями из «Диктатуры» в панике бежали из Баку.

Расправиться с арестованными советскими деятелями британское командование и «Диктатура» не успели. Они просто решили оставить их в городе, уверенные, что турки сами растерзают большевиков.

С. Г. Шаумян. Снимок сделан в Астрахани в 1913 году, где тов. Шаумян находился в ссылке. Публикуется впервые.

Но находившиеся на воле члены подпольной большевистской организации, возглавляемой А. И. Микояном, решили иначе. В зареве пожарищ, под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем уже занимавших город турок, А. И. Микоян, Сурен Шаумян и другие вырвали из тюрьмы руководителей бакинских большевиков. С помощью командира партизанского отряда Татевоса Амирова наши товарищи погрузились на один из последних отходивших от города пароходов — «Туркмен».

* * *

Все каюты, трюмы, палубы «Туркмена» забиты людьми, мешками, корзинами, сундуками. Среди сотен женщин и детей небольшие группы солдат из отряда Амирова, но больше из враждебных дашнакских частей.

Утром всеобщее внимание привлекли два офицера-шотландца. Они по-хозяйски расположились на полубаке, извлекли откуда-то консервы, плитки шоколада, сгущенное молоко и неспеша завтракали.

Кому-то понадобилось распространить слух, что англичане случайно попали на наш пароход. Случайно! Цену и смысл этой «случайности» мы познали очень скоро...

Все наши товарищи расположились в кают-компании и прилегающих к ней помещениях.

Вот они, дорогие и близкие люди! Глубокие складки легли на их мужественные лица. Мучительно тяжело за судьбу Баку, за жестокие испытания, выпавшие на долю бакинского пролетариата, тяжело ощущение собственного бессилия в сложившейся обстановке...

Задумчиво стоит у окна Степан Шаумян. Взор его голубых глаз устремлен куда-то вдаль. Время от времени он обменивается короткими репликами с Анастасом Микояном. Обычно подвижной, горячий, Алеша Джапаридзе сидит на диванчике рядом с женой Варварой Михайловной. Они тихо, сосредоточенно беседуют. Рядом Мешади-бек Азизбеков со спокойной, ласковой улыбкой слушает Арсена Амиряна. Арсен говорит нервно, торопливо, еле сдерживая возмущение. По маленькой площадке между дверью и столом медленно прохаживается Ваня Фиолетов. Он близоруко щурится, внимательно прислушивается то к одному, то к другому, иногда вступает в разговор, но мысли его не здесь... Яков Зевин, как бы продолжая обязанности тюремного старосты, хлопочет с кем-то из женщин об организации обеда.

Разговор иногда становится общим, раздаются шутки, смех. А потом опять сосредоточенное молчание или тихая беседа. Каждый думает о своем, вернее, об одном, об общем, но по-своему.

В каюту торопливо входят Петров и Татевос Амиров. Новости тревожные. Капитан парохода, которого всего лишь два часа назад уговорили взять курс на советскую Астрахань, заявил, что он вынужден повернуть и идти либо на Петровск либо на Красноводск. Этого требует судовой комитет, в котором засели эсеры, не желающие попасть «в руки большевиков». Кроме того путь до Астрахани дальний, пассажиров на пароходе набралось около тысячи, а топлива, пресной воды и продовольствия в обрез.

Долго, горячо обсуждают товарищи, как быть, что делать. В разгар споров входит Григорий Корганов. Он с возмущением рассказывает, что какой-то дашнакский офицер с георгиевскими крестами на груди будоражит пассажиров и солдат, запугивает тем, что астраханские большевики либо вовсе не примут их либо всех посадят в чека.

Выбора не остается. О вооруженном воздействии не могло идти речи: выйдя только что из тюрьмы, комиссары были безоружны. Приходится смириться с мыслью, что в Астрахань попасть не удастся. Вдобавок разыгрался сильнейший шторм.

Петровск или Красноводск? Было известно, что в Петровске хозяйничает контрреволюция во главе с царским полковником Бичераховым. А о положении в Красноводске не было точных сведений, и поэтому он представлялся меньшим злом...

* * *

Поздно вечером 16 сентября показались огни Красноводска. По сигналу из порта пароход «Туркмен» стал на рейде и бросил якорь. Медленно подплывает катер военного начальника порта — «Бугас». По спущенному трапу перебираются туда английские офицеры, дашнакский георгиевский кавалер и кто-то из пароходного начальства. Вскоре последовал приказ: «Туркмену» не трогаться с места до утра, ждать особых распоряжений.

Утро 17 сентября. Вновь появляется «Бугас» и приказывает «Туркмену» следовать за ним. В 10 километрах от города «Туркмен» пришвартовывается к пристани Уфра.

Вся пристань оцеплена войсками. Между цепями прогуливаются три английских офицера: двое — с «Туркмена», третий — полковник Баттин. Они похлопывают стэками по желтым крагам и равнодушно, ни во что не вмешиваясь, наблюдают.

Но на берегу — английский бронепоезд, пушки которого зловеще глядят на нас своими жерлами. За холмом, как мы после узнали, неготове солдаты расквартированного в Красноводске батальона английского Хэмпширского полка с артиллерией, а также туркменская рота. На самой пристани орудует боевая дружина местной организации эсеров.

Отдается приказ — всем пассажирам выйти

на пристань. У трапов каждый подвергается обыску.

Наши товарищи решают не группироваться, а рассыпаться по пристани, смешаться с беженцами.

На противоположной стороне пристани стоит пароход «Вятка». У его трапа группа людей начальнического вида. Позже выяснилось, что это были представители ашхабадского англо-эсеровского правительства и местные, красноводские, власти — Кондаков, пристав Алания и другие.

Появляется знакомая фигура в высокой черной каракулевой папахе, с лихо подкрученными усами. Это дашнак Лалаев — георгиевский кавалер, с нашего парохода. В сопровождении нескольких эсеровских дружинников он вклинивается в толпу, рыская глазами по сторонам.

Но вот Лалаев, как собака-ищейка, учуял добычу. В двух десятках шагов он увидел Степана Шаумяна и устремился к нему со злорадной усмешкой.

Началась настоящая охота...

Забрали и ведут нашего товарища Ивана Малыгина. Я не спускаю с него глаз. Но тут кто-то сзади грубо хватает меня за руку. Оборачиваюсь и вижу сначала дуло направленного на меня «кольта», а потом отвратительное, злобное лицо:

— Эй, ты! Идем, сволочь, нечего прятаться...

Минут сорок он таскал меня по пристани, по трюмам и каютам «Туркмена», методически постукивая по голове дулом пистолета и приговаривая:

— Ну, ну, показывай, где твой старший брат?! Вот этот? Нет? А во что он одет? Врешь, как это ты не знаешь?!

Раз пять я проходил мимо брата Сурена, чуть не задевая его плечом. Сурен слышал задаваемые мне вопросы и, скрываясь в толпе, издали, одними глазами, подбадривающе улыбался...

Бандит наконец устал. Еще раз с досадой он сильно стукнул меня по голове и, безнадежно махнув рукой, повел на «Вятку».

Большинство наших товарищей уже были здесь. Еще через час «охота» закончилась...

Беженцев загнали обратно на «Туркмен», а 35 человек остались на «Вятке» под усиленной охраной.

Английские офицеры подошли поближе. Прямо на палубе начался новый, уже более тщательный обыск. Грубо раздевали, рвали одежду, исследуя каждый шов, отбирали все, что казалось подозрительным.

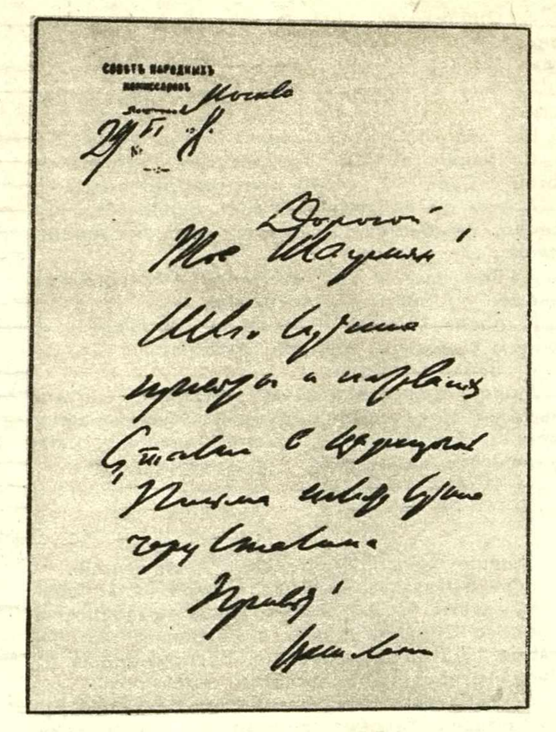
Среди палачей оживление. Собравшись в кучку, они внимательно рассматривают бумажку, которую только что вытащили из кармана товарища Зевина.

— Что там такое, Яков? — тихо спросил Алеша.

Это был список товарищей, сидевших в бакинской тюрьме, тех, кого Зевин, как выборный староста, наделял продуктами, приносимыми с воли. В списке было 25 фамилий.

— Почему 25, ведь нас же было больше!

Да, больше. Но последние дни не все получали продукты через старосту Зевина. В списке не значились, например, испытанный большевик, крупный командир Красной Армии Самсон Канделаки, активный член Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии тов. Гигоян: оба они болели, лежали

Совет народных комиссаров
Москва
29/VI 18
Дорогой тов. Шаумян!
Шлю лучшие приветы и пожелания. Сталин в Царицыне. Письма шлите лучше через Сталина.
Привет!
Ваш Ленин

ЗАПИСКА В. И. ЛЕНИНА С. ШАУМЯНУ ОТ 29 ИЮНЯ 1918 ГОДА.

Дорогой тов. Шаумян!
Шлю лучшие приветы и пожелания. Сталин в Царицыне. Письма шлите лучше через Сталина.
Привет!

Ваш Ленин.

в тюремной больнице, и друзья доставляли им провизию прямо туда. Не было в этом списке и тех, кто не сидел в эти дни в бакинской тюрьме, — Анастаса Микояна, старых большевиков-подпольщиков Варо Джапаридзе, Ольги Фиолетовой и других. Не было также брата моего Сурена и меня, за несколько дней до эвакуации выпущенных на поруки.

— Да, — промолвил кто-то из товарищей, — список, видимо, сильно заинтересовал эту публику...

Закончив обыск, Алания и Кондаков составили общий список на всех арестованных. Кто-то подсмотрел, что в этом списке против 25 фамилий были поставлены крестики. 26-й роковой крестик появился позже против фамилии командира партизанского отряда Татевоса Амирова, принявшего всех товарищей на пароход «Туркмен».

«Вятка» со всеми арестованными направилась к Красноводску.

Три дня прошли в невероятно тяжелых условиях.

18 сентября товарищи написали коллективный протест, требуя прекратить произвол и издевательства: «С утра 17-го и по настоящее время нам не выдавали никакой пищи и вообще поставили нас в условия, худшие, чем в прежних, царских тюрьмах. Помещения тесны, отсутствуют постельные принадлежности, умывальники и прочее. Держат нас всех взаперти, на прогулки во двор не пускают...»

19-го, утром на заявлении была наложена резолюция: «Нач. адм. части. Объявить заключенным, что тюрьма не для комфорта, второе, можно просить, но не требовать. Вообще укажите заключенным побольше думать и поменьше писать».

В камеру явился сам начальник административной части Яковлев. Бывший нотариус, худой, длинный, с зализанным пробором, в старом мундире с золотыми пуговицами, он говорил тихим, скрипучим голосом. Огласив резолюцию своего начальства, Яковлев сказал:

— Я тридцать лет верой и правдой прослужил государю и отечеству. Я сам много пострадал от большевиков, но я не роптал...

Все попытки связаться с внешним миром остались безуспешными, а издевательства все продолжались.

Вот в камеру арестного дома явился глава красноводского правительства эсер Кун. Это тип, которого даже английский генерал Маллесон называл «властным и безжалостным человеком».

Войдя в камеру, он свинцовыми глазами оглядел товарищей, лежавших кто на нарах, кто на полу, и нагло выкрикнул:

— Кто тут у вас главковерх?

— Нет у нас главковерхов, — раздалось в ответ.

— Ну, тогда кто Шаумян?

— Я Шаумян, — спокойно произнес Степан.

— Встать! Разве вы не знаете, с кем говорите?! Я — Кун!

— А я могу и лежа разговаривать, — не меняя позы, ответил Степан.

Разъяренный Кун бросился вон из камеры...

* * *

Арестованные товарищи были в полной изоляции и не знали, что творилось во вражеском лагере в связи с их прибытием в Красноводск. Да всего не знали и те, кто был на свободе. Понадобилось длительное время для полного разоблачения убийц 26 бакинских комиссаров.

Откровенные показания опубликовал, например, главный виновник — организатор этого незабываемого злодеяния — английский генерал В. Маллесон. В 1933 году, через 15 лет после расстрела, он напечатал в журнале «Fortnightly Rewiew» статью под заголовком «Двадцать шесть комиссаров».

По отзывам английской печати, Маллесон был «единственным офицером по своему большому опыту в среднеазиатской разведывательной работе». В середине 1918 года по приказу Черчилля Маллесон перебрался из Индии в Мешхед (Персия), а оттуда — во главе специальной военной миссии — в Ашхабад. При активной поддержке местной эсеровской организации Маллесон стал полновластным диктатором Закаспия.

И вот этот бравый генерал встревожился, узнав, что в красноводскую тюрьму попали бакинские комиссары. «Правда, — признавался Маллесон, — комиссары были безоружны, в том смысле, что огнестрельное оружие у них было отобрано, но они обладали более страшным оружием — силой агитаторского таланта, благодаря которому массы переходили на их сторону и возникали новые большевистские восстания».

Первое, что сделали красноводские власти, захватив наших товарищей, — сообщили об этой «удаче» в Ашхабад Маллесону и закаспийскому эсеровскому правительству и в Петровск Бичерахову.

И. ФИОЛЕТОВ.

А. ДЖАПАРИДЗЕ.

И. МАЛЫГИН.

М. АЗИЗБЕКОВ.

Г. КОРГАНОВ.

«Рано утром, — повествует Маллесон,— беспроволочный телеграф Красноводска... известил нас об их прибытии. Это была новость первостепенной важности. Группа крупнейших агитаторов России внезапно очутилась на наших берегах, и было очень возможно, что страна с непостоянным, колеблющимся населением снова очутится на стороне большевиков. Что бы случилось тогда с нашими планами? Какова была бы судьба наших войск?..»

Далее генерал категорически заявляет: «Ясно, чего бы это ни стоило, надо было воспрепятствовать прибытию этих лиц в Ашхабад, ибо это помешало бы нам во всех отношениях и, несомненно, ускорило бы развязку.

Британская миссия не хотела, чтобы комиссары пришли и остались в Закаспии...»

Утром, в день ареста комиссаров, к Маллесону явились представители закаспийского правительства. «Они согласились со мной, что присутствие этих людей в Закаспии нежелательно...», а также и с тем, что **«большевики безопасны только мертвые»**.

Бичерахов также не замедлил прислать в Красноводск радиограмму с полным одобрением убийства бакинских комиссаров.

Функции палачей были возложены на ближайшего помощника генерала Маллесона капитана английской службы Реджинальда Тиг-Джонса и главу закаспийского правительства эсера Фунтикова.

Экстренный поезд в составе одного классного и одного арестантского вагона со специально подобранной бригадой вечером 19 сентября доставил их из Ашхабада в Красноводск.

Тиг-Джонс и Фунтиков вместе с представителями английского командования и красноводскими эсеровскими заправилами разработали технический план расстрела.

Все эти подробности были выяснены много позже.

* * *

В ночь на 20 сентября 1918 года было тихо в камерах наших товарищей. Еще с вечера предупредили, что ночью все будут отправлены. Куда? В Ашхабад, в областную тюрьму, потому что в Красноводске тесно.

Кто-то из товарищей случайно увидел во дворе груду лопат.

Каждому ясно, что скоро конец, но вслух об этом никто не говорит. Никто не верит, что повезут в Ашхабад.

Да, это была страшная ночь, ночь с 19 на 20 сентября.

В неведомую дорогу собрались все. Собрались и ждали.

Идут часы, но ничто не нарушает тишины.

Одни прилегли на нарах, другие — на полу.

И вдруг около двух часов ночи все вскочили от шума многочисленных шагов по коридору. Зазвенели ключи, загремел засов, распахнулась дверь, и палачи вошли в камеру.

Кто-то из них по бумажке выкликает фамилии. Выкликает не всех, кто находится в камере...

— Собирайтесь, сейчас мы заберем вас отсюда.

— Почему не всех? А нас, остальных?

— Вас? Остальных? Вас мы завтра выпустим...

Настала минута прощания.

Сохраняя полное спокойствие, прощается отец с Суреном, что-то тихо говорит ему.

Потом он подходит ко мне. Обнимает, ласково улыбается. Я слышу его последние слова:

— Вот завтра вас выпустят. Постарайтесь скорее пробраться в Астрахань...

И после секунды молчания, обращаясь к обоим сыновьям, он тихо произнес:

— Берегите маму...

Молча, один за другим, твердыми шагами выходят товарищи из камеры. Захлопывается дверь, гремит засов, звенят ключи... Шаги удаляются, замирают.

* * *

Прошло много мучительных дней неволи.

Если бы в тюрьме была возможность получать газеты, то мы прочли бы в ашхабадском «Голосе Средней Азии», в номере от 20 сентября 1918 года, зловещие, беспримерные по своей откровенной наглости строки:

«Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку. Среди нашей добычи находится один из знаменитых героев, Шаумян, которого давно окрестили «кавказским Лениным». Они сеяли ядовитые семена недоверия к нашим союзникам — англичанам, благородно отозвавшимся на зов бакинцев о спасении.

...Они в наших руках... Отныне будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Корганова и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Английские «цивилизованные» людоеды и эсеровские варвары осуществили свою угрозу. Рабочий Кузнецов с группой товарищей раскопал могилы комиссаров, расстрелянных 20 сентября 1918 года на перегоне между станциями Ахча-Куйма и Перевал, на 207-й версте.

Вот что сообщил он:

«Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов не была цела, была перебита на части и раздроблена. Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били, чем попало...»

Все это раскрылось позже. Позже раскрылось и то, что Реджинальд Тиг-Джонс горячо благодарил членов закаспийского эсеровского правительства за умелое проведение расстрела двадцати шести и обещал выдать им официальную справку от имени английского командования об увозе комиссаров в Индию...

* * *

Все это раскрылось позже...

«Проходят мучительные дни и недели безвестия, — писал товарищ А. И. Микоян. — Где они, куда их повезли, не можем установить. Одни говорят, что они в Асхабаде, другие — в Персии... Мы не знаем, где наши близкие друзья, бакинский пролетариат — где его вожди, Советская власть — где ее лучшие борцы.

...Тяжело думать, что нет больше в живых Степана, Алеши, Ванички... Вдруг, неожиданно некто с воли сообщает нам в тюрьму страшную правду, вскрывает перед нами кошмарную картину неслыханного злодеяния эсеровских палачей. Этот неизвестный нам не знавший нас — железнодорожный рабочий из Красноводска, кажется, проводник.

В ту ночь он был на вокзале. Видел людей подозрительных, вооруженных, переодетых, в белых чалмах. В вагонах — лопаты.

Почуяв, что готовится что-то недоброе, страшное, решился быть свидетелем готовившейся кровавой расправы. Незаметно, тайком пролез меж вагонов и устроился на буферах.

Он видел своими глазами, как в далекой степи остановили поезд, вывели из вагонов по группам пленных борцов коммунизма, недалеко от полотна зверски растерзали их.

В пулеметной трескотне он слышал последние слова жертв белого террора:

— Мы умираем за коммунизм. Да здравствует коммунизм!»

* * *

Вот имена 26 бакинских комиссаров, зверски расстрелянных агентами английского империализма:

С. Шаумян — член Центрального Комитета РКП(б), чрезвычайный комиссар по делам Кавказа, председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров. **А. Джапаридзе** — кандидат в члены Центрального Комитета РКП(б), председатель Бакинского Совета, народный комиссар внутренних дел, народный комиссар продовольствия. **М. Азизбеков** — бакинский губернский комиссар. **И. Фиолетов** — председатель Бакинского Совета Народного Хозяйства. **Г. Корганов** — народный комиссар по военно-морским делам, председатель Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии. **И. Малыгин** — заместитель председателя Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии. **Г. Петров** — представитель Центрального военного командования в Баку, командир отряда. **А. Амирян** — редактор газеты «Бакинский рабочий». **Я. Зевин** — народный комиссар труда. **М. Визиров** — народный комиссар земледелия. **С. Осепян** — редактор газеты «Известия Бакинского Совета». **М. Басин** — советский работник. **Б. Авакян** — комендант города Баку. **Ф. Солнцев** — начальник военно-инструкторской школы. **А. Констандьян** — заместитель народного комиссара продовольствия. **И. Габышев** — комиссар бригады. **А. Богданов** — работник Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии. **А. Берг** — военный работник. **М. Коганов** — военный работник. **А. Борян** — советский работник. **И. Метакса** — советский работник. **В. Николайшвили** — советский работник. **В. Полухин** — военный работник. **Т. Амиров** — командир советского кавалерийского отряда. **С. Богданов** — советский работник. **И. Мишне** — советский работник.

* * *

В день пятой годовщины злодейской казни 26 комиссаров бакинские рабочие получили письмо от товарища Сталина и товарища Молотова:

«ЦК РКП разделяет сегодня с вами вашу скорбь по поводу гибели 26 комиссаров, павших жертвой англо-эсеровских палачей в далеких степях Закаспия. ЦК РКП считает, что лучшим памятником для погибших товарищей, революционные заслуги которых запечатлены в сердцах бакинских рабочих, является выкованная вами путем упорного труда — в тесном крепнущем с каждым днем союзе с крестьянством — Советская Азербайджанская Республика...»

Продолжая славные традиции бакинских коммунаров, большевики превратили Азербайджан в цветущую Советскую республику, твердой поступью идущую вперед, к коммунизму.

И. Бродский. «Расстрел 26 бакинских комиссаров».

В СТАРИННОМ РУССКОМ ГОРОДЕ

Петр САЖИН

Фото Г. Дубинского

Специальные корреспонденты «Огонька»

В трехстах километрах от Москвы, на высоком берегу Волги, стоит один из чудеснейших русских городов, сочетающий в своем облике романтическую неповторимость прошлого и выразительную прелесть настоящего.

В 1949 году этому городу исполняется 925 лет. Он был заложен Ярославом Мудрым.

Возникновение города связано с легендой, символы которой сохранились до наших дней.

По преданьям седой старины, князь Ярослав, во время одного из походов достигнув высокого мыса, возвышающегося над Волгой при впадении в нее Которосли, пораженный красотой открывшегося перед ним вида, приказал разбить здесь лагерь. Дивная природа пленила сердце князя, и он подолгу простаивал в одиночестве на высоком утесе, любуясь дремучими лесами, склонившимися над величественной рекой.

Вольным жителям этих мест, раскинувшим свои курные избы в ближнем овраге, не по сердцу пришелся затянувшийся визит Ярослава, и они выпустили на него медведя, содержавшегося в клети. Князя спас один из телохранителей, секирой рассекший голову медведя. И вот, как гласит легенда, в честь чудесного избавления от опасности Ярослав повелел основать здесь город, который и доныне носит его имя.

Сколько правды в этой легенде,— сказать трудно. Но недалеко от называемого места лежит овраг, который сохранил наименование Медвежьего. Медведь и секира были в прежние времена эмблемой в гербе Ярославской губернии.

Но Ярославль приметен не только почти тысячелетней историей. Нынешний Ярославль — красивый город, с широкими улицами, стройными ансамблями площадей, бульварами и новыми магистралями, застроенными многоквартирными домами. Строгой прямотой улиц Ярославль напоминает Ленинград.

Новые дома, построенные за годы пятилеток, заняли места лачуг и отживших свое время купеческих особняков; они выросли на пустырях и окраинах города.

Сложная была задача у градостроителей, воздвигавших новые здания на площадях древнего, складывавшегося веками города. Но они сумели, сохранив памятники древности, сделать заметными, яркими и новые сооружения.

Одна из лучших улиц Ярославля — Советская. Она связывает два совершенно различных ансамбля: Красную площадь и Советскую. Первая застроена в наше время, вторая — три века тому назад.

Советская улица в недалеком прошлом состояла из приземистых особнячков. Теперь это проспект, залитый асфальтом, украшенный деревьями и газонами, застроенный новыми, светлыми зданиями.

В Ярославле много памятников русского зодчества XVI и XVII веков, вызывающих восхищение не только знатоков архитектуры, но и простых, не искушенных в тонкостях архитектурного искусства людей. Среди архитектурных шедевров города гениальный образец русского зодчества — колокольня церкви Рождества Христова, что стоит на Февральской улице. Она построена в XVII веке. Это один из самых совершенных памятников ярославского зодчества.

Другие замечательные произведения русского зодчества в Ярославле — знаменитые церкви Ильи-пророка и Иоанна Златоуста — принадлежат к числу архитектурных памятников мирового значения. «Ярославская школа» XVII века оставила глубокий след не только в развитии русской национальной архитектуры, но и в истории монументальной живописи.

Шедевры старинного ярославского зодчества создавали не архитекторы, а ярославские каменных дел мастера: Карп Губа, Иван Парфенов, Федор Денисов, Дорофей Мякишев, Антон Филиппов и другие. Эти мастера остро чувствовали законы архитектурных пропорций и никогда не нарушали их. Они работали в Москве (в Кремле) и в других городах России, — по всей стране стоят их памятники.

И когда смотришь в Ярославле на творения этих русских зодчих-самородков, — они захватывают своей чарующей стройностью. Но стоит отнять взгляд от чудесной старины, кинуть его на новые улицы, проспекты, бульвары, и вы с радостью ощущаете, что ярославцы оказались достойными наследниками художественного богатства своих пращуров, создавая новый, социалистический Ярославль.

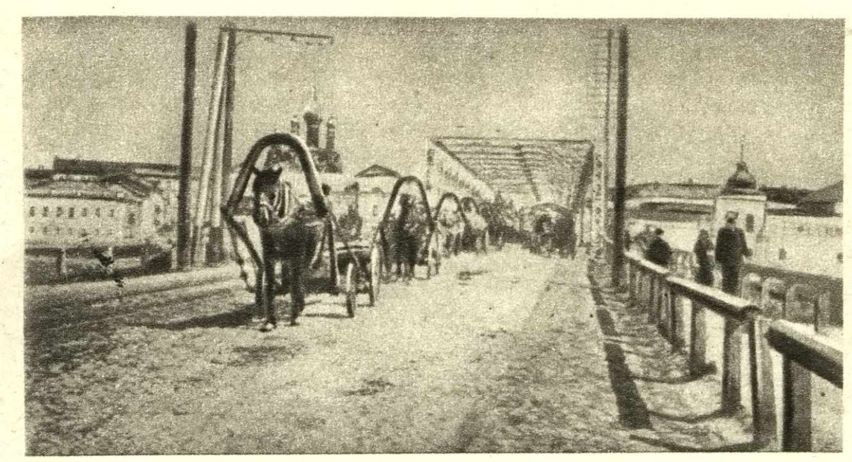
Кто в прошлом бывал здесь, тот помнит булыжную площадь у Московского вокзала, помнит въезд в город по тряской дамбе, свалки на «Стрелке», что высоким мысом нависла над Которослью. Сегодня приезжий человек, миновав вокзал, оказывается на гладкой, будто отполированной площади с прелестным молодым сквером, обнесенным чугунной решеткой. Здесь приезжий найдет трамвай и автобусы, которые доставят его в любой конец города и в отдаленные, выросшие за годы сталинских пятилеток промышленные районы. Сорок пять автобусов курсируют на линиях. Трамвайные поезда идут почти бесшумно по дамбе. Полотно дамбы также залито асфальтом, огорожено красивой чугунной

Пятикилометровая набережная, опоясывающая берега Волги и Которосли.

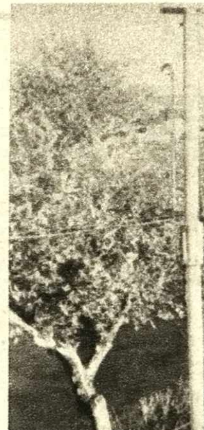

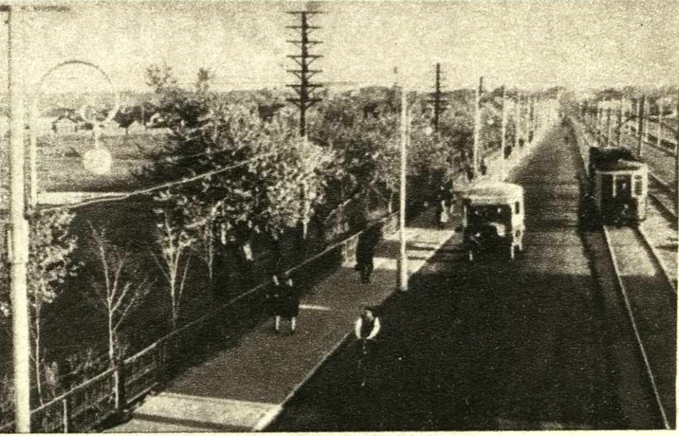
Театр имени Волкова.

Кто был в Ярославле до революции, помнит въезд в город по тряской дамбе.

Так выглядит дамба сегодня.

решеткой, обсажено деревьями и освещено молочным светом электрических фонарей, установленных на металлических столбах. Из «черного хода» старого, купеческого города дамба превратилась в парадную аллею нового, социалистического Ярославля.

В Ярославле любят зелень. Самые лучшие места в городе занимают два парка и девять садов. Только за последние годы высажено свыше ста тысяч деревьев и кустарников.

К услугам гостей город располагает четырьмя гостиницами. Одна из них выстроена совсем недавно.

За короткое время в городе залиты асфальтом пять больших площадей и двадцать три улицы.

Во время нашего пребывания в Ярославле заканчивались основные работы по вводу первой очереди автоматической телефонной станции, рассчитанной на 10 тысяч номеров. По плану пятилетки, станция должна войти в строй лишь в 1950 году. Но ярославцы включают 5 тысяч номеров уже в текущем году.

Гордость Ярославля — пятикилометровая набережная, опоясывающая берега Волги и Которосли. Ни в одном другом из волжских городов нет такой благоустроенной эспланады. Она вся залита асфальтом, обрамлена газонами, обсажена липами, обнесена чугунной решеткой. Два километра этой чудной прогулочной трассы, от Арсенала до Кремля, построены во время войны, в 1944 году, в течение 75 дней! Жители всех семи районов города во главе с секретарями райкомов и горкома партии работали на ее постройке. Около ста тысяч человек создавали проспект над Волгой и Которослью. В центре его преобразованная «Стрелка» — самое любимое место горожан. Правда, разбитый на плацу у «Стрелки» парк еще не дает тени: на это нужно время. Но зато какой чудесный вид открывается отсюда на заволжские дали и на пойму Которосли!

Ярославль — не показательный город. В нем много еще нужно сделать. Текстильщики, представители самого старого отряда ярославских рабочих (их предприятие, комбинат «Красный Перекоп», уже отсчитывает третье столетие), давно ждут активного вторжения архитекторов, дорожников, электриков и садовников в свой Красно-Перекопский район.

Не все еще улицы Ярославля удостоены внимания благоустроителей. Но все же размах строительства и строгая выдержанность в стиле, господствующие здесь, могут служить примером для многих городов.

Ярославль — город энтузиастов благоустройства. Рабочие тормозного, паровозоремонтного, механического № 1 и Пролетарского заводов отливали решетки и столбы для фонарей. Коллектив деревообделочной фабрики построил 45 автобусных кузовов.

Дореволюционный Ярославль имел около 400 тысяч квадратных метров жилой площади, а к концу этого года жилой фонд Ярославля составит 1 миллион 300 тысяч квадратных метров. Мощность водопровода увеличилась против старого в 15 раз.

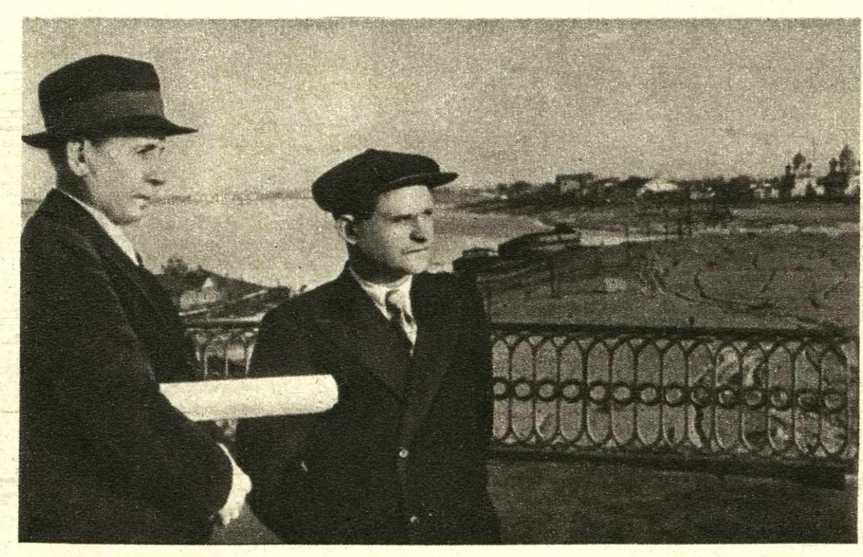

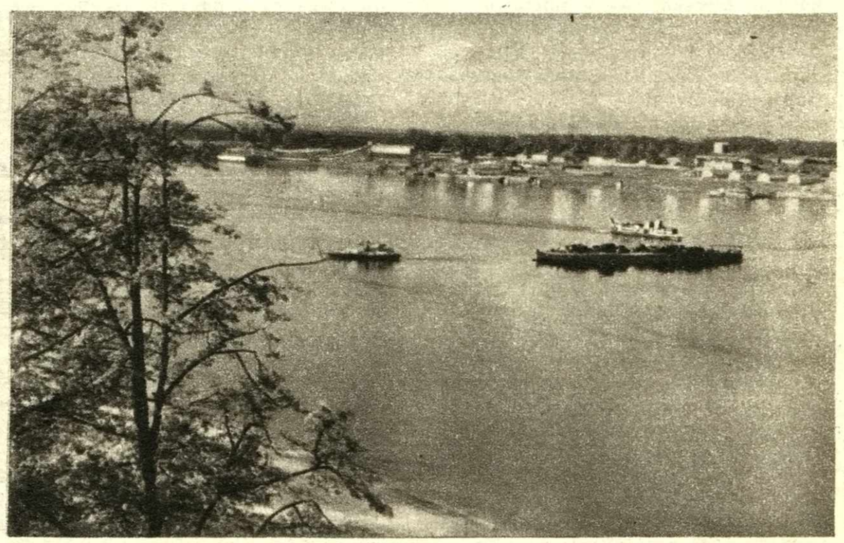
Ярославль. Советская улица. Десять лет тому назад здесь стояли приземистые особнячки. Теперь это лучший проспект города, застроенный новыми, светлыми зданиями.

Крупный областной промышленный центр за все девять веков своего существования не знал таких темпов строительства. Это и не удивительно. Раньше здесь основу деятельности составляли торговля и текстильные мануфактуры, учрежденные еще при Петре Первом. Теперь в центре экономики металлообрабатывающая и резино-химическая промышленность и на третьем месте текстиль. На окраине Ярославля в скором времени ставится на конвейер самый крупный в Союзе автомобиль — в его кузов можно будет погрузить 12 тонн!

Среди энтузиастов нового Ярославля заметна фигура старейшего депутата горсовета, главного архитектора города А. В. Федорова, неустанно пекущегося о парках, садах, новых улицах. Федоров ознакомил нас с проектом реконструкции которослинской поймы. Которослинская пойма — это 200 гектаров низины, разделяющей город в районе «Стрелки» и бывшей слободы Коровники. Сейчас здесь огороды горожан. Берега Которосли, по проекту, будут дренированы и подняты, и на месте поймы будет разбит огромный парк.

...В летнем зное с Волги доносился басовитый разговор кипенно-белых пароходов. Они мягко резали носами спокойную, почти зеркально гладкую воду. И я мысленно представил себе, как красиво выглядит с палубы идущего с верховьев Волги парохода этот город с его старыми и новыми монументами, с его прекрасной набережной и парками.

На 200 гектарах которослинской поймы, от решетки «Стрелки» до слободы Коровники, раскинется парк. На снимке слева: А. В. Федоров и председатель Ярославского исполкома А. В. Быков. На фото справа — Волга у Ярославля.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУКИ

К. БУКОВСКИЙ

I

В небольшом Южном, или, как его называют иногда по старой памяти, Архиерейском, саду я заметил одно очень странное на вид деревцо. Судя по некоторым признакам, это была обыкновенная сибирская ягодная яблоня. Такой, по крайней мере, выглядела основная часть кроны с ее густыми ветвями, жесткими листьями и мелкими красными, как вишня, плодами. Но от этой основной кроны расходились ветви, обремененные тяжестью иных, очень крупных, зеленых и золотисто-розоватых плодов. Это были уже не ягоды, а яблоки, разной величины и окраски, но одинаково, должно быть, превосходных сортов.

Я понял, что передо мной один из случаев вегетативного сожительства. Но так как этот случай был далеко не первый и перед этим я уже вдоволь насмотрелся всяких церападусов (гибридов самарской степной вишни с японской черемухой), рябин с плодами груши, плодов со вкусом яблока и формой бергамота и прочих столь же удивительных случаев далекого и малопонятного родства, то, пресыщенный всем этим, хотел пройти мимо деревца.

Но мой спутник Андрей Николаевич Бахарев слегка придержал меня за рукав.

— Не надо спешить,— сказал он,— яблонька заслуживает большего внимания. Она обещает вырасти в живой укор нашим вейсманистам.

Я еще раз, с бо́льшим интересом, осмотрел облагороженную дикарку. Кроме плодов, упрятанных в марлевые мешочки, на ветвях ее можно было заметить небольшие этикетки с помеченными на них номерами сеянцев и датами. По номерам, которые показались мне знакомыми, я предположил, что сеянцы, привитые к «сибирке», являются гибридами, выведенными Иосифом Степановичем Горшковым, ближайшим учеником Мичурина и нынешним директором Центральной генетической лаборатории, в садах которой мы находились. Андрей Николаевич подтвердил мою догадку:

— Это эксперимент Горшкова. Теоретический смысл его — установить степень взаимного влияния подвоя на привой и обратно. Иначе говоря, яблонька эта служит наглядным примером сознательной переделки качеств растения с помощью ментора, или, проще сказать, воспитателя.

— Кто же кого здесь воспитывает? — спросил я у Бахарева.

— Главным образом «сибирка». И, представьте, весьма положительно. Опыт недавний, судить обо всем еще трудно. Но кое-какие хорошие стороны воспитания на гибридных плодах уже сказываются. Они, например, уже лучше ведут себя в лежке.

— А как можно установить самый процесс и степень такого влияния?

— Сравнением с плодами, формой листьев и другими признаками контрольных маточных деревьев. А кроме того лабораторным анализом. От нашего биохимика Нины Владимировны Новопавловской не скроется никакое изменение.

Я вспомнил маленькую женщину с родинкой на щеке, которая буквально засыпала меня ворохом сложных терминов, когда я по неосторожности заглянул в ее лабораторию. При этом в глазах у нее загорелось такое яркое пламя энтузиазма и вся фигурка ее так нетерпеливо рванулась к пробиркам и колбам, что мне стало неловко за мое первоначальное к ним равнодушие. Действительно, вряд ли что может ускользнуть от всевидящего ока ее пробирок.

Пройдя несколько шагов от яблони-воспитателя, мы с Андреем Николаевичем очутились перед другим живым вкладом в науку — перед многолетним древесным помидором. Если кто не знал раньше, что наши обыкновенные столовые помидоры могут расти на деревьях, пусть узнает об этом теперь.

История деревца любопытна. Когда-то Алексей Максимович Горький привез из Сорренто растение, относящееся к виду томатных, но не имеющее ничего общего с нашими однолетними помидорами. На древесном стволе его росли огромные, толстые листья с неприятным запахом. Никакой пищевой ценности растение не представляло и использовалось у себя на родине как декоративное. У нас оно попало сначала на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, потом на опытную станцию в Сочи. Там оно было размножено. Теперь его сумели вырастить в Мичуринске, и Горшков прививкой сроднил с ним обыкновенный однолетний помидор. Прививок вытянулся в длинную вьющуюся ветвь и уже два года дает плоды, мелкие, правда, но вполне пригодные к употреблению.

Рядом с этим древесным помидором растут сеянцы из семян его привоя. Они ведут себя по-разному. Одни растут буйно, другие — ослабленно. У одних листья нормальные, обыкновенные, у других — в разной степени измененные. Настолько же различны и завязи плодов. Так велика оказалась «расшатанность» молодых организмов под влиянием необычного сближения далеких между собой родителей. Воздействия подвоя — отца — на привой здесь было выражено чрезвычайно резко и как нельзя более убедительно.

Что же это было? Вывих в природе растений? Ее внезапная прихоть? Курьезный случай? Нет. В природе таких вещей не бывает. Это настоящий научный опыт, основанный на влиянии внешних условий среды и наследственности. И главное, что за этим экспериментом уже следит, ожидая от него очень многого для себя, сама мать-природа. Она готовится принять в свое лоно еще одно новое растение — более совершенное, чем могла бы создать сама, без помощи человека.

II

Стены комнаты на втором этаже, куда забегает иногда со своей селекционно-опытной бахчи Георгий Степанович Бузулин, завешаны таблицами. Они имеют прямое отношение, во-первых, к борьбе мичуринцев-биологов с биологами-менделистами, во-вторых, к тому, что происходит на самых огородных грядках у Григория Степановича, и, наконец, к снабжению москвичей собственными, подмосковными арбузами.

Началось с последнего. Незадолго до войны мичуринцы получили задание — вырастить арбузы с пригодными для Подмосковья сроками созревания. Дело это было поручено Бузулину, как человеку, способному и плод нужный вырастить и науку вперед двинуть. Вместе с арбузами получил Георгий Степанович в свое научное ведение и некоторые другие бахчевые культуры.

По мере того, как шли опыты со скрещиванием огромного сахарно-сладкого мелитопольского арбуза с мелкоплодным, но рано созревающим сортом Стокса, простой дыни «липовки» с мичуринской «коммунаркой» и различных красных, желтых, круглых и удлиненных помидоров, Георгий Степанович все более и более ожесточался против менделевского келейного законодательства.

...Утверждают, что подобно Георгию Степановичу, который был сыном пензенского крестьянина, и он, монах Грегор Мендель, родился в семье простого земледельца. Будто бы в молодости он так же дышал чистым воздухом полей и так же трудился, как все земледельцы, на пашне. Значит, ему должно было быть знакомо то чувство величия и вместе с тем живого непостоянства природы, которое охватывает всякого, кто, хоть недолго, но бывал с нею близок. Значит, и он удивлялся не раз тому бесконечному многообразию форм, запахов, красок, которым поражает она человека в пору своего цветения или плодородия. Однако вырастил он на монастырских грядках не яблоню, и не розу, и не еще что-нибудь подобное, что могло бы прибавить природе живой красы. Нет, вырастил он нечто противное ее здоровому духу — некое кабаллистическое число 3 : 1, которому и захотел подчинить все развитие в растительном царстве.

Три к одному — таковы будто бы законы унаследования растениями одного родительского признака. Монах-селекционер пришел к ним, высевая и скрещивая в палисаднике горох. И хотя случаи, чтобы из каждых четырех растений три наследовали отцовский признак, а одно — материнский или наоборот, были в его гороховых потомствах очень редки, монаху все же показалось возможным возвести эти случаи в жизненный канон.

Правда, подчиняться такому гороховому закону отказалась даже простая ястребинка. Уже на этом двухлетнем растении монах споткнулся. Что же можно ожидать его, если бы он попробовал однажды сойти со своих палисадных гряд и выйти в поле? Монах и не делал такой попытки, тем более что вскоре его назначили прелатом. Теперь ему, связавшему свое благополучие с монастырской казной, и вовсе не захотелось возвращаться к широкому, но малодоходному полевому простору. Игумен счел за благо прекратить бесполезные опыты и, сунув свой огородный «труд» за божницу, занялся исключительно выращиванием текущих счетов

«Труд» был вытащен тридцать лет спустя из кучи бумажного хлама. Его опубликовали, найдя кабаллистику покойного прелата подходящей к потребностям времени. Эти 3 : 1 выглядели незыблемо и твердо, чего нельзя было сказать о тогдашнем общественном строе. Оставалось подчинить этой формуле все живущее — от гороха до человека, превратить постоянство числовых отношений в «законе рас-

Ученик Мичурина Иосиф Степанович Горшков (справа) с научными сотрудниками Б. П. Архиповым, И. М. Жиронкиным и Б. Л. Никитиным.

Фото М. Бугаевой

щепления» в такое же постоянство и неизменность наследственных признаков, и вот природа, а вместе с нею и общество оказались втиснутыми в сухую и мертвую схему развития по замкнутому кругу. Кажется, именно этого и добивались менделисты, они же и вейсманисты и морганисты тож.

Что это могло означать в социальном смысле, разгадал, еще будучи простым конторщиком, но уже переделывая природу по ее материалистическим законам, Иван Владимирович Мичурин. «Очень жаль,— заметил он однажды,— что Фридрих Великий жил и царствовал гораздо ранее монаха Менделя, а то ему легко было бы выполнить свою заветную мечту нафабриковать великанов солдат...»

Сказано с издевкой и со смыслом. И сказано не в бровь, а прямо в глаз нынешним «послушникам» прелата из Старобрюннского монастыря.

По случайному совпадению Мичурину после революции были отданы для развития его учения на практических опытах тоже монастырские земли. Начало новому мичуринскому питомнику было положено на землях бывшего Троицкого монастыря, расположенного вблизи города Козлова. С тех пор, как беглый монах Иосиф еще в XVII веке основал и обнес его стенами с бойницами и башнями, и до самого 1917 года монастырь этот утверждал своим существованием те же самые законы вечности и неизменности существующего строя, которые «растил» на своих грядках преподобный австрийский игумен. И невежественные монахи под городом Козловом и ученый монах в городе Брюнне служили, в сущности, одним и тем же целям.

Может быть, именно поэтому ученик Мичурина Георгий Степанович Бузулин, зная, какую справедливую ненависть питал его учитель к ложным и вредным поповским законам, так ополчился против них в своих опытах. Тем более, что каждая новая таблица расщепления в выводимых им потомствах смородины или помидоров разрушала эти законы в прах. Ни от числовых отношений, ни от метафизики монаха на грядах не оставалось и следа. Потомства жили, росли и изменялись, согласно воле самого Бузулина.

Так воевал Григорий Степанович с Менделем до самой войны, а потом ушел воевать с его духовным отпрыском — Гитлером, тем самым, который также мечтал нафабриковать миллионы великанов-солдат с чистой и неизменной арийской наследственностью.

После, придя с войны победителем и найдя всего-навсего один сохраненный для него плодик из выращенных им поколений помидоров, Георгий Степанович продолжил опыты с этим единственным плодом.

Теперь размеры его научных участков опять исчисляются гектарами. На одном огороде греют свои бока крупные, сочные и сладкие арбузы-гибриды, преимущество которых перед арбузами, выведенными подмосковными колхозными селекционерами, состоит в том, что они высеваются прямо в грунт и успевают созреть за 85 дней вместо 120, нужных для мелитопольского или астраханского арбуза. На другом — дозревают последние гибриды-дыни. На третьем, самом большом, глаза мои разбегаются перед бесчисленным множеством гряд с выращенными на них совершенно не похожими один на другой томатными гибридами. Какое там три к одному! Все таблицы Менделя — сущая чепуха перед разнообразием линий в бузулинских помидорных потомствах. Из этих линий он выбирает лучшие и заставляет их наследовать приобретенные ими качества и признаки.

В Бузулине меня привлекает весь его облик, его плотная, коренастая фигура с седеющей, смело посаженной головой и руками, постоянно перепачканными землей. В его облике много от человека, находящегося в тесном общении с природой. Таким, думается, и должен быть настоящий ученый. Не монах, который делит свой досуг между растениями и богом и отдает предпочтение последнему. Не книжник с умом, присыпанным густым слоем пыли от обветшалой и мертвой уже науки. И не белоручка, стыдящийся проверить свои знания у тех, кто пашет землю и растит сады. А именно такой человек с бурой от солнца шеей и опытом крестьянина, с характером революционера и разумом ученого.

III

Для этих людей сама природа служит огромной научной лабораторией. Они преображают жизнь растений с помощью ножа для прививок и баночки, наполненной цветочной пыльцой. Они врачуют недостатки природы, пользуясь микроскопом, лупой, пинцетом и шприцем. Они и акушеры природы, и ее воспитатели, и лекари. Но главное — они ее творцы.

Их немного здесь, в садах Мичурина: всего восемнадцать научных сотрудников, занятых развитием его взглядов и воззрений. Но у каждого из них есть многие тысячи других продолжателей. Здесь, в садах, находится как бы самое ядро мичуринской науки, ее родина.

И если научными сотрудниками самого Ивана Владимировича были и саратовский любитель, приславший ему семена арбуза с редким сроком лежки в четыре года, и командир Красной Армии, нашедший в лесу под Ораниенбаумом крупноплодный сорт красной смородины, то с нынешними его учениками сотрудничают миллионы людей — от землепашца до президента академии и от биолога до философа.

Каждый день, включая и воскресенье, кто-либо из работников центральной лаборатории отдает себя «в жертву» научным и массовым экскурсиям. Паломничество в сады Мичурина приняло характер широкого и непрерывного потока. И оно, конечно, не остается бесследным для науки.

«Попробуйте, господа,— звал он их в письмах,— проследить не в единичных случаях, а в сотнях выходы гибридов наших деревьев семечковых пород. Попробуйте подвести процессы их выводов под гороховые законы Менделя...»

Сегодня «жертвой» казанского профессора-растениеведа, чистопольского учителя-биолога, ученого-виноградаря из Ташкента, колхозного плодовода из Марийской АССР и нескольких школьных экскурсий из разных районов Тамбовщины стала Екатерина Семеновна Черненко. Дочь известного селекционера и жена человека, занятого выведением карликовых зимостойких подвоев для мичуринских плодовых сортов, она и сама не последний человек в науке. Она физиолог растительного мира.

Эта еще молодая и смешливая украинка хочет не больше, не меньше, как сократить сроки преобразования природы. Она хочет помочь в этом селекционеру, не обладающему ни гениальной прозорливостью самого Мичурина, умевшего определять качества растения по одним лишь его морфологическим признакам, ни даже природной интуицией ее отца, способного находить нужные ему родительские пары по совокупности их внешних признаков. Она намерена вооружить обыкновенного селекционера знанием внутренних биологических закономерностей развития растения, присущих ему в его раннюю пору. Мичурин всегда мечтал о возможности такого раннего отбора.

Мы находимся в селекционном саду Черненко, где хозяйничает теперь, за отъездом самого Семена Федоровича в отпуск, его дочь. На одном только ближнем участке этого сада растет более двух тысяч взрослых сеянцев.

Человеку, не искушенному в селекции, все эти деревья кажутся одинаково безликими. Но в действительности здесь нет ни одного деревца, которое в точности походило бы на другое. И отец и дочь легко отличают их индивидуальные черты потому, что каждое из них выросло на их глазах и кроме того уже не раз отдавало свою «кровь» на химический анализ Екатерине Семеновне.

Но вот, скажем, дерево яблони, за плоды которого Семен Федорович получил Сталинскую премию. Оно называется «Июльским», потому что плоды его созревают в июле. Возраст его — тридцать лет. Екатерина Семеновна не могла изучать его в пору вступления сеянца в жизнь потому, что она его ровесница. А теперь ей необходимо знать, как вело себя «Июльское» в ранние, наиболее изменчивые годы своей жизни. Что же делать?

Екатерина Семеновна «возвращает» дерево к его молодости. Она заставляет его пустить от себя корневые отпрыски, и эти побеги воспроизводят перед ней все дурные и хорошие качества юного сеянца. Она как бы вновь присутствует при начале жизни «Июльского», имея возможность теперь познать поведение юных побегов, внутренние признаки индивидуального развития растения, переходящие в порядке наследственности к его потомству.

Все лето тратит она на то, чтобы занести в журнал как можно больше записей. А осенью, когда опадут с деревьев плоды и листья, все эти записи оживут перед ней, и, как знать, не дадут ли они в итоге те самые искомые ею законы?

В этой семье ученых каждый что-то ищет. Черненко-отец ищет родительские пары растений. Дочь ищет в гибридах законы изменчивости признака. Муж ее ищет для гибридов наилучший подвой. Сестра — тоже селекционер.

Ищет новое в науке гибридизации и Татьяна Александровна Горшкова, которая взяла на себя задачу вывести, кроме «беры зимней Мичурина», новые виды груши зимнего созревания. Она же выводит свои зимостойкие сорта ореха фундука с тонкой корой и большим количеством жира в зерне. Весной будущего года они уже пойдут в колхозы на размножение. Научные методы Татьяны Александровны — вегетативное сближение далеких между собою форм, смесь пыльцы и ментор — этот венец мичуринской биологии.

Занят поисками Александр Яковлевич Кузьмин, уже выделивший в этом году несколько сеянцев винограда с созревшими в начале августа прекрасными плодами в добавление к девяти элитным формам, отобранным осенью прошлого года для средней полосы России. Мичуринский виноград под Москвой — уже не плод любительства и опытничества, а дело промышленное, закладываемое теперь на сотнях гектаров. Научная сторона дела — формирование гибридов под воздействием внешней среды. Виноградные лозы Александра Яковлевича в полном согласии с мичуринским учением наследуют благоприобретенные ими признаки.

Широкое поле исканий принадлежит Борису Леонидовичу Никитину, бывшему козловскому электрику, который начал с любительских опытов воздействия электричеством на рост огурцов и кончил тем, что создал, по указаниям Мичурина, нынешнюю электробиологическую лабораторию. Теперь опыты по электризации гряд, облучению лучистой энергией цветочной пыльцы с целью преодоления нескрещиваемости растений и многие другие мичуринские опыты поставлены на современную техническую основу. Теперь Никитин, облучив пыльцу вишни и сливы, уже получает после скрещивания большое количество завязей, а сеянцы этих «трудных» гибридов уже идут с той же помощью электричества на скрещивание с персиком. Как видим, и здесь наука шагает в ногу с практикой, и обе друг друга оплодотворяют.

Всем этим людям, пришедшим со своими опытами на бывшие монастырские земли, мешали в свое время мертвые законы монаха Менделя. И они отбросили их, как отбросил раньше них эту помеху сам Иван Владимирович Мичурин.

Теперь здесь, в мире диковинных гибридных растений, происходит продолжение передовой, мичуринской науки. Этот мир чудесен и поучителен. В нем на ветвях дикого северного дерева зреют роскошные южные фрукты. В нем сливаются в едином незнакомом ранее плоде восточная «кровь» яблони «китайки» с западной «кровью» «бельфлера». Сюда сошел виноград с крымских гор и породнился с могучей и неприхотливой амурской лозой. Здесь нежные абрикосы перестали бояться морозов и снежных метелей. Тут перемешались между собой плодовые и ягодные, культурные и дикие, раскидистые и штамбовые, многолетние и однолетние растения. Перемешались не просто на одной грядке, а в своих потомствах и наследиях, в своих внешних признаках и внутренних качествах.

И люди, которые живут и творят в этом мире, интересны своей жизнью и своими трудами. Для них жизнь есть горение, а наука — творчество. Для них, мне кажется, и чудес в природе не бывает: все объяснимо, и все подвластно.

Мичуринск, август 1948 года.

Памятник Т. Г. Шевченко в Киеве.

Цветное фото И. Соловей

Сбор овощей.

Цветное фото Я. Рюмкина

ПАМЯТИ Андрея Александровича ЖДАНОВА

На выставке в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина

В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина открылась выставка, посвященная памяти выдающегося деятеля коммунистической партии и Советского государства Андрея Александровича Жданова.

...Мягкий свет электрических ламп льется на большие квадратные щиты и стеклянные витрины. Книги, брошюры, журналы, фотографии, листовки. Их сотни. Они знакомят посетителей с кипучей, многогранной деятельностью талантливейшего пропагандиста великих идей Ленина—Сталина, выдающегося марксистского теоретика А. А. Жданова.

На белом плакате известные слова А. А. Жданова: «Там, где нет критики, там укореняется затхлость и застой, там нет места движению вперед».

Рядом, в витрине, брошюры с докладами и речами товарища Жданова, относящимися к тому времени, когда он возглавлял большевиков Нижегородского края. Перелистывая пожелтевшие страницы старых изданий, мы находим пламенные, полные страсти слова, призывающие беспощадно критиковать и изгонять все порочное и негодное, все мешающее росту нового.

Посетители выставки с огромным интересом знакомятся с отчетными докладами краевого комитета ВКП(б) на второй и третьей Нижегородских краевых партийных конференциях, сделанными товарищем Ждановым, и с другими материалами, относящимися к тому периоду. Их бережно берут с полок, внимательно рассматривают, читают.

Внимание офицера, склонившегося над витриной, привлекли слова Андрея Александровича Жданова из отчетного доклада на третьей Нижегородской краевой партийной конференции:

«...Я думаю, что нам в конце-концов надо добиться, чтобы из жизни исчезли аналогии, вроде того, что «Павлово — это советский Золинген», «автозавод — советский Дэтройт», или что «Н.-Новгород — советский Бирмингам». Нам надо так работать, чтобы Золинген стали называть немецким Павловом».

Рядом юноша с пачкой книг в руках и седой человек в сером костюме обсуждают брошюру «Между двумя конференциями». Их заинтересовало то место, где товарищ Жданов говорил о недостаточном изучении Нижегородского края, о недостаточном освоении его природных богатств. Отмечая, что в крае есть необходимые для строительства местных предприятий бут и гравий, А. А. Жданов указывал, что некоторые краевые научные организации не изыскивают нужные материалы, а занимаются проблемами, оторванными от жизни.

— Как это хорошо и верно сказано. Ведь и в наши дни в ином месте такое можно встретить. Вы почитайте, какие замечательные строки, — убеждает седой человек своего молодого собеседника, указывая на одну из страниц брошюры:

«...И вот при таком положении ассоциация по изучению производительных сил нашего края, вместо изучения жизненных, актуально необходимых проблем, занимается тем, что изучает «проблему» сибирской лиственницы, «проблему» влияния волос на характер и природу человека и т. п. Такого рода «проблемами» заполнен план издательской работы этой ассоциации. В этом же плане намечено большое обследование о фабрично-заводском фольклоре сормовских рабочих. Я стал допытываться, что означает это изучение фольклора. Оказалось, что это означает изучение простого обиходного языка, на котором говорят сормовские рабочие. Может быть это и интересная тема, но если при этом в программе работ ассоциации мало намечено актуальнейших проблем промышленности и транспорта, если по гравию достаточно не намечено обследований, то надо сказать, что такая работа никуда не годна. Из этого, товарищи, очевидно, что мы еще мало сделали для того, чтобы в работе наших научных сил, которые несомненно в основном работают с нами, изжить беспочвенный академизм и поставить научно-исследовательскую работу на службу строительства социализма в нашем крае».

Посетители осматривают стенды выставки, посвященной памяти А. А. Жданова, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Фото М. Трахмана

У гроба

Если сердце, надрываясь,
плачет,
если сам стоял у гроба,—
значит,
правда все.
Но я и ей не верю:
вот сейчас рванусь,
проснусь —
и вот
над страной
и над судьбой моею
взгляд и голос Жданова живет.
Разве в мире
есть такая сила,
чтоб огонь той мысли погасила!
Разве есть энергия
на свете,
чтобы
видевшие сквозь века
вдруг закрыла
пламенные эти
ясные глаза большевика!
Разве есть
такая воля злая,
чтоб,
железный разрывая строй,
сердцу,
что рвалось вперед, дерзая,
приказать осмелилась бы:
— Стой!
Нет, пусть все:
венки,
и гроб,
и толпы,
и в мужских ресницах посверк слез,
пусть
мелодий траурным потопом
ночь полка
до самых дальних звезд,
мы не верим.
Все равно не верим:
жил
и жив,
в века шагнул живым!
Нашу совесть
этой жизнью мерим,
пламенем души его
горим!
Буре быть ли,
солнцу ли
над нами,
как при жизни,
как в бою привык,
поднимает
ленинское знамя
Сталина
родного ученик.
Плачу!
Да.
Нет горше
горя сына,
в битве
потерявшего отца,
только
перед ним
и смерть бессильна:
этой жизни
не видать конца!

Николай ГРИБАЧЕВ.

На соседнем щите — речи и доклады Андрея Александровича Жданова, отражающие последующее десятилетие его деятельности: 1934—1944 годы.

Материалы одного из разделов выставки рассказывают о выдающейся роли Андрея Александровича в героической обороне Ленинграда. Фотографии и картины, плакаты и листовки, выдержки из выступлений и обращений товарища Жданова напоминают о тяжелых днях блокады города-героя, показывают, как верный ученик великого Сталина сплотил и мобилизовал ленинградских большевиков, войска фронта, все население города на беспощадный отпор врагу.

С волнением читаешь воззвание, с которым товарищи Ворошилов, Жданов и Попков обратились к ленинградцам.

Вдохновенно и сердечно звучит письмо товарища Жданова личному составу фронтовой автомобильной «дороги жизни», как называли ленинградцы ледяную трассу через Ладожское озеро.

Этот раздел венчает красочная акварель художника А. Яр-Кравченко: «Генерал-полковник Андрей Александрович Жданов вручает знамя 2-му Ленинградскому гвардейскому истребительному корпусу».

Наиболее многолюдно у витрины с книгами, брошюрами и журналами, посвященными работе А. А. Жданова в последние годы. Здесь Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», выступление на философской дискуссии, сборник «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)», речь на Информационном совещании представителей некоторых коммунистических партий в Польше и другие материалы.

На одном из щитов экспонированы произведения товарища Жданова, изданные на языках народов Советского Союза. Из помещенной рядом с книгами справки явствует, что общий тираж брошюр с его выступлениями составляет 27 887 тысяч экземпляров. Изданы они на 57 языках.

Более тысячи человек посещают ежедневно выставку. И каждый замедляет свои шаги у портрета того, чьи блестящие труды представлены на выставочных стендах.

С. Б.

Д н е в н и к «О г о н ь к а»

БОГАТАЯ ОСЕНЬ

ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ПУДОВ ХЛЕБА ГОСУДАРСТВУ СВЕРХ ПЛАНА

Со всех концов страны стекаются в Кремль к товарищу Сталину рапорты колхозов и совхозов о выполнении обязательств. Весь народ встречает с огромным воодушевлением и радостью эти победные донесения, почти каждое из которых содержит лаконичное упоминание:

— Хлеба сдано больше, чем в 1940, предвоенном году.

В последнем предвоенном году, каким был 1940, лишь две области Советского Союза выполнили к 15 сентября планы хлебозаготовок. Это были Южно-Казахстанская и Алма-Атинская области Казахстана.

В прошлом году, когда заготовки хлеба проходили весьма организованно, таких областей к этому времени было уже четырнадцать.

В этом году к 15 сентября рапортовали о выполнении плана хлебозаготовок более 50 краев, областей и республик. Среди них такие гиганты производства зерна, как Украина, Кубань, Ростовская область, Ставрополье. Завершили выполнение обязательств перед государством Молдавская, Армянская, Белорусская ССР, Московская область. Крым и Южный Казахстан первыми, еще 15 августа, рапортовали о своей победе.

Обратимся к Украине. На всю страну, на весь мир гремела слава этой богатейшей житницы. На ее долю до войны приходилась четвертая часть всего сбора зерна по СССР. В этом году в колхозах республики почти не останется неосвоенных пахотоспособных земель. На месяц и семь дней раньше, чем в прошлом году, выполнила Украинская ССР план хлебозаготовок, сдав государству хлеба на 115 миллионов пудов больше. Оставлен позади и уровень заготовок предвоенного, 1940 года: государство получило хлеба на 33 миллиона пудов больше, чем в том году. Колхозы и совхозы республики обязались сдать сверх плана не менее 31 миллиона 600 тысяч пудов зерна.

Столь же внушительны успехи Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Московской областей, Молдавии, Белоруссии. Только Краснодарский край и Ростовская область, выполнившие план хлебозаготовок в невиданно короткие сроки, обязались сдать сверх плана 23 миллиона пудов зерна, вызвав на социалистическое соревнование Украину.

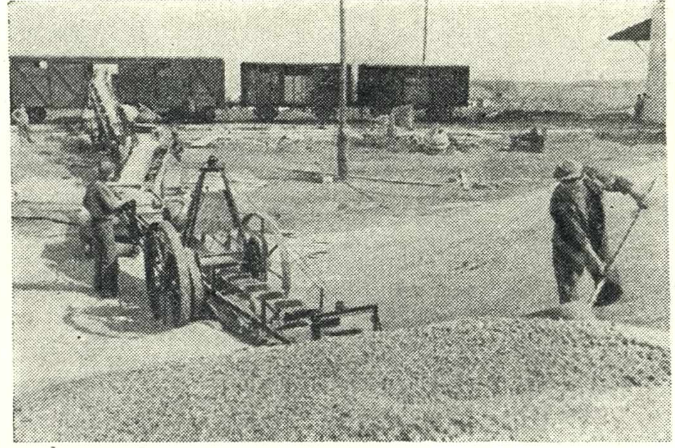
Достойно ответив кубанским и донским колхозникам, украинские хлеборобы вызвали в свою очередь на соревнование колхозы и совхозы Сибири и Дальнего Востока.

Этот призыв также услышан. В прославленном высокими урожаями Алтайском крае разгорается горячая борьба за досрочное выполнение плана хлебозаготовок, за сдачу хлеба сверх плана. Зональный район Алтая обязался к 1 октября не только завершить хлебосдачу, но и сдать дополнительно 300 тысяч пудов зерна. Он вызвал на соревнование все районы края. Колхозы Бурлинского и Хабарского районов также решили сдать сверх плана без малого триста тысяч пудов зерна. Сверхплановый хлеб мощным потоком идет на элеваторы. Тон в этом патриотическом движении задают вожаки колхозной деревни — Герои Социалистического Труда. Колхоз «Страна советов», Угловского района, которым руководит Герой Социалистического Труда тов. Серенко, уже сдал государству сверх обязательств 3 тысячи пудов зерна.

Урожай 1948 года принес стране не только много хлеба. Всех продуктов сельского хозяйства получит наш народ в этом году намного больше, чем в прошлом.

...Ее зовут богатой, золотой — нынешнюю осень. Она богата не только урожаем, но и многочисленными доказательствами роста и укрепления социалистического сельского хозяйства, высокого патриотизма колхозного крестьянства, его преданности интересам Родины.

В. БЕЛИКОВ.

Механизированная погрузка зерна на элеваторе «Югзаготзерно».

Фото А. Устинова

КОРОТКО

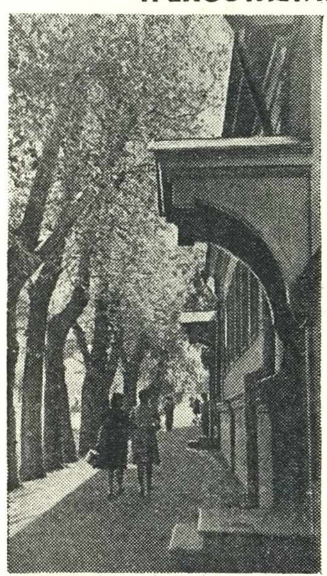
ЮБИЛЕЙ ПОЛЯРНОЙ ОПЫТНОЙ СТАНЦИИ В ХИБИНАХ отметила научная общественность. Станция была организована 25 лет назад в тундре Кольского полуострова, среди болот. Ее работа показывает всю действенность мичуринской биологической науки. За четверть века станция вывела и улучшила 76 сортов картофеля, овощей, ягод, ячменя, овса, ржи и других культур. Выведено также 15 скороспелых и высокоурожайных сортов зерновых культур. На земле, считавшейся бесплодной, овес дает урожай до 26 центнеров, а ячмень — 28 центнеров с гектара.

ПОЛНОМЕТРАЖНЫЙ ФИЛЬМ О ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ снимает киноэкспедиция Московской студии учебных фильмов. Картина отразит красоту природы Верхней Волги, богатство городов, колхозов и совхозов, расположенных по ее берегам, покажет передовых советских людей, самоотверженно борющихся за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ЛАБОРАТОРИИ СОСТОЯЛОСЬ в колхозе «III Интернационал», Верхне-Чирчикского района, Узбекской ССР. Лаборатория организована и оборудована шефами артели — коллективами Узбекской академии наук и ее институтов. Ученые поставили перед собой задачу — в творческом содружестве с колхозниками помочь им добиться удвоения урожая хлопка.

ИСПОЛНИЛОСЬ 20 ЛЕТ МНОГОТИРАЖНОЙ ГАЗЕТЫ «СКОРОХОДОВСКИЙ РАБОЧИЙ». Отражая жизнь ленинградского обувного гиганта, газета сыграла большую роль в пропаганде передовых методов работы лучших производственников фабрики, во внедрении новейшей техники. За 20 лет вышло 2750 номеров многотиражки.

ТРЕХСОТЛЕТИЕ УЛЬЯНОВСКА

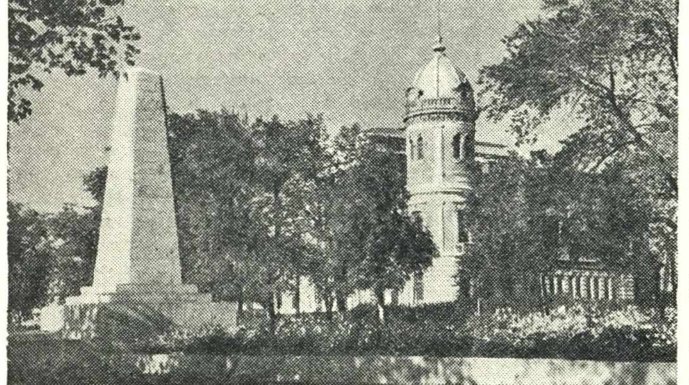

12 сентября исполнилось 300 лет со дня основания Ульяновска (бывший Симбирск). Здесь родился и провел свои детские и юношеские годы Владимир Ильич Ленин.

За годы советской власти город преобразился, став крупным индустриальным и культурным центром.

На снимке, слева: дом-музей В. И. Ленина. Внизу: памятник героям, погибшим в 1918 году при освобождении Симбирска от белых банд; вдали виден дом, в котором родился и жил писатель И. А. Гончаров.

Фото А. Бычкова и М. Озерского

БОЛЬШЕ САХАРА ГОСУДАРСТВУ

На полях страны поспела сахарная свекла. Свеклосеющие колхозы ведут уже массовую уборку урожая. Близится страдная пора для сахарных заводов.

Корреспондент «Огонька» просил заместителя начальника Главсахара Министерства пищевой промышленности СССР В. С. Алексеева ответить на ряд вопросов, касающихся перспектив производства сахара в нынешнем году.

— Как оценивается урожай сахарной свеклы этого года?

— Урожай отличный. По предварительным данным, он равен довоенному.

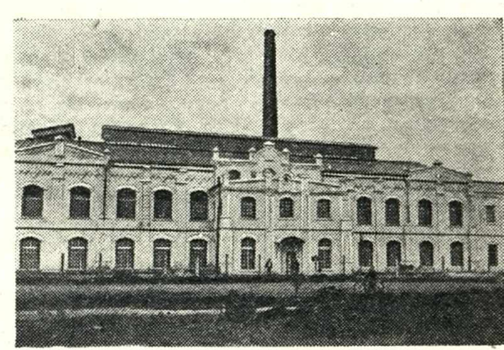
— Как расширяется фронт свеклоуборочных работ?

— Вслед за Средней Азией уборку начали колхозы и совхозы Украины. Фронт уборки переместился из Одесской области в Кировоградскую, Винницкую, Харьковскую, Сумскую, Каменец-Подольскую, Киевскую. Приступили к копке Курская и Воронежская области. В сентябре свеклу нового урожая будут перерабатывать 153 сахарных завода.

Украинская ССР на две трети удовлетворяет потребности страны в сахаре. Сахарные заводы Украины, как и других мест, где хозяйничали немецкие захватчики, подверглись разрушениям. Героическими усилиями советских людей большинство заводов восстановлено. В этом году на Украине будут работать не 129 сахарных заводов, как это было в прошлом году, а 142, причем суточная производительность их увеличится почти на 40 процентов.

В Полтавской области находится самый крупный в СССР сахарный завод, носящий имя великого Сталина. Коллектив этого завода дал слово вождю досрочно выполнить план 1948 года и выработать сверх задания более 180 тысяч пудов сахара.

Огромную роль в организации свеклоуборочных работ, вывозки и переработки свеклы нового урожая, подготовки сахарных заводов к производственному сезону сыграет состоявшееся 6—7 сентября в Киеве совещание работников сахарной промышленности Украины. Оно было созвано ЦК КП(б)У и Советом Министров Украинской ССР. В работе совещания принимали участие тт. Хрущев, Коротченко, Гречуха, Мельников, Корниец и министр пищевой промышленности СССР тов. Зотов.

Восстановленный Лопандинский сахарный завод (Брянская область).

В 1947 году Украинская ССР перевыполнила план выработки сахара. Судя по темпам уборки свеклы, есть основания предполагать, что и ныне сахарная промышленность Украины с честью завершит год.

Широкий размах социалистического соревнования, трудовой подъем на всех сахарных заводах — залог их успешной работы. В этом году коллективы 81 завода в письме к вождю народов товарищу Сталину взяли на себя повышенные обязательства.

Перед работниками сахарной промышленности стоит ряд неотложных задач. Надо как можно скорее вывезти свеклу с полей на свеклозаготовительные пункты, сведя до минимума потери при перевозке и хранении, снизить потери сахара и в процессе производства.

Переработав свеклу урожая 1948 года в сжатые сроки, мы сумеем дать государству сахара на 50 миллионов пудов больше, чем в прошлом году.

БОЛЬШОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДЕЛО

Работники 35 московских предприятий: Первого подшипникового завода имени Л. М. Кагановича, «Динамо», «Серп и Молот», «Каучука» «Фрезера», «Красного пролетария», фабрик «Буревестник», «Красная Роза», «Большевик», имени Бабаева и других — обратились с письмом к товарищу Сталину. Москвичи сообщали великому вождю народов о своем новом обязательстве добиться сверхпланового снижения себестоимости продукции и за счет этого дать в 1948 году социалистических накоплений на 172 миллиона рублей больше, чем это намечено по государственному плану.

Передовые коллективы предприятий столицы писали вождю, что если усилить борьбу за мобилизацию внутренних резервов, если еще более снизить издержки производства в московской промышленности, то вся Москва даст государству сверхплановых накоплений не менее одного миллиарда рублей.

Но если такую сумму может дать одна Москва, то сколько сверхплановых миллиардов, столь необходимых для дальнейшего роста экономического могущества социалистической Родины, можно накопить в масштабе всей гигантской промышленности СССР!

Призыв передовых коллективов Москвы уже широко подхвачен заводами и фабриками не только столицы, но и всего Советского Союза. В этом огромное общегосударственное, общенародное значение нового патриотического начинания москвичей.

Сотни предприятий Москвы и области пересматривают свои обязательства по снижению себестоимости, по повышению производительности труда и росту накоплений в сторону увеличения. Патриотическое движение еще только началось, а уже новые обязательства предусматривают получение на предприятиях столицы сотен миллионов рублей сверхплановой экономии.

Нет никаких сомнений в том, что московский миллиард будет!

Плечом к плечу с Москвой выступает славный город Ленина. Подсчитано, что только по одному Выборгскому району Ленинграда будет сэкономлено не менее 64 миллионов рублей. А в целом вся индустрия города-героя безусловно прибавит к московскому миллиарду сотни миллионов рублей.

На призыв москвичей достойный ответ дает и Урал. В Свердловске почин москвичей встретил горячее одобрение. Один только Уралмашзавод обязуется дать сверхплановых накоплений на сумму 62 миллиона рублей. На этом «заводе заводов» проводится сейчас общественный смотр борьбы с производственными потерями. За короткий срок рабочие и инженеры завода внесли 3500 предложений. Шестьсот предложений, уже внедренных в производство, принесли более 10 миллионов рублей сверхплановой экономии. Всего с начала года Уралмашзавод дал государству около 20 миллионов рублей сверхплановой прибыли.

В Челябинской области коллективы 33 передовых предприятий, следуя примеру Москвы, обещают дать в этом году сверхплановых накоплений в сумме 156 миллионов рублей. В числе этих предприятий Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина. Его вклад—35 миллионов рублей.

Письмо москвичей широко обсуждено и на предприятиях города Горького. Горьковские металлурги, машиностроители, энергетики, бумажники берут на себя новые обязательства. Например, коллектив автомобильного завода имени Молотова решил досрочно выполнить годовой план по выпуску грузовых автомобилей и добиться экономии на 20 с лишним миллионов рублей больше, чем это было намечено в ранее взятых обязательствах.

Призыв Москвы — помочь родному государству наиболее успешно решить задачу дальнейшего укрепления и повышения роли советского рубля в народном хозяйстве — всюду встречает единодушную поддержку. В Туле и Уфе, в Баку и Сталино, в Риге и Минске, в Днепропетровске и Таллине, в Харькове и Куйбышеве, в Новосибирске и Калинине — повсюду ширится фронт борьбы за экономию, за мобилизацию внутрихозяйственных резервов.

Движение за дальнейшее укрепление советского рубля еще только началось. Но уже сейчас можно сказать, что в нынешнем году к московскому миллиарду прибавятся еще многие миллиарды сверхплановых накоплений других промышленных районов страны.

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И. А. ВЛАСОВУ ПОСЛАННИКОМ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ Г-ЖОЙ Г. МЕИРСОН.

10 сентября в Кремле Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР И. А. Власов принял Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Государства Израиль г-жу Г. Меирсон, вручившую свои верительные грамоты. На снимке (слева направо): И. А. Власов, г-жа Г. Меирсон и Заместитель Министра Иностранных дел СССР В. А. Зорин.

Фото Дм. Бальтерманца

ЛЕКТОРИЙ В КОЛХОЗЕ

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний на днях открыло лекторий в колхозе «Огородный гигант» (село Коломенское, Московской области).

Зал нового сельского клуба был переполнен. В фойе организована выставка, на которой представлена продукция колхоза: отличные помидоры, огурцы, кабачки, морковь, картофель, капуста, арбузы.

На торжественном открытии лектория присутствовал председатель Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний президент Академии наук СССР С. И. Вавилов. Доклад «Великий ученый и преобразователь природы И. В. Мичурин» прочел директор Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева В. Н. Столетов.

Еженедельно по четвергам в колхозном лектории будут выступать с докладами квалифицированные лекторы.

В зале сельского лектория. Колхозники слушают лекцию директора Сельскохозяйственной академии В. Н. Столетова.

Звеньевая О. И. Карасева и председатель колхоза Г. С. Собчук показывают президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову выращенные колхозом овощи.

Фото А. Устинова

РЕКОРДНЫЙ ПОЛЕТ СОВЕТСКОГО ПЛАНЕРА

Международная авиационная федерация—ФАИ — в свое время постановила, что ею будет учитываться рекордный полет на планере по замкнутому треугольнику, длина сторон которого должна равняться 100 километрам.

7 сентября планерист-спортсмен В. Г. Павлов на планере «Е-8» установил мировой рекорд. Несмотря на плохую погоду, он пролетел по треугольнику Тушино — Павловское — Голицыно — Тушино 100 километров за 99 минут.

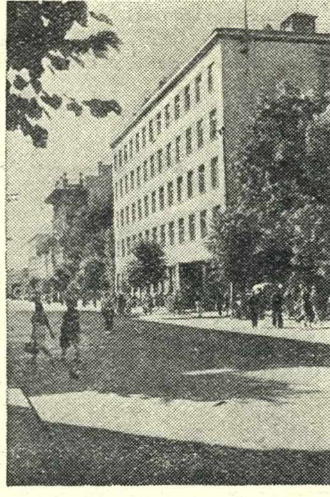
На борту планера находился спортивный комиссар Л. Царс. Все материалы, связанные с рекордным полетом, будут отправлены в ФАИ.

Планерист В. Г. Павлов посвятил свой рекордный полет тридцатилетию ленинско-сталинского комсомола.

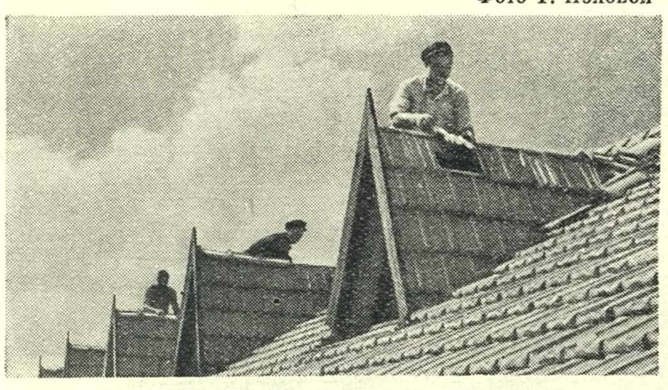
Планерист В. Г. Павлов у своего планера, на котором он совершил рекордный полет.

Фото Б. Пушкина и В. Савостьянова

СЕГОДНЯ В ВИЛЬНЮСЕ. Столица Советской Литвы Вильнюс жестоко пострадал в дни немецкой оккупации. В городе широко развернулись работы по восстановлению и благоустройству. **Н а с н и м к а х:** вверху слева — укладка новой мостовой на улице Ягайлас, у здания Театра русской драмы; справа — восстановленное здание 1-й поликлиники; внизу — на строительстве радиозавода «Эльфа»; укладка черепиц на крыше завода.

Фото Т. Поповой

НОВЫЕ ЧЕМПИОНЫ ПО ТЕННИСУ

Это была упорная, трудная борьба, еще осложненная погодой. Дожди утяжелили грунт, прерывали матчи иногда на несколько часов.

У мужчин в четверть-финальных играх один из лучших наших теннисистов, Б. Новиков, 20 лет выступающий на кортах, встретился с молодым, быстро выдвигающимся игроком С. Андреевым.

Андреев в отличие от Новикова, представителя «позиционного» стиля, играет у сетки, но в то же время отлично чувствует себя и на задней линии. Эта интересная встреча двух столь различных игроков, прерываемая дождем, продолжалась в течение всего дня и закончилась победой Новикова со счетом 1 : 6, 7 : 5, 3 : 6, 6 : 4, 7 : 5.

На следующее утро Новиков встретился в полуфинальном матче с другим представителем нашей теннисной молодежи, неоднократным чемпионом СССР Н. Озеровым и легко выиграл у него в трех партиях: 8 : 6, 6 : 1, 6 : 3.

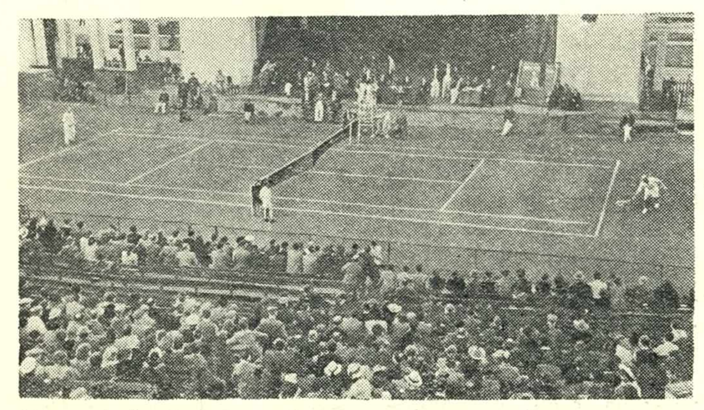
В другом полуфинальном матче чемпион СССР 1947 года Э. Негребецкий неожиданно для всех проиграл З. Зикмунду (4 : 6, 6 : 4, 7 : 9, 4 : 6), не сумев приспособиться к сырому корту.

Таким образом, в финале Б. Новиков встретился с З. Зикмундом. Этот матч продолжался 3,5 часа и закончился блестящей победой Б. Новикова (4 : 6, 6 : 2, 1 : 6, 6 : 4, 6 : 1).

Третье место занял Э. Негребецкий, выигравший у Н. Озерова, на четвертом месте Озеров и на пятом молодой прогрессирующий игрок О. Алас.

Звание чемпиона СССР среди женщин завоевала в матче с Г. Коровиной Н. Белоненко. В смешанном парном первенстве победителями вышли Г. Коровина и О. Алас. В парном женском разряде звание чемпионов СССР получили Н. Белоненко и О. Калмыкова. Мужское парное первенство завоевали в пятый раз Н. Озеров и З. Зикмунд.

В. В.

Теннисный стадион в парке ЦДКА. Финальный матч на первенство СССР по теннису между Б. Новиковым и З. Зикмундом.

Фото Э. Гутгарца

АКАДЕМИЯ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА

В Ленинграде начала свой первый учебный год Академия речного транспорта.

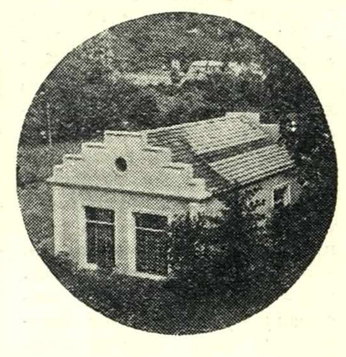
Со всех концов страны съехались слушатели Академии — руководящие работники главков, пароходств, бассейновых управлений пути, стройорганизаций и промышленных предприятий министерства речного флота. Это инициативные командиры, новаторы производства, имеющие законченное высшее образование и стаж практической работы на водном транспорте не менее семи лет.

Академия будет готовить высший командный состав по трем специальностям: путевое хозяйство и строительство, флот и промышленные предприятия, экономика и эксплоатация. За два года учебы слушатели пополнят и углубят свои знания, изучат ряд новых дисциплин, овладеют основами марксизма-ленинизма. Окончившие Академию, по объему знаний смогут защищать кандидатскую диссертацию.

Академия рассчитана на сто слушателей. К чтению лекций привлечены крупнейшие ученые, профессора Ленинградского университета и ряда институтов.

Г. Н.

50 сельских гидростанций

Новая колхозная гидростанция, построенная в этом году колхозом-миллионером имени Молотова, Кобулетского района, Аджарской АССР. Дома цитрусоводов, чаеводов и общественные здания колхоза осветила «лампочка Ильича».

Фото Г. Геловани

Грузия располагает неисчерпаемыми запасами «белого угля». По своим гидроэнергетическим ресурсам она занимает первое место среди союзных республик. На каждый условный квадратный километр здесь приходится в 11 раз больше энергии, чем в среднем по СССР.

Такие огромные запасы дали возможность большевикам Грузии поставить перед собой смелую задачу — в ближайшие годы закончить сплошную электрификацию республики. Широкий размах приобретает электрификация колхозной деревни. Только в этом году в строй вступит не менее 50 сельских гидростанций.

В Горийском и Душетском районах строятся гидростанции, которые призваны сделать их районами сплошной электрификации.

П. ПЕТРУХИН

ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ

Установлено 12 всесоюзных рекордов

Заслуженный мастер спорта Н. Озолин, победитель по прыжкам с шестом.

Фото Л. Доренского (ТАСС)

Харьков (по телефону). 5 сентября на Харьковском стадионе «Динамо» взлетел ввысь флаг первенства страны по легкой атлетике. Здесь собрались лучшие прыгуны, сильнейшие дискоболы, метатели, быстрейшие бегуны — весь цвет нашей легкой атлетики.

Пятьдесят золотых медалей ожидали победителей. Кто же восторжествует победу в этой борьбе равных? Не успели отгреметь последние такты церемониального марша, как судьи заняли свои места и во всех уголках стадиона закипели ожесточенные схватки.

Молодая ленинградка Галина Зыбина, ученица заслуженного мастера спорта Виктора Алексеева, первой обновила таблицу всесоюзных рекордов. Диск, пущенный рукой белокурой девушки, пролетел 38 метров 76 сантиметров. Новое достижение страны по группе девушек!

Не отстал от своей питомицы и ее учитель: Виктор Алексеев стал чемпионом страны в метании копья. Его результат — 64 метра 9 сантиметров.

Нина Думбадзе и на этот раз оказалась недосягаемой для своих соперниц. Она метнула диск за 50-метровую отметку. Нужно отметить, что и З. Борисова, занявшая второе место, превысила результат, показанный на олимпиаде в Лондоне.

Галина Ганекер добилась победы над рекордсменкой страны по прыжкам в высоту Александрой Чудиной, взяв высоту 163 сантиметра.

В беге на 5 тысяч метров все пророчили победу Н. Попову. Весь сезон армейский спортсмен был непобедим, и казалось, что вот-вот он побьет застоявшийся всесоюзный рекорд. Однако молодой бегун В. Казанцев, отлично подготовленный тренером Н. Денисовым, первые 3 километра ни на шаг не отставал от Попова, а затем за 300 метров до финиша вышел вперед и выиграл бег со временем 14 минут 39,4 секунды.

Бессменный чемпион страны по прыжкам с шестом Н. Озолин встретился с молодым атлетом П. Денисенко. Их состязание было прервано темнотой в момент, когда оба прыгуна преодолели высоту в 4 метра. Исход борьбы, перенесенный на другой день, волновал всех. Сумеет ли 41-летний спортсмен найти в себе достаточно сил для двухдневной борьбы? В первой же попытке Денисенко, а за ним и Озолин преодолели 4 метра 10 сантиметров. Следующая высота — 4 метра 18 сантиметров — оказалась для Денисенко недоступной. Озолин же взял и эту высоту, и, таким образом, известный спортсмен, заканчивающий в нынешнем сезоне свои выступления, сошел с арены непобежденным.

Невиданное доселе количество участников привлекли состязания в спортивной ходьбе на 20 и 50 километров. Лидировавший до 15-го километра в первом соревновании и до 40-го километра во втором, Лиепаскалнс в обоих случаях уступил первенство П. Зелтыньшу и Круклиньшу.

Неожиданно для всех мировая рекордсменка в толкании ядра Т. Севрюкова должна была уступить звание чемпиона А. Андреевой. Результат Андреевой — 14 метров 44 сантиметра—надо признать очень высоким.

Александр Пугачевский и киевлянин Евгений Буланчик — герои первенства.

В беге на 800 метров Пугачевский вновь проявил свой тонкий тактический расчет, опирающийся на высокое техническое мастерство. Он первым пересек черту финиша в 1 минуту 53,8 секунды. Бег на 3 тысячи метров с препятствиями (стипльчез) закончился установлением им нового всесоюзного достижения международного класса— 9 минут 06,4 секунды.

Евгений Буланчик в блестящем стиле выиграл финальный забег на 110 метров, установив новый всесоюзный рекорд — 14,4 секунды. Он же вышел победителем в беге на 400 метров и установил новый всесоюзный рекорд в предварительном забеге на 400 метров с барьерами — 53,8 секунды. Но финальное соревнование выиграл Т. Лунев, получив звание чемпиона СССР. Он же выиграл бег на 200 метров с барьерами, установив всесоюзный рекорд — 24,3 секунды.

Не повезло сильнейшему нашему спринтеру — рекордсменке СССР Евгении Сеченовой. В финальном забеге на 100 метров она повредила ногу и вынуждена была сойти с дорожки. Победа в беге на 100 и 200 метров досталась ее постоянной противнице Зое Духович.

Самым напряженным моментом первенства был финал мужского бега на 100 метров. Рекордсмен страны на эту дистанцию Н. Каракулов и его молодой противник Л. Санадзе показали одинаковое время — 10,6 секунды. Для всех зрителей, сидевших правее финишной черты, победа Каракулова казалась неоспоримой. Те, кто сидел левее, утверждали, что победил Санадзе. Судьи объявили победителем Санадзе, но предупредили, что окончательное решение будет вынесено после проявления кинопленки. Как известно, кинообъектив даровал победу рекордсмену страны. Каракулов выиграл также бег на 200 метров.

Сергей Кузнецов в прыжках в длину (7 метров 19 сантиметров) и Хейно Липп в толкании ядра (16 метров 36 сантиметров) оказались вне пределов досягаемости для своих соперников и сохранили за собой высокое звание.

В соревнованиях метателей молота первенствовал киевлянин Александр Канаки с результатом международного класса — 54 метра 87 сантиметров.

Борьба в тройном прыжке с разбега окончилась триумфом молодежи. Звание чемпиона досталось 20-летнему Х. Раусбергу, который прыгнул на 14 метров 47 сантиметров. Прыжки в высоту с разбега выиграл Ю. Ильясов, установив новый всесоюзный рекорд — 196 сантиметров.

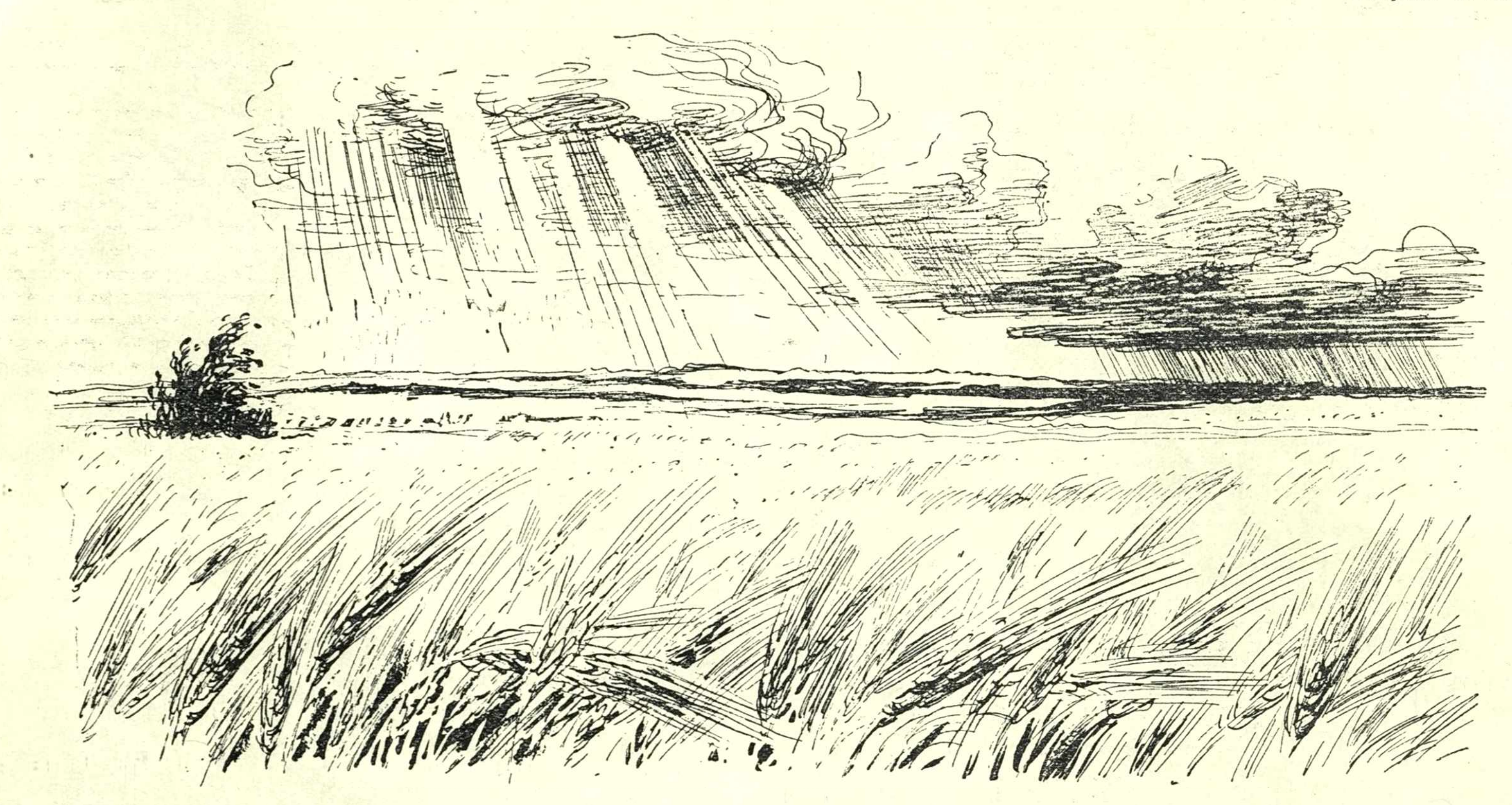
В женском пятиборье, как и следовало ожидать, вновь первенствовала А. Чудина, набравшая 4365 очков.

Венцом этих интереснейших соревнований была победа Хейно Липпа в десятиборье. Он установил новый рекорд СССР, набрав 7780 очков.

Первое место завоевала команда профсоюзов. На втором месте — «Динамо» и на третьем — «Спартак».

И. СОЛНЦЕВ

Рисунок О. Верейского

Урожай

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Две недели зеленятся,
Две недели колосятся,
Две недели зацветают,
Две недели наливают,
Подсыхают две недели —
И уж если не попрели,
Не подгнили невзначай,
Значит, вот он — урожай!

1

Перво-наперво рожь,
Мать-кормилица.
Про нее запоешь —
Душа выльется!

От монголов-татар
До пруссачества,
От князей да бояр
До кулачества —

Все пытали ее
Красным полымом,
Разоряли ее
Черным порохом,

Истязали ее
Плетью, розгами,
Нарезали ее
Полосками.

И стоял колосок
В пыльной пороши
Несилен, невысок —
Зайцу по уши.

А теперь погляди:
Что за даль впереди!
Чресполосица нив,
Где ты, серая!
Ходит желтый разлив,
Будто прерия.

От углов, от полос —
Лишь предание.
Нынче крупный колхоз —
Чуть не Дания!

Погляжу на хлеба
Белояровы —
Затонули до лба
Клены-яворы,

А по скользкой листве
Снизу, с долу-то
Пышет «зайцами» свет,
Как от золота.

Будто счастьем зажгусь
В этом блеске я.
Здравствуй, родина Русь,
Рожь советская!

2

Если рожь хороша,
Значит, хороша гречиха.
Вот она, едва дыша,
Пришепетывает тихо.

А над пеной ее,
Над медовой этой кашкой,
Вьется всякое зверье,
Окрыленные букашки:
Ведь хлебец
Ржаной,
Что отец
Родной.
Зато гречнева каша —
Матушка наша.

3

Голубые василечки,
Василечки-васильки,
В желтом поле огонечки,
Огонечки-огоньки.
Но лазоревого цвету,
Извините, василек,
В урожае больше нету:
Потому вы — сорнячок.

4

Не забудьте про ячмень
В этот праздник урожая!
Белокурый, словно день,
Хмелем душу ублажая,
Распушив свои усы,
Он косится на овсы,
Комбайнеров ожидая.

Только солоду плеснуть,
Только чуть прибавить
дрожжи —
А уж он-то знает путь!
Званый гость, а не прохожий.
Он стоит, как день погожий,
Даже если в небе муть.

В нем отрада деревень.
Ведь недаром, как известно,
Только вспучится ячмень,
Соловей кончает песню,
Потому что соловью

Не осилить это диво —
Зою звонкую мою,
Или Федю, да Илью,
Если не пригубят пива.
А уж выйдет хоровод:
Молодицы, девки, бабки, —
Что затевки! Что забавки!
Ходит соколом народ,
Все плясуньи-то — красавки.

Эх-эх!
Пляс — не грех!
— Как живете?
— Лучше всех!

5

Пышноперая пшеница,
Как струя из-под рубанка.
Золотится, колосится
«Украинка» да «кубанка».

Хоть названья по-старинке,
Хоть зовем их по привычке,
Те «кубанки», «украинки» —
Нынче тоже большевички:

От Кавказа до Камчатки
Океан вот этой сдобы
Уродили зёрна-матки
Номера высокой пробы.

Отбирали их по весу,
На болезнях проверяли,
Посылали под Одессу
То, что вышло на Урале, —

И они в любой округе
Будут лопаться от сыти,
Приложите только руки
И сквозь душу пропустите.

Мы не клянчим у природы
Ни дождя, ни солнцепека.
Нет, зерно такого рода
Расцветает и без бога.

Вёдро будто раскололось
На безбрежном этом лоне.
Придержи-ка этот колос,
Разгляди-ка на ладони:

Вот он, рыжий! Запах снеди.
Жир его сытнее сала.
Столько в нем тяжелой меди,
Что на герб его бы стало.

Но, потряхивая гривкой,
Колос тянется обратно,
Оставляя то ль обрывки,
То ли солнечные пятна.

Меж друзей завороженных
Снова кружится, лепеча,
И кладет, как жеребенок,
Братцу голову на плечи.

Распылалася пшеница,
Пламя мечется в посеве.
Колосится, золотится
Запад, юг, восток и север.

Нет ни холмика, ни ямы,
Нет ни зелени, ни тени —
Только жар слепит огнями
В желтизне своих видений.

Словно тут и не казаки
Над полями верховодят,
Словно это и не злаки,
А лучи одни восходят.

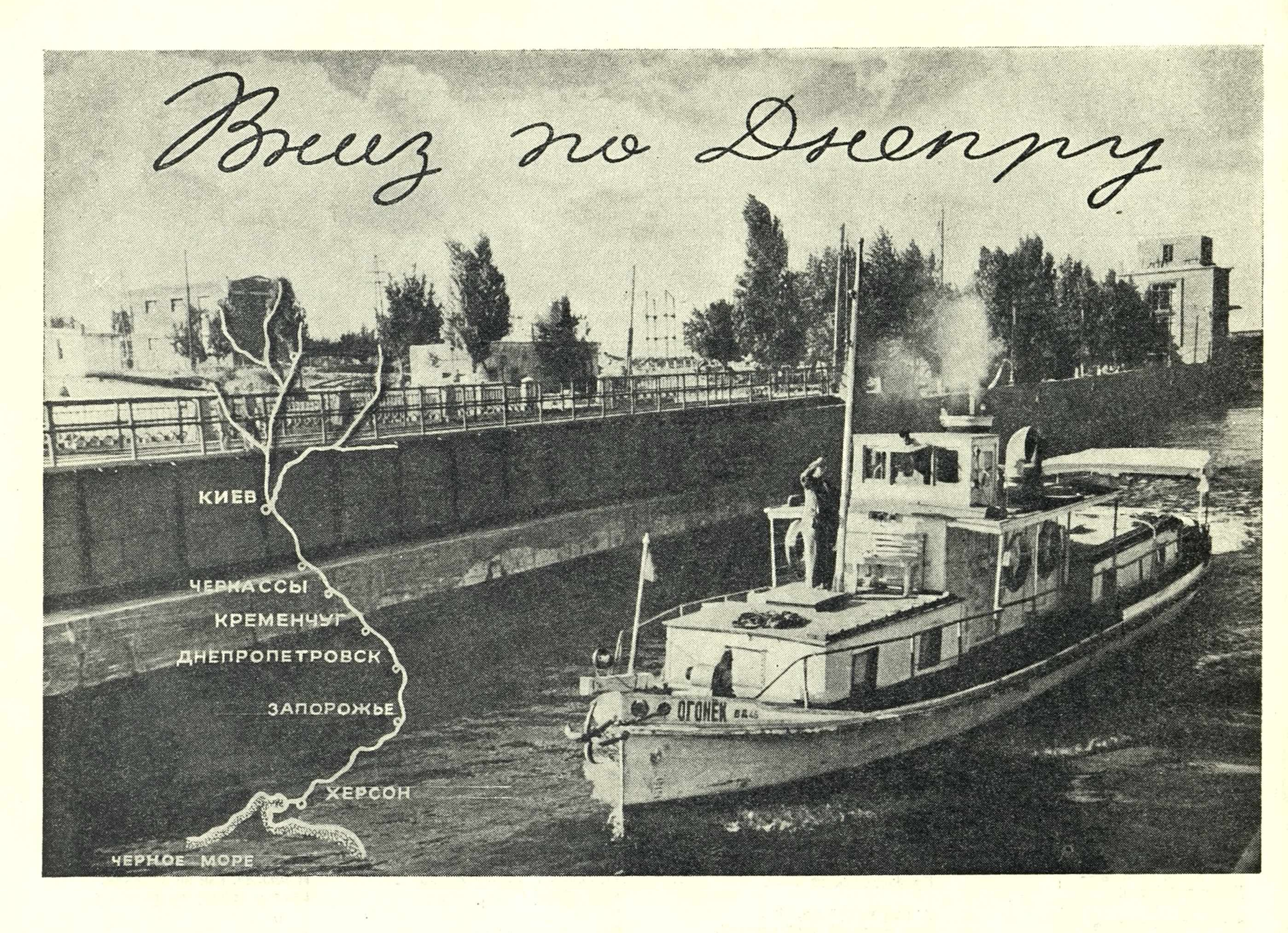
То ль колосьев перезвонцы,
То ли звон тепла и света,—
Будто это не планета,
Будто мы живем на Солнце.

Да не Солнце ли взаправду
Наша Родина родная!
Разгляди большую правду
В половодьи урожая.

Здесь не просто мед и яства,
Не простая сытость тут:
Золотое государство,
Где царем отныне Труд.

Урожай! Урожай!
Свет-Иваныч Урожай!
Он дородный, он и грузный,
Всенародный, всесоюзный,
Ярким солнцем залитой,
Наливной да колосистый,
Русый, рудый, золотистый,
Золотистый, золотой.

Кубань. 1943.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Фото специального корреспондента «Огонька»

С. Фридлянда

НОВОЕ ЗАПОРОЖЬЕ

Между правым и левым берегами всегда шла борьба, то открытая, то неуловимая. Они соревновались в пору первого Днепростроя, когда он был единственным властителем обоих берегов. Они ревновали друг друга, когда Днепрогэс утвердил свою резиденцию на правом берегу, а на левом развернул кипучую работу Запорожстрой.

Немцы произвели здесь такие разрушения, что иностранному человеку и вообразить нельзя было бы, как и когда начнут действовать все эти гиганты: плотина, шлюз, электростанция, заводы. Но чудеса совершены: плотина восстановлена, шлюз пропускает суда, электростанция дает ток, Запорожсталь дает металл. И то, что уже построено после войны, составляет лишь часть того, что будет построено. Планы перевыполняются. Новые поколения советских рабочих работают не хуже, чем старые, а технически они вооружены много лучше.

Первые годы после войны Днепрострой был героем строительно-восстановительного времени. Он чувствовал на себе преимущественное внимание страны, ему помогали все заводы, о нем в первую очередь шумела печать. Но потом, когда основные восстановительные работы были завершены, общественное внимание повернулось к Запорожстрою.

Но на Днепрострое и теперь совершаются дела замечательные. Монтируется гигантская турбина — вся отечественная, построенная на ленинградских заводах, установленная советскими мастерами. Выиграно сражение в борьбе с американской техникой, нанесен удар по американской капиталистической спеси, а тем самым и по антисоветской пропаганде.

Запорожстрой был в центре общественного внимания в прошлом году, когда прокат тонкого листа решал вопрос о скорейшем развитии советской автомобильной промышленности. Прожектор общественности ярко освещал новые цехи Запорожстали. Но потом луч этого прожектора повернулся в сторону Никополя, и запорожцы возревновали к «Большому Штифелю».

С неутомимым, всегда подвижным В. Э. Дымшицем мы объезжаем строительство нового Запорожья. Мысль о механизации строительных процессов ни на минуту не оставляет этого художника кирпича и цемента, строительных балок и машинных деталей. Он не может спокойно видеть на стройке человека, занятого тяжелым и медлительным физическим трудом. Здание от начала до конца должно быть «фабричным изделием». Слова «строится дом» для него устарели. Его дома не строятся, а монтируются. Краны разных систем устанавливают блоки, изготовленные на заводе. Раствор извести нагнетается по трубам.

Новое Запорожье было полностью разрушено немцами. Теперь оно полностью восстановлено. Это будет великолепный город. Но его беда в том, что до сих пор это не город, а сумма рабочих поселков. Сооружая гигантские заводы, разбросанные по огромной территории, строители заботились каждый о рабочем поселке своего завода. До сих пор в Новом Запорожье вместо обычных городских районов номерные поселки. В этих условиях городской транспорт становится острейшей проблемой. А его-то почти нет.

В этом отношении показательна история цирка. Культурными учреждениями новое Запорожье крайне бедно. Сооружение этого цирка было встречено с энтузиазмом. Все помогали строить. Место для него избрали в 6-м поселке, самом большом, как бы центральном, вблизи плотины, в парке на берегу Днепра.

Люди радовались, когда цирк был построен (со сказочной быстротой, как и все, что тут строится). Но радоваться радовались, а в цирк народ не ходит. Дирекция позаботилась о программе, выписала лучших артистов, в том числе и московских, а публика не ходит. И администрация скорбно вопрошает: чего же ей надо? А ей нужен трамвай. Теперь, чтобы попасть в цирк, надо совершить путешествие с длительными остановками, с трудным ночным возвращением домой.

Цирк, конечно, — частный случай. Но таких случаев немало. Они говорят о тех условиях, в которых создаются некоторые новые промышленные центры. Каждый завод планирует свое жилищное строительство, а общего планирования будущего города нет. Пример Запорожья подтверждается примером Днепродзержинска, где цементный завод врезался в гущу жилых домов.

ЛЕСТНИЦА ГИГАНТОВ

Разница в уровне реки перед Днепровской плотиной и за ней — 37,5 метра. Глянешь вниз, стоя на плотине, — голова закружится. Это высота чуть ли не 15-этажного дома. Вот с этой отвесной стены и должен спуститься вниз наш катер. Начальник шлюза Николай Григорьевич Третьяков рассказывает с улыбкой, что на первых порах, когда шлюз только начинал действовать, иные пассажиры предпочитали по суху перебраться с нового Запорожья на Старое. Но теперь это — лишь предание старины.

См. «Огонек» №№ 33, 34, 35, 36, 37.

Вслед за большим «Кировым» наш катер входит в аван-камеру. Пред ним раскрываются гигантские ворота. Стоя на крыше капитанской рубки, я беседую с Николаем Григорьевичем. Мы вровень с ним. Но затем катер плавно и быстро опускается, и через 10 минут мой собеседник превращается в маленького человечка где-то высоко наверху.

Вопреки пословице, предлагающей не выплескивать из ванны воду вместе с ребенком, наш катер-малыш выплескивается с водой во вторую камеру-ванну. Через 15 минут мы в третьей и последней камере. Раскрываются ворота, и «Огонек» выходит на широкую гладь Нижнего Днепра. Весь спуск занял 45 минут.

Н. Г. Третьяков — бессменный (он называет себя «бессмертным») начальник шлюза. Он пропускал первый пароход. Ушел, когда ворвались немцы, вернулся, когда их выгнали. Он участвовал в восстановлении шлюза, состарился на нем, вырастил поколения шлюзовщиков и теперь не нахвалится своими работниками, почти сплошь женщинами. Шлюз стал его родным домом, энергии в Николае Григорьевиче много, а острого юмора еще больше.

Мы уходим все дальше вниз. Коренастая, крепко сколоченная фигура «бессмертного» начальника еще долго белеет на краю шлюзовой коробки.

ТАМ, ГДЕ БЫЛА ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

Картина Днепровской плотины хорошо известна. Трудно представить себе более причудливое сочетание строгого архитектурного искусства и инженерно-математической точности с первозданным хаосом скал и камней. Вырвавшись из разграфленных клеток плотины, река, вся в пене, безумствует на порогах у подножия плотины.

Катер осторожно, на малом ходу, пробирается по узкому фарватеру, сплошь утыканному бакенами. Камни торчат из воды со всех сторон. Самые ехидные скрываются под водой. С правой стороны подымается щетинистый, горбатый остров. Это Хортица. Здесь шумела и отшумела воинственная Запорожская Сечь. Ее памятники, предания о ней и легенды будут сопровождать нас по всему нижнему течению Днепра. На самом острове сохранились остатки крепости, могильники. Однако, высаживаясь на крутой песчаный берег, мы совершаем экскурсию не в далекое прошлое, а в недалекое будущее нашей страны.

Хортица тянется на 14 километров, и вся она показательный совхоз ВИМЭ — Всесоюзного института механизации и электрификации сельского хозяйства. Среди зелени подымаются 4-этажные здания лабораторного корпуса и жилого дома.

Задача совхоза — полностью электрифицировать все процессы сельского хозяйства. Пока она еще не разрешена целиком: мы не видели электропахоты. Но нас пленила картина механизированной молотьбы. Мы недавно наблюдали работу сложной молотилки в передовом колхозе. Она действовала ровно и быстро, в движение ее приводил мотор, но вокруг молотилки было много народа, солому и полову надо было непрерывно оттаскивать первобытным способом.

Здесь у такой же молотилки было лишь несколько человек. Транспортер подавал снопы. Солома отводилась далеко в поле по одной трубе, полова уходила по другой. Присоединенная к молотилке, веялка тут же очищала зерно.

Электрификация требует столбов для проводов. В степи нет дерева. Оно дорого. Институт спроектировал и создал доступные колхозам бетонные столбы электропередачи. Проводами опутана вся Хортица. От зерновых ее полей мы переезжаем к овоще-огородным. Вдоль дороги бьют фонтанчики дождевальных установок. Из обширных водоемов большие и малые каналы ирригационной системы разносят воду на плантации риса. Электроловушки засасывают мотыльков-вредителей.

В коровниках установлены электропоилки и электродоилки. Под грядами в теплицах проходят нагреваемые провода. А сверху овощи облучаются искусственным светом.

В огромных фруктовых садах расставленные строго по ранжиру деревья густо обвешаны яблоками и грушами. Но тут, кажется, электричество не при чем. Не обнаружили мы его участия и на обширных плантациях винограда.

Вот во что обратилась славная Запорожская Сечь! В образцовое, научно поставленное, комплексное сельскохозяйственное предприятие, в образец социалистической культуры. По частям его достижения уже осуществляются и в других колхозах и совхозах. Жизнь быстро настигает науку, и нам даже показалось, что институту надо бы набирать более энергичные темпы.

Удивило нас то, что местами среди высококультурных участков попадались запущенные, дикие. Их было совсем немного, но они резали глаз в этом мире культуры. Мы думали, что это для научного, что ли, эксперимента. Оказалось, не так. Культурные участки — это ВИМЭ, а некультурные — БОЛА. Не пытайтесь расшифровывать эти буквы. То—не учреждение, а фамилия. Она принадлежит заведующему хозяйственной частью одного руководящего учреждения. Овощи и фрукты выращиваются не для науки, а для продовольственной прозы. Культура нисколько не интересует хозяев предприятия. Отсюда показательное бескультурье среди культурных садов.

ПЛАВНИ

За Хортицей Днепр постепенно успокаивается, камни исчезают, берега приобретают спокойный вид. Река круто сворачивает на запад.

У правого берега определенные очертания. Он горист, местами обрывист, довольно густо заселен. Левый — изрезан многочисленными протоками, болотист, покрыт лозой, камышами, ивой. Это знаменитые днепровские плавни.

Тени Запорожской Сечи снова проходят перед нами. Плавни были сильнейшей оборонительной линией запорожского воинства. В лабиринт островков не смели забираться враги, а запорожцы могли отсиживаться тут месяцами.

Плавни и теперь необитаемы. Плавающей и летающей твари здесь столько, что даже на нашем мирном катере, далеком от охотничьего азарта, то и дело раздаются возгласы: «Смотрите, смотрите, уток-то, уток!.. Вот бы ружье!».

Запорожцев нет, минула их слава, но плавни снова сыграли историческую роль надежного укрытия для партизан во время Отечественной войны. Немцы не смели сунуться в сети узких, заросших ивняком протоков. Лишь сверху всю обширную площадь обшаривали самолеты.

Весть об Ирпеньской пойме дошла и до этих мест. Плавни обладают баснословным плодородием. Мелиорация произведет здесь чудеса.

НИКОПОЛЬ

Плавни долго сопровождают нас. Постепенно река становится все шире, течение ее замедляется, она делает широкие петли, и гористость переходит попеременно с одного берега на другой. За правым берегом уходит далеко вглубь Криворожский бассейн. Мы приближаемся к Никополю.

Во время Отечественной войны стал известен «Никопольский плацдарм». Здесь плотно засели немцы, пытаясь взять реванш за свои поражения и сорвать наступление советских войск. Никопольский плацдарм нависал над Крымом, задерживая его освобождение.

И здесь в феврале 1944 года грянул удар, который смел немцев на всем пространстве от Никополя до Херсона и открыл путь Советской Армии в Крым. Об этом рассказывает немым языком торчащие из воды скелеты железных ферм, остовы выброшенных на берег пароходов и барж, груды исковерканного железа по берегам, а местами скопища продырявленных фашистских танков с уныло опущенными носами пушек.

У Никополя античное имя, но вид обычного южного городка с тощими и запыленными акациями. Возник он при Екатерине II, на месте, где находился в сечевые времена Микитин Рог. Предприимчивый запорожец Микита устроил переправу через Днепр и взимал плату с чумаков, которым никак нельзя было миновать это место. В Никопольском музее хранятся церковные реликвии Запорожской Сечи. Она кочевала в последние годы своего существования, опускаясь все ниже по Днепру.

В наше время Никополь прославился своим трубопрокатным заводом.

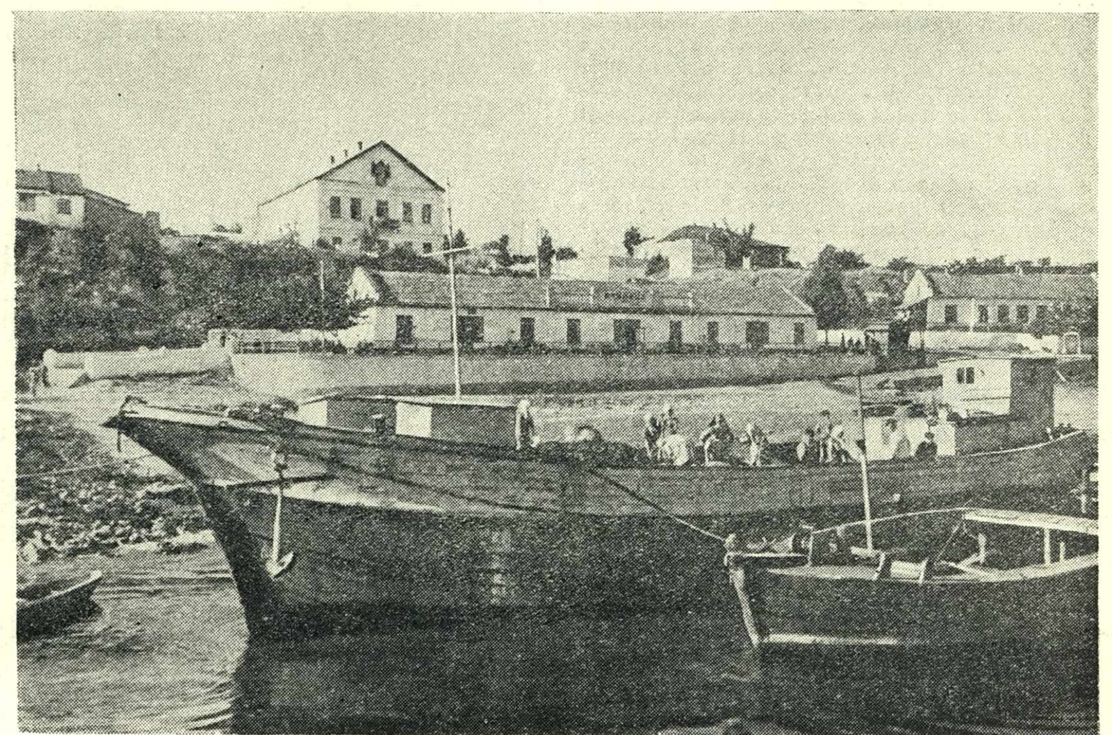
Восстановлен завод был в самое короткое время, но уже сейчас он обладает большей, чем до войны, мощностью. Пущенный недавно новый цех, известный под именем «Большой Штифель», не имеет себе равных в Европе.

Мы уже видели трубопрокатный цех в Днепропетровске, там же побывали в Трубном институте и могли бы хранить равнодушный вид бывалых людей, коих трубой не удивишь. Но мы подавлены громадой нового цеха, его мощными станами и грандиозностью почти полностью автоматизированного производства. Сооружение трубопрокатного цеха такого размаха — крупная победа в технике.

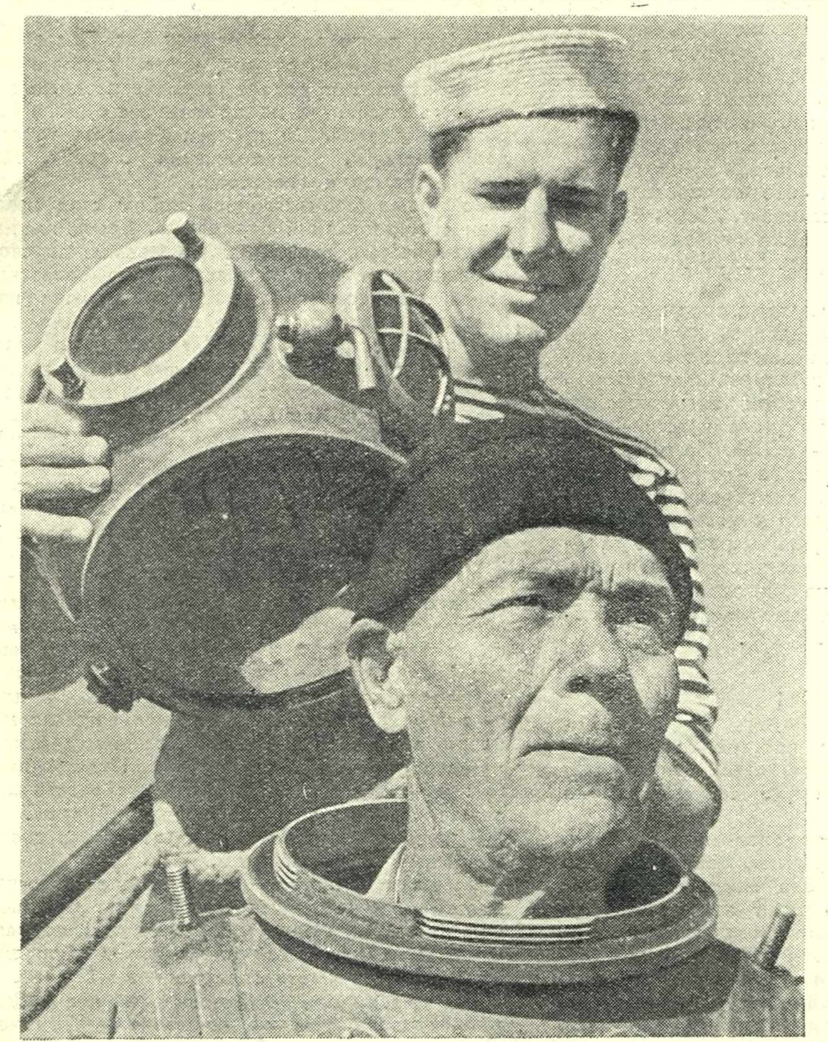
Строительство продолжается, и, как всюду после шумного успеха, избалованные вниманием, строители жалуются на то, что к ним охладели, что не они теперь в центре общественного внимания.

Завод придаст Никополю иной облик. Разрастается новый поселок вокруг завода, с обширным парком, стадионом, но пока этот поселок живет своей, обособленной жизнью.

Никополю, не столь давно тихому и отчасти сонному городку, предстоит большое буду-

Пристань Каховки.

Г. Лизунов помогает М. Н. Лагутину одеться перед спуском под воду.
Фото В. Колосова

50 тысяч часов под водой

— Вы знакомы с дядей Мишей? — спросил меня капитан Одесского порта Василий Иванович Коваль.

Он подошел к широкому окну, из которого открывается вид на порт с его молами, подъемными кранами, судами многих стран мира, шхунами и шаландами, снующими у берега, и указал направление, по которому нужно идти, чтобы попасть в рубку водолазов.

— Кого бы вы ни спросили, вам укажут, как найти Михаила Николаевича Лагутина, «дядю Мишу», как его здесь все называют. Он живая история порта. Каждое сооружение связано с его именем. Карантинный мол, причалы — все это делалось при обязательном участии Лагутина.

Звонок телефона. Василий Иванович берет трубку и, переговорив с кем-то, советует нам поспешить, так как через несколько минут катер с водолазами уйдет на Карантинный мол.

Несмотря на ясный солнечный день, море сегодня неспокойное, рокочущее, и только огромные корабли, будто вросшие в морское дно, неподвижно застыли вдали. А катер водолазов солидно покачивает.

У руля Михаил Николаевич Лагутин. Ему 70 лет. Его широкоскулое лицо все испещрено морщинами, но в движениях ощущается огромная еще сила. Капитан рассказывает, что еще несколько лет тому назад «дядя Миша» поднимал 8—9 пудов. В августе 1898 года, двадцатилетним парнем, он впервые надел скафандр и опустился под воду. И вот теперь — полвека его работы водолазом.

Когда катер проходит мимо маяка, Михаил Николаевич вспоминает, как он здесь поднимал затопленную канонерскую лодку «Донец», а вон там опускался к потопленному турецкому крейсеру «Меджидие», пришедшему в первую мировую войну к нашим берегам бомбардировать Одессу.

Перед Отечественной войной Михаил Николаевич вышел на пенсию. Друзья уговорили его отдохнуть на старости лет. Но ему не сиделось дома, и часто он появлялся в рубке водолазов. А когда над разрушенным немецко-румынскими оккупантами портом Одессы был поднят флаг восстановления, Лагутин снова начал работать водолазом.

...Катер пришвартовывается у рейдового мола. Неумолимо палит солнце, море немного успокоилось. Молодой водолаз Георгий Лизунов помогает Лагутину натянуть «рубашку», зашнуровывает ботинки. Когда сборы заканчиваются, Лагутин спускается по трапу и уходит под воду, а другой, молодой водолаз, качая воздух, говорит:

— 50 тысяч часов провел дядя Миша под водой.

Н. ХАЛЕМСКИЙ

щее. Придвигаясь к городу, завод приблизится и к Днепру, и тогда оживится порт... Это будет скоро. А пока жизнь на Днепре здесь бедновата, и река не используется по-настоящему ни для грузооборота, ни для водного спорта.

ВИНОГРАДНИКИ

За Никополем мы не встретим крупных промышленных предприятий. Перед нами проходят тихие сельскохозяйственные берега. На синем небе ни одного дымка. Но облик сельского хозяйства совсем иной.

Конечно, и здесь пристанские приемные пункты завалены зерном. Идет энергичная сдача хлеба государству. Богатый урожай в нынешнем году не обошел стороной эти места. Но на пристанях не только зерно: грудами сложены ящики с овощами. У помидоров столь округленные, дородные формы, что их киевские родственники показались бы тут заморышами. Арбузы трещат в руках и не ждут, пока их разрежут на ровные ломти, а сами разваливаются с хрустом при первом прикосновении ножа. В широких корзинах тусклобелые, как жемчуг, и сизые грозДья винограда.

Мы минуем Каменку Днепровскую с ее широко известным фруктовым садом. Инвалидность райкомовского автомобиля и равнодушие его хозяина спугнули нашу любознательность.

С некоторым волнением сошли мы в Каховке, известной всему Союзу по «родной винтовке». День был будний. Вокруг пустой базарной площади печально стоят пустые коробки домов. Белая пыль густым слоем покрывает бульвар с тощими деревцами. Тихо. В книжном магазинчике мы нашли то, чего не достанешь в книжных магазинах Москвы: избранные произведения русских писателей. Кажется, каховцы и не подозревают, какими сокровищами они обладают.

На ночь «Огонек» приткнулся носом к высокому берегу, на котором чернели какие-то высокие здания, башни, купола. Место называется Красным Маяком. При утренней заре никакого маяка не оказалось, да и незачем ему было тут стоять. А был раньше Бузюкин монастырь с церковью и каменными домами.

Виноградники все чаще показывались на

Бригадир винодельческого совхоза «Победа батраков» К. В. Шаховцева.

склонах берегов. Мы остановились у селения Основа. Нам рекомендовали осмотреть совхоз «Перемога наймитов»,— это значит «Победа батраков».

О победе нам рассказывает бывшая батрачка, наймитка у богатых «колонистов», французов и немцев, владевших Основой, ныне агроном Матрена Епифановна Ретивая. Ей за сорок лет, у нее приветливое лицо, смеющиеся глаза:

— Я совсем маленькая была, когда приходила к ним наниматься. Они были помещиками, а называли себя колонистами, у каждого свои виноградники, завод, подвалы. Богато жили, а нам платили гроши. Мы из бедноты были, земли своей не имели, вся семья батрачила. Когда шла я наниматься, надевала на себя длинную юбку, чтобы казаться старше. Все равно, пока не подросла, не брали, выбирали тех, кто посильнее. Нигде уже помещиков не было, а они оставались, будто у них трудовые хозяйства. Обманывали советскую власть, а помогали им в городе их же люди. Ну, в 1929 году мы не вытерпели, объявили «страйк» и выгнали их. Я с тех пор все тут работаю.

Немцы похозяйничали в совхозе, но уничтожить виноградники не смогли. Тянутся они на семь километров. То, что сведены они из различных частных владений, сказалось пестротой сортов. Это чрезвычайно затрудняет культурный уход за растениями.

В «Победе батраков» самые крупные виноградники по Днепру. Напротив, по другую сторону реки, совхоз имени Ленина, поменьше, но — до войны — с более культурной обработкой. Последствия фашистского хозяйничания не ликвидированы здесь до сих пор.

Виноград превосходен. Есть неплохие вина. Совхоз строит новый завод для производства коньяка, закладывает новые подвалы.

Наймиты не только победили: они стали культурными хозяевами. На плантациях работает теперь молодежь, для которой слово «наймит» звучит архаизмом. Но совхоз не хочет менять своего имени. Он дорожит своим прошлым.

...Катер идет дальше. На горизонте Херсон.

ЗАПОРОЖЬЕ

Текст и фото
С. Фридлянда

Пароход входит в глубокую камеру днепровского шлюза. Пассажиры высыпают на верхнюю палубу, жадно всматриваясь в величественную панораму. Замыкая озеро Ленина, протянулось железобетонное полудужие плотины. Налево, почти от самого берега, идет широкая асфальтированная магистраль, застроенная многоэтажными жилыми зданиями. Дальше высятся окутанные дымом металлические конструкции заводов. Огибая город, вышагивают вдаль ажурные мачты высоковольтной передачи.

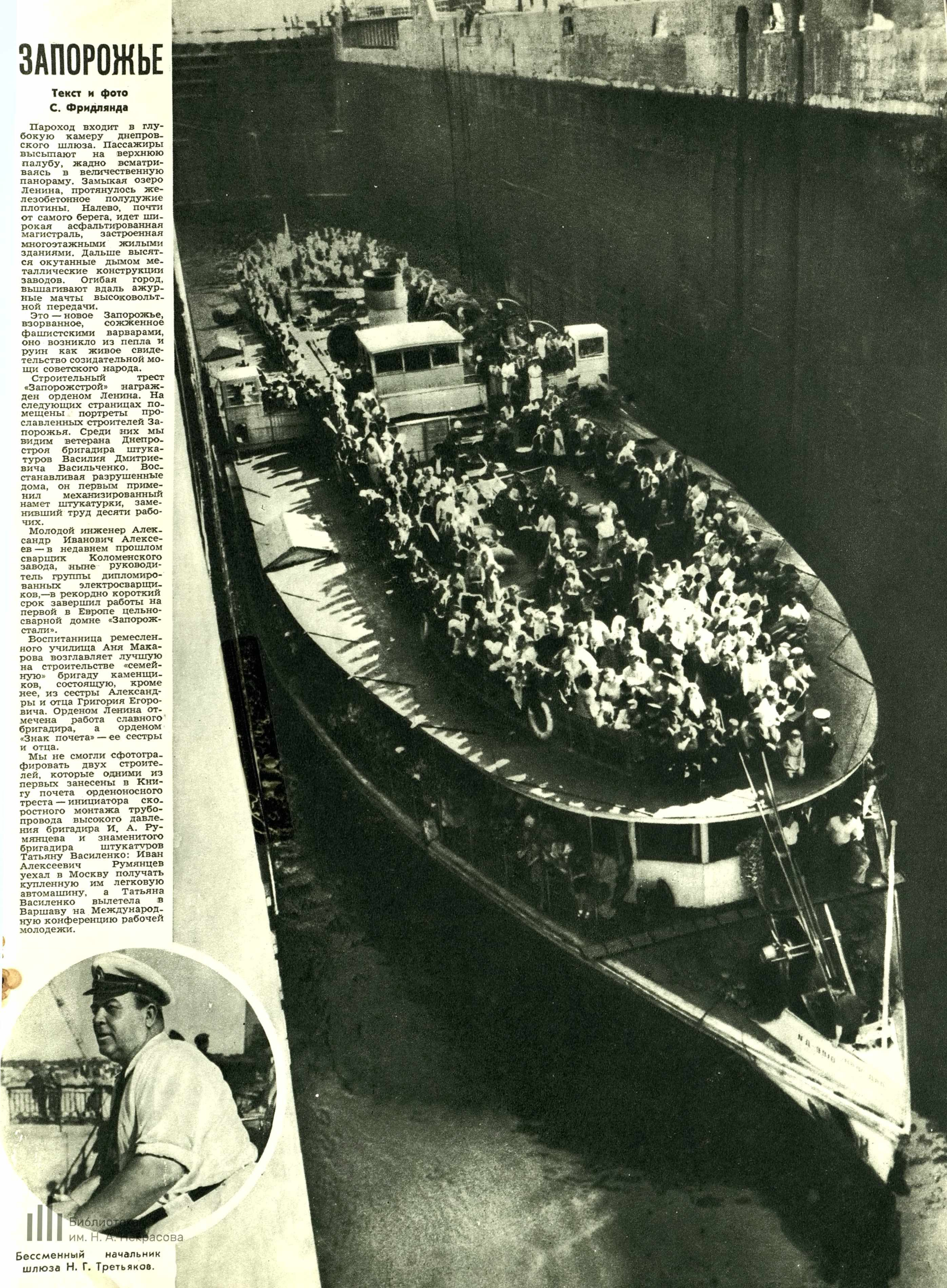
Это — новое Запорожье, взорванное, сожженное фашистскими варварами, оно возникло из пепла и руин как живое свидетельство созидательной мощи советского народа.

Строительный трест «Запорожстрой» награжден орденом Ленина. На следующих страницах помещены портреты прославленных строителей Запорожья. Среди них мы видим ветерана Днепростроя бригадира штукатуров Василия Дмитриевича Васильченко. Восстанавливая разрушенные дома, он первым применил механизированный намет штукатурки, заменивший труд десяти рабочих.

Молодой инженер Александр Иванович Алексеев — в недавнем прошлом сварщик Коломенского завода, ныне руководитель группы дипломированных электросварщиков,—в рекордно короткий срок завершил работы на первой в Европе цельносварной домне «Запорожстали».

Воспитанница ремесленного училища Аня Макарова возглавляет лучшую на строительстве «семейную» бригаду каменщиков, состоящую, кроме нее, из сестры Александры и отца Григория Егоровича. Орденом Ленина отмечена работа славного бригадира, а орденом «Знак почета» — ее сестры и отца.

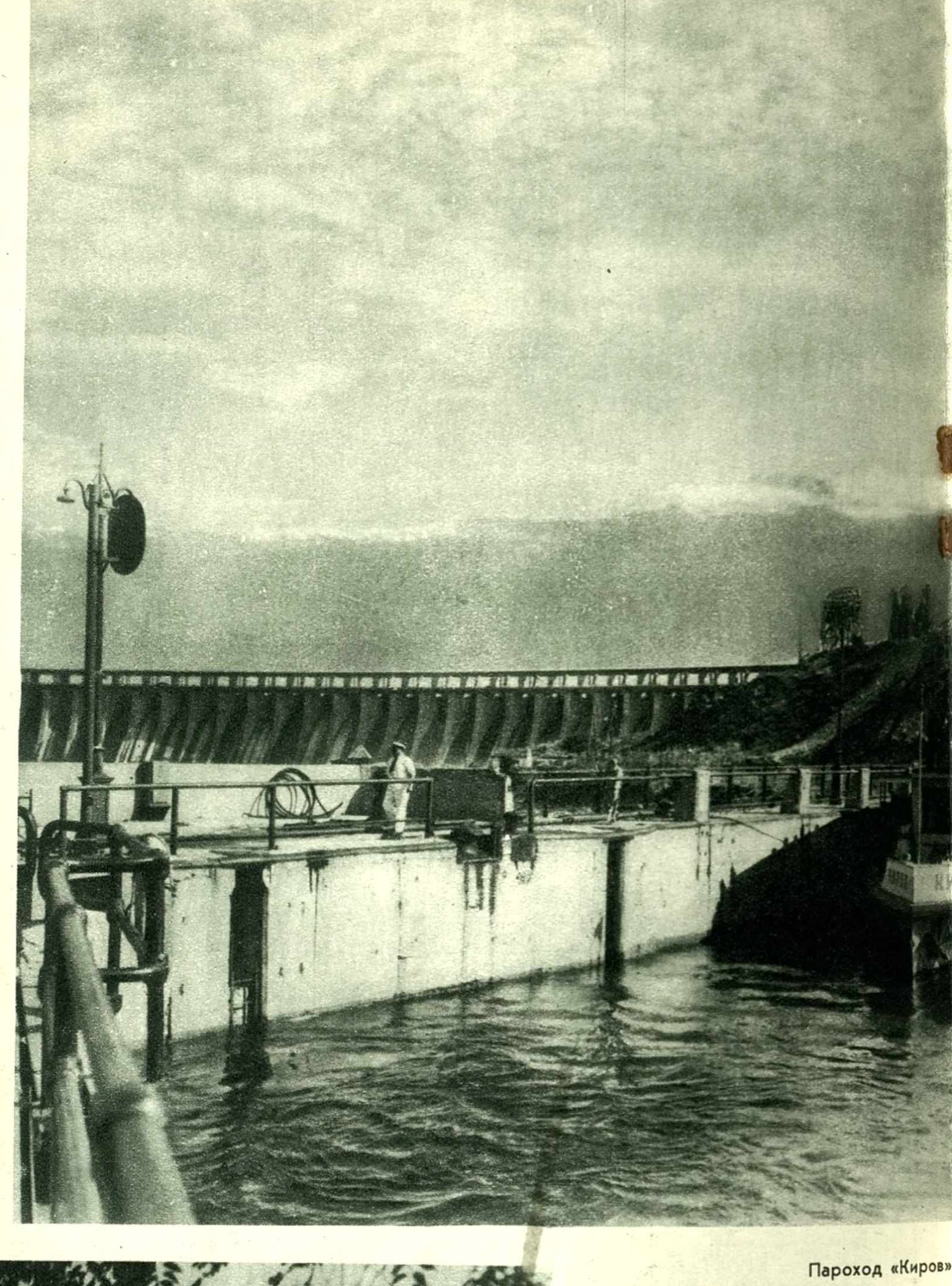
Мы не смогли сфотографировать двух строителей, которые одними из первых занесены в Книгу почета орденоносного треста — инициатора скоростного монтажа трубопровода высокого давления бригадира И. А. Румянцева и знаменитого бригадира штукатуров Татьяну Василенко: Иван Алексеевич Румянцев уехал в Москву получать купленную им легковую автомашину, а Татьяна Василенко вылетела в Варшаву на Международную конференцию рабочей молодежи.

Бессменный начальник шлюза Н. Г. Третьяков.

НОВАТОРЫ «ЗАПОРОЖСТРОЯ». Бригадир монтажников Дмитрий Андреевич Родителев. Применив крупноблочный монтаж дымовых труб на строительстве мартеновских печей, он сократил срок возведения 85-метровой трубы с двух месяцев до 15 дней.

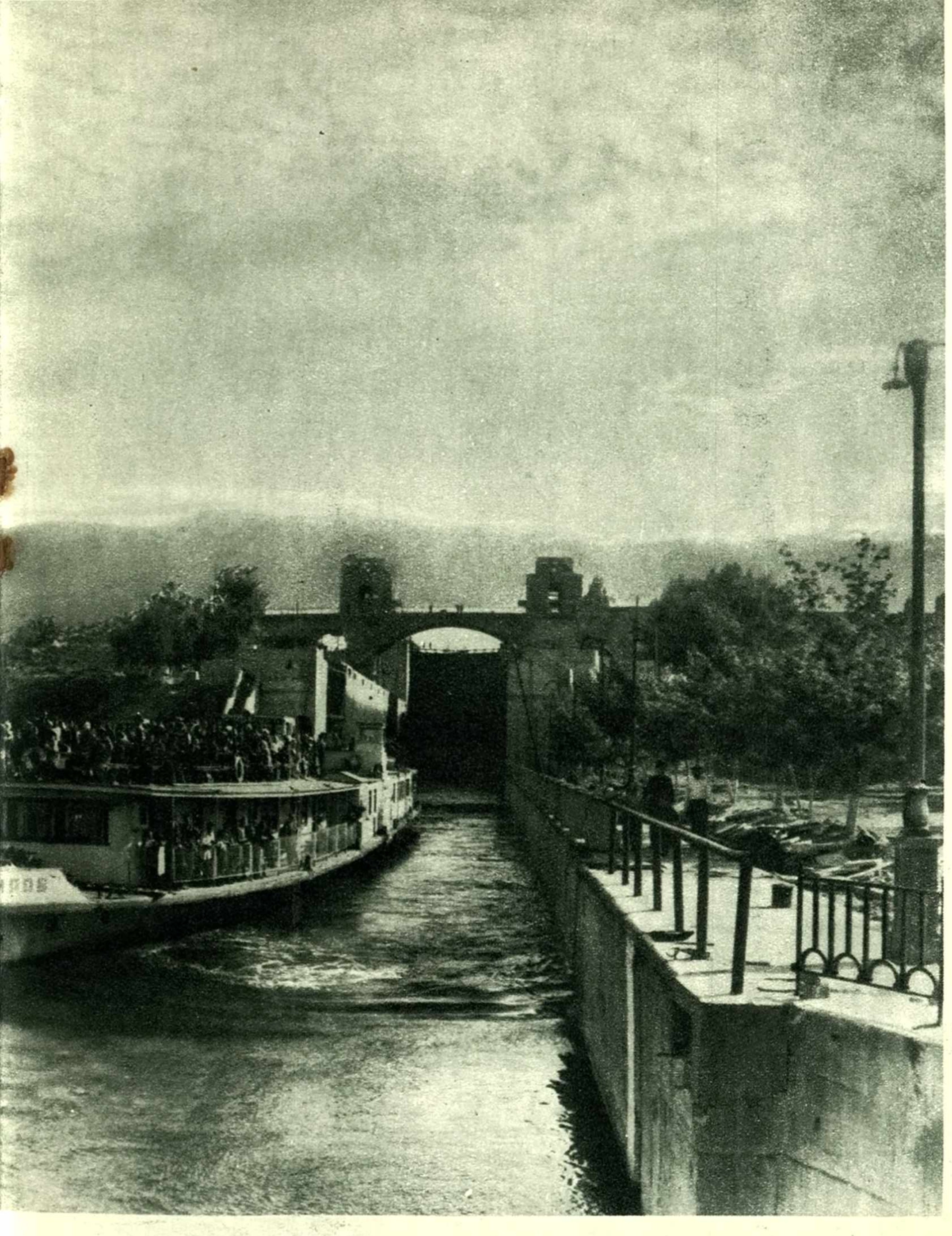
Пароход «Киров»

На фото, внизу: улица Ленина в новом Запорожье.

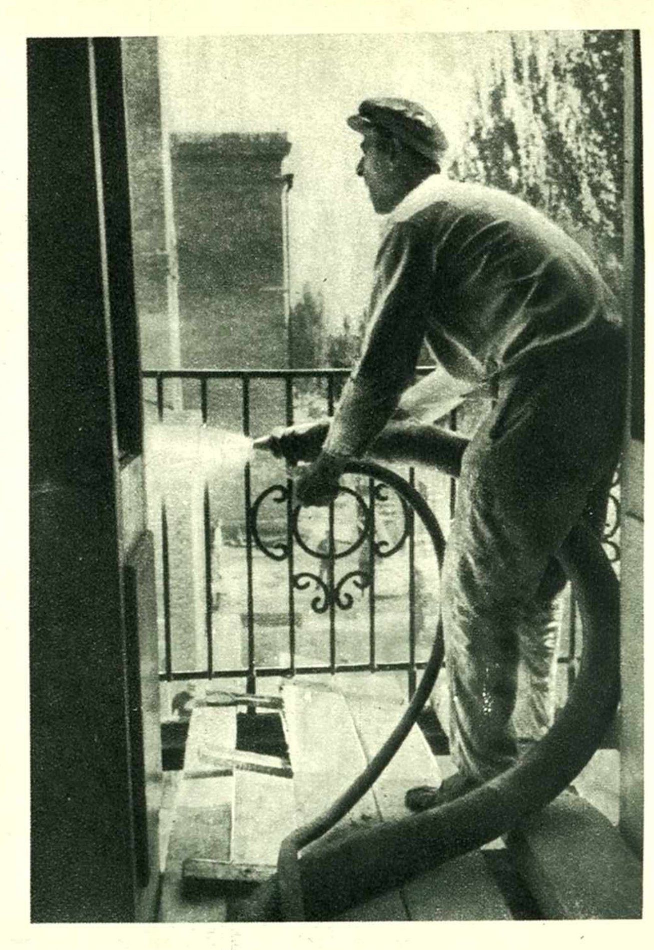

Начальник ордена Ленина строительного треста Вениамин Эммануилович Дымшиц.

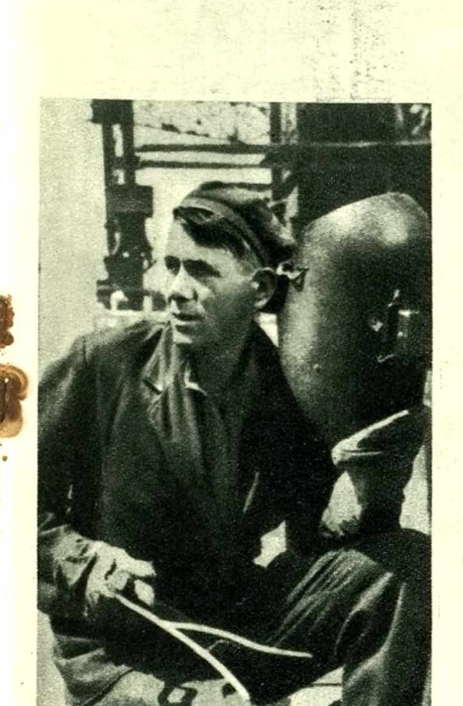

выходит из шлюза.

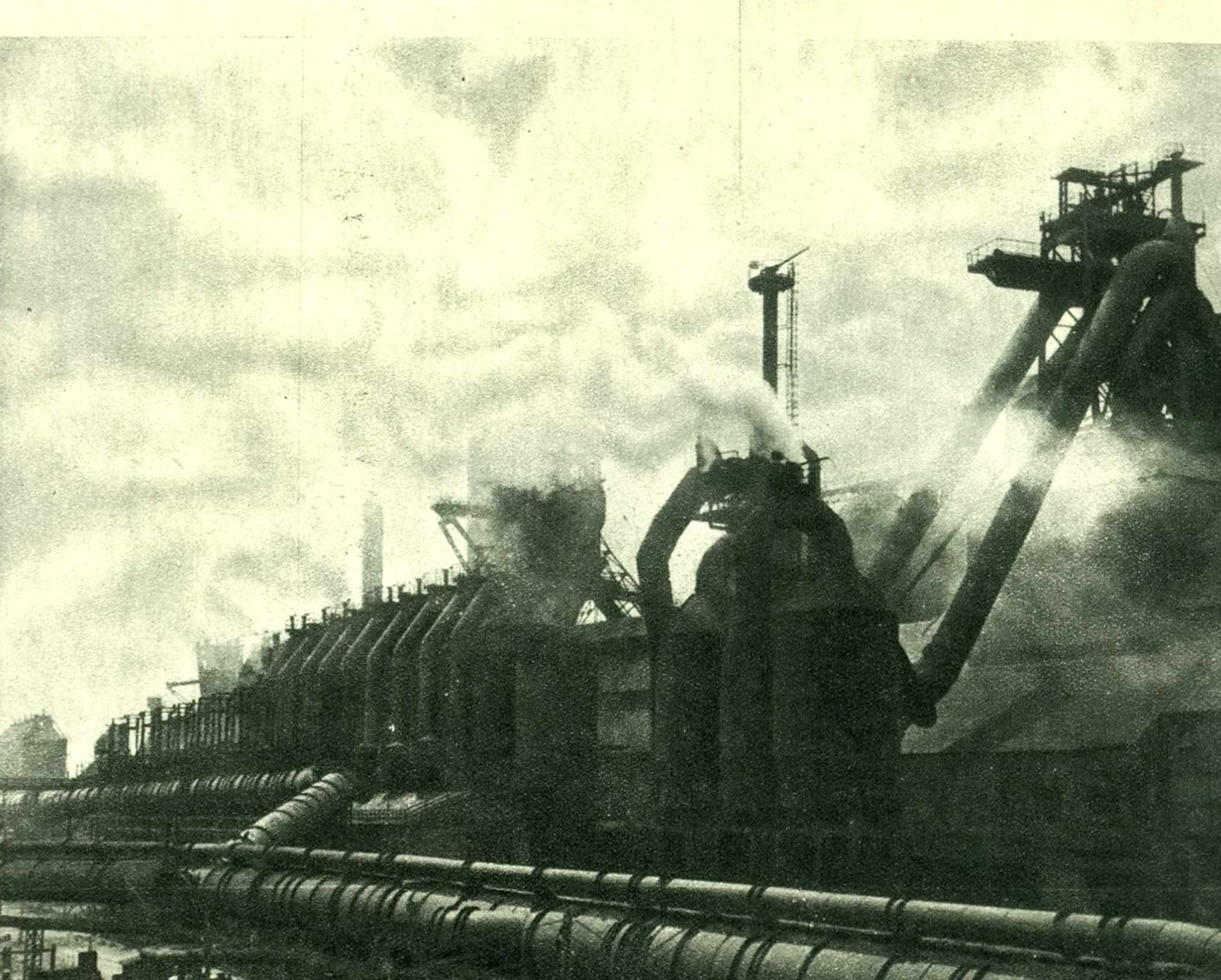

НОВАТОРЫ «ЗАПОРОЖСТРОЯ». Бригадир штукатуров Василий Дмитриевич Васильченко первым освоил механизированный намет штукатурки, заменяющий труд десяти рабочих.

На нижнем снимке: домны «Запорожстали».

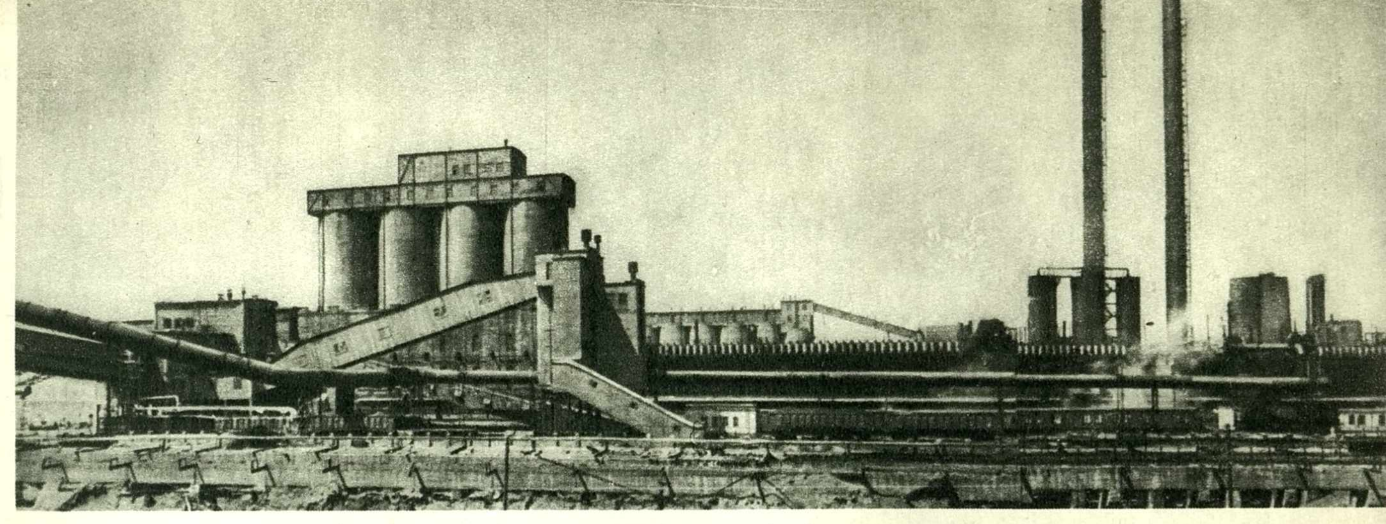

Дипломированный электросварщик Роман Маркович Фризюк. За сварочные работы на домне № 4 награжден орденом Ленина.

НОВАТОРЫ «ЗАПОРОЖСТРОЯ». Бригадир каменщиков Аня Макарова. Слева: член бригады, ее отец Григорий Егорович.

Коксохимический завод.

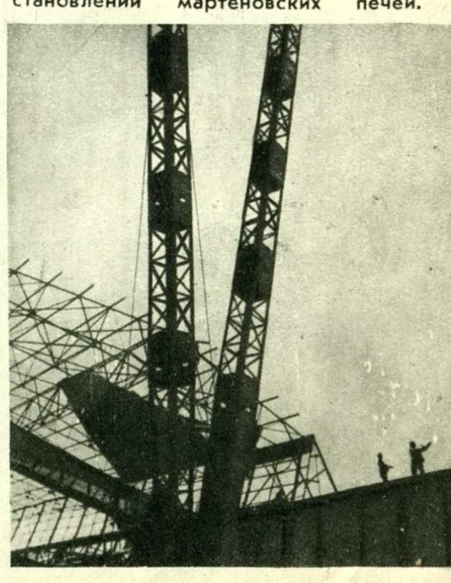
НОВАТОРЫ «ЗАПОРОЖСТРОЯ». Инженер Александр Иванович Алексеев.

НОВАТОРЫ «ЗАПОРОЖСТРОЯ». Бригадир электрокабельщиков Иван Максимович Ильченко. Он обучил 7 слесарей своей квалификации. Его бригада вдвое перевыполняет норму.

Слева: строители «Запорожстроя» восстанавливают цехи завода «Днепроспецсталь».

Внизу: монтажные работы на восстановлении мартеновских печей.

Операционная института имени Склифасовского. Делает операцию С. С. Юдин.

ХИРУРГ-ХУДОЖНИК

Владимир КЕДРОВ

Фото О. Кнорринга

«Врач — служитель искусства»
Гиппократ.

Глубокой зимой 1941 года Сергей Сергеевич Юдин заканчивал в ночной тиши рабочего кабинета капитальный труд, посвященный проблемам военно-полевой хирургии.

Война бушевала на всех фронтах, она подкатывалась к затемненным окнам квартиры профессора. Часто и гулко били зенитки, и где-то невдалеке рвались фугасные бомбы.

Склонившись над неоконченной рукописью, глубоко погруженный в думы, профессор мысленно оглядывал свой жизненный путь — трудный и сложный путь врача-хирурга. В памяти всплывало далекое прошлое...

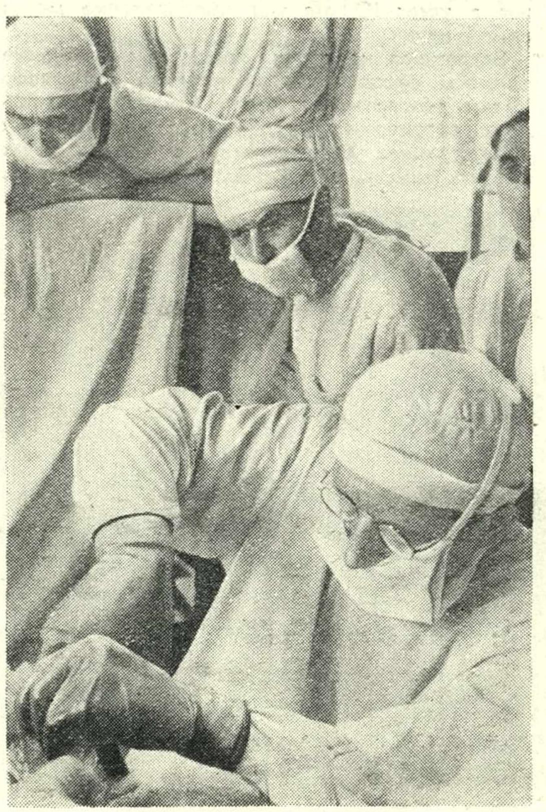
Тоже была война, и тоже с Германией. Осенью 1914 года, только что окончив университет, Сергей Юдин уехал на фронт. Молодой врач месяцами не покидал окопов, самоотверженно деля с фронтовиками их суровую солдатскую долю.

Однажды ночью к нему в землянку принесли тяжело раненного. Из пулевой раны выше ключицы торчал втиснутый шомполом фитилек из бинта. Едва врач приступил к осмотру раны, как фитиль выбило, и струя крови хлестнула в стекло керосиновой лампочки. Свет погас, землянка погрузилась в темноту. Молодой хирург впотьмах нащупал отверстие раны, зажал его пальцем и сохранял «живой» тампон, пока санитары бегали в соседнюю землянку за свечами. Солдат был спасен...

От фронтовой землянки до первоклассной столичной клиники профессора Юдина лежит большой и сложный путь; в начале его была война, и сейчас, в эту тревожную ночь, он снова недалеко от фронта. Войны перекликались одна с другой и в лежащей перед ним рукописи книги о проблемах военно-полевой хирургии.

«Пишу эти строки под дружные залпы зениток, отбивающих ночные налеты на нашу столицу,— ложились слова. — А когда стихнет канонада...»

Телефонный звонок прервал начатую фразу, Профессора известили о том, что в клинику доставлена из предместья женщина, пострадавшая при разрыве фугасной бомбы; крупным осколком у нее рассечено бедро, задеты жизненно-важные центры. Юдин отдал распоряжение приготовиться к операции.

С. С. Юдин во время операции.

За окнами института имени Склифасовского то и дело раздаются звуки сирены автомобилей «Скорой помощи»... Несколько часов подряд профессор Юдин не отходит от операционного стола. В операционной абсолютная тишина, только изредка звякнет инструмент или зазвенит отодвигаемая склянка с раствором. Операции происходят почти в полном молчании: ассистенты схватывают приказания главного хирурга налету, с одного взгляда, поворота головы. Здесь все так слаженно, мысли и движения людей в белых халатах настолько синхронны, что кажется, будто это не группа хирургов, а спаянный воедино волей замечательного дирижера дружный ансамбль!..

Сам главный хирург работает точно и четко: ни одного рывка, ни малейшей торопливости. Движения его рук и пальцев так спокойны и пластичны, что непосвященному может показаться, будто профессор работает слишком медленно. Но редко какой хирург работает быстрее Юдина. Его стиль — не поспешность, а быстрота, не суетливость, а размеренный, сосредоточенный ритм. Движениям этого человека соответствует выражение его лица, спокойное, почти бесстрастное... И только напряженный блеск глаз выдает большой темперамент, упорную, ищущую мысль и неутихающую творческую страсть этого прирожденного борца за человеческую жизнь.

Если бы стены клиники профессора Юдина могли говорить, они поведали бы о тысячах случаев, когда на операционный стол клали, казалось бы, совсем безнадежных больных со страшными увечьями, с язвами и раковыми опухолями в пищеводе и желудке, почти без пульса, нередко без сознания и с совершенной потерей сил и жизнестойкости — клали, чтобы спасти.

С того мгновенья, как на лицо больного наложена маска наркоза и он погружается в сон, его жизнь вверена хирургу. И хирург остается один на один в тяжелой схватке со смертью. Недаром Сергей Сергеевич Юдин называет трудные операции «операциями от-

чаяния», а свое состояние в то время — «смятением чувств». Но мастерство хирурга тонко и сложно, долг его в высшей степени ответственен, и поэтому, когда Юдин берет в руку скальпель и склоняется над операционным столом, его горячее сердце на замке, и властвовать должен один только разум, спокойный и холодный...

...Ночь близится к концу. Предоперационная пустеет. В палату увозят последнего из тех, кто пострадал при ночной бомбардировке. Но не успевает Юдин снять резиновые перчатки, как ему докладывают, что в клинику доставлены из-под Можайска два тяжело раненных солдата. Ассистенты смотрят на профессора. Четвертый час. У Юдина утомленный вид, покрасневшие от бессонницы веки. В операционную ввозят раненого.

— Я думаю, Сергей Сергеевич, мы справимся сами... — обращается к профессору старший ассистент.

— Не сомневаюсь,— говорит Юдин и, глядя на бледное, обескровленное лицо солдата, после короткого раздумья, добавляет: — Они защищают Москву, а я должен защищать их!.. — и приказывает подать новую пару перчаток.

Уже совсем под утро профессор Юдин возвращается в свой кабинет.

За окнами слабо брезжит зимний рассвет, и сквозь опушенные инеем ветви деревьев едва-едва проглядывает брусничная полоска зари... Юдин садится за стол, берет перо и, склонившись над неоконченной рукописью, пишет:

«Тяжелый путь... Но близок час рассвета,
И солнца луч зарделся в облаках.
Его лучом живительным согрета,
Проснется Жизнь и тьму рассеет в прах...»

Этими словами знаменитый хирург закончил предисловие к своей книге «О лечении огнестрельных переломов конечностей».

* * *

Венцом достижений Юдина, снискавшим ему мировую славу, является создание искусственного пищевода. Операция эта изумительна по своему виртуозному блеску и совершенству.

Профессор Юдин делает скальпелем легкий надрез — и брюшная полость вскрыта... Ассистенты марлевыми салфеточками убирают первые капельки крови. Один инструмент в руке хирурга сменяется другим: скальпель, ножницы, крючок — и снова ножницы, которыми хирург вскрывает один за другим покровы, преграждающие доступ к цели. И только теперь воочию видно, как бесконечно сложна анатомия человека, сколько здесь сосудов, узлов мышц, сплетений нервов и тесно связанных между собой органов!..

В этих сокровенных сферах на каждом шагу — а шаг хирурга равен долям миллиметра — можно ждать рискованных столкновений. Ведь движение руки хирурга — это активное действие острорежущим инструментом. Наряду с резекцией и удалением поврежденных участков надо во-время увидеть, захватить и тугим узлом перевязать кровоточащие точки — пересеченные сосудики,— а их бесчисленное множество. И трудно порой сказать, когда следишь за ходом операции, чем больше действует хирург: ножом или специальной хирургической ниткой — кэтгутом.

И вот наконец желудочно-кишечный тракт вскрыт. Быстрым, почти неуловимым движением профессор извлекает петлю тонкой кишки, берет ее в зажимы и легким прикосновением ножа пересекает пополам. Затем специальным инструментом он проводит подкожный «тоннель» в грудной клетке до угла нижней челюсти и в этот «тоннель» протягивает кишку. Другой конец ее соединяется с так называемой «тощей» кишкой, расположенной около желудка. Это первая стадия операции. Второй этап ее состоит в том, что неповрежденная часть пищевода соединяется с подведенной к шее кишкой, образуя новый, искусственный пищевод.

В результате этой операции больной, нередко обреченный на мучительную, голодную смерть, возвращается к жизни здоровым, полноценным человеком, нормально питающимся за общим столом.

* * *

Круг жизненных интересов профессора Юдина, этого на редкость «жадного до жизни» человека, поистине безграничен. Он страстный рыболов и охотник, спортсмен и автомобилист, знаток и любитель литературы, музыки и живописи. Большой жизнелюб, он знает цену жизни!.. Оттого каждый больной, попавший в его клинику,— не только объект для мастерства высокого специалиста, а всегда живой человек.

Редко какой другой медик так, как Юдин, сочетает в своей профессии столь творчески и вдохновенно науку с искусством. И не случайно самые серьезные научные труды Юдина бывают сплошь и рядом испещрены выдержками из классических творений мировой поэзии, а на своих блестящих лекциях он целыми отрывками цитирует «Илиаду» Гомера, «Энеиду» Вергилия и произведения других великих поэтов...

«Язвину врач осмотрел, нанесенную острой стрелою,
Выгнал кровь и, искусный, ее врачествами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный».

На первый взгляд может показаться, что профессор Юдин прибегает к языку поэзии искусственно, «притягивая» ее, чтобы оживить сухую, специальную тему. Но это не так. Песни Гомера и сонеты Петрарки, органически вплетаясь в ткань повествования о методах военно-полевой хирургии, вскрывая поэтическую родословную медицинской науки, звучат в устах Юдина как прославление мощи самой науки.

Затрагивая на своих лекциях сложнейшие вопросы ортопедической техники, профессор Юдин развертывает перед студентами историю ортопедии в старинных венецианских иллюстрациях XVI столетия, в изумительных византийских миниатюрах Аполония Киттийского и в ряде других уникальных произведений живописи и графики.

Стены коридоров хирургической клиники профессора Юдина увешаны пейзажами любимой им русской природы, изящными гравюрами и холстами портретной живописи, принадлежащими кисти известных русских мастеров.

Музыка для Юдина — источник высших радостей и творческого подъема. Недаром накануне ответственнейших операций главный хирург, а с ним и его ассистенты посещают концерты в Большом зале консерватории, в Концертном зале Чайковского. И совсем не случайно одна из глав его книги, о борьбе с инфекцией и гангреной, концовкой своей имеет отрывок из нотной партитуры бессмертной Шестой патетической симфонии Чайковского...

Говорят, что Юдин — не очень мягкий человек, что у него довольно крутой нрав, что порой он бывает резок, может вспылить.

Но я видел человека, высокого, сильного, широкоплечего, собранного, поглощенного делом в операционной, во время трехчасовой «операции отчаяния», когда он удалял рак пищевода. Я слышал, как в напряженной тишине, словно шелест листьев, пробегал шопот восхищения по рядам амфитеатра, заполненного молодыми и не только молодыми врачами...

Я ходил с ним по палатам его клиники и наблюдал, как при его появлении светлели лица спасенных им людей.

Я читал груды писем, в которых люди, возвращенные к жизни и к труду, благословляли его как спасителя и желали ему многих лет жизни и радостей...

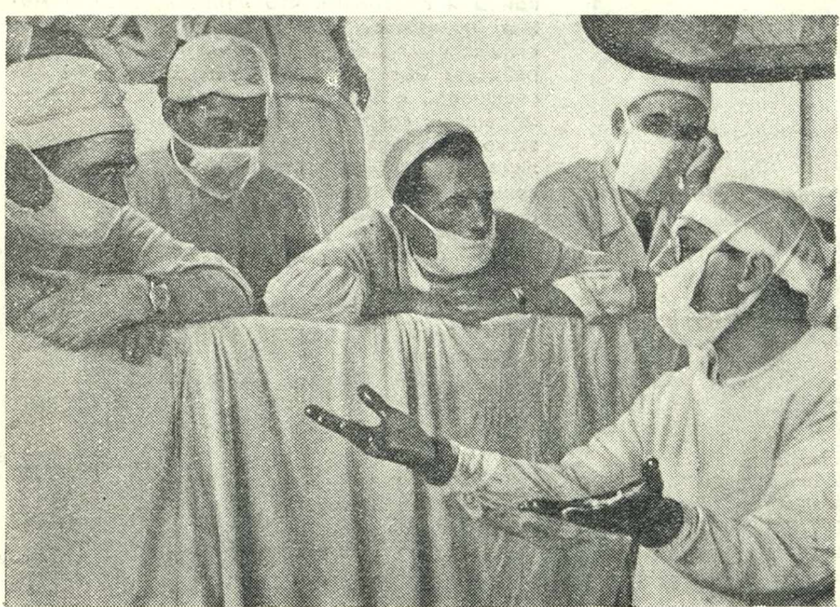
Я был очевидцем неловкого движения руки одного из ассистентов во время вскрытия плевры и перехватил брошенный на него Юдиным уничтожающий, «рентгеновский» взгляд...

Юдин называет операцию сражением. Определение это верное и точное, ибо на острие своего скальпеля хирург несет жизнь обреченному больному и славу своей родной, отечественной науке.

Некоторые иноземцы любят говорить, что у науки нет родины, что она принадлежит всему человечеству. Не вступая в спор с этими «космополитами», мы только ответим им словами великого Луи Пастера:

«Если у науки нет родины, то человек науки должен иметь таковую; и именно на ее счет он должен отнести то влияние, которое его работы могут иметь в мире».

Вот об этом постоянно думает талантливый советский хирург Сергей Сергеевич Юдин.

С. С. Юдин объясняет операцию военным хирургам.

С. С. Юдин со своими юными пациентами, которым он сделал новый пищевод.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О КУПРИНЕ

К 10-летию со дня смерти

М. КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ

До своего приезда в Петербург в 1901 году Куприн жил в провинции, работая в киевских, поволжских, ростовских и одесских газетах. Но ни с одной редакцией он не связывал себя обязательными длительными отношениями. Он дорожил возможностью переезжать с места на место, попадать в новую обстановку, знакомиться с новыми людьми. Особенно привлекала его жизнь южных городов, где было солнечно и ярко, уличная толпа пестрой и шумной, а люди общительными и «легкими».

— Я толкался всюду и везде нюхал жизнь, чем она пахнет,— говорил Александр Иванович,— неинтересных людей нет, интересен каждый человек. Среди грузчиков в одесском порту, воров, фокусников и уличных музыкантов встречались люди с самыми неожиданными биографиями — фантазеры и мечтатели с широкой и нежной душой.

В Ялте, куда Куприн приехал из Одессы летом 1901 года, чтобы провести одну, две недели, он прожил гораздо дольше, чем предполагал. Семья писателя Сергея Яковлевича Елпатьевского, с которой Александр Иванович близко сошелся в предыдущий свой приезд в Ялту в 1900 году, убедила его не спешить с отъездом и устроиться у них. Дом Елпатьевских был большой и поместительный, но пользоваться их гостеприимством Куприн не хотел и поселился в деревне Аутке, где комнаты были гораздо дешевле, чем в городе.

Отсюда было недалеко до дачи Чехова. Однако часто бывать у Антона Павловича Куприн стеснялся.

— Я боялся,— говорил Александр Иванович,— уподобиться Борису Лазаревскому, который часами просиживал у Чехова и до такой степени утомлял его разговорами и чтением своих произведений, что у Антона Павловича повышалась температура. И так велика была деликатность этого замечательного человека, что даже своим домашним он не позволял каким-либо намеком дать понять Лазаревскому, как тягостны были для больного писателя его посещения.

К Куприну Антон Павлович относился внимательно и сердечно. В своих воспоминаниях о Чехове Александр Иванович пишет:

— Внимательность его бывала иногда прямо трогательной. Один начинающий писатель приехал в Ялту и остановился где-то за Ауткой, на окраине города, наняв комнату в шумной и многочисленной греческой семье. Как-то он пожаловался Чехову, что в такой обстановке трудно писать. И вот Чехов настоял на том, чтобы писатель непременно приходил к нему с утра и занимался у него внизу, рядом со столовой. «Вы будете внизу писать, а я наверху,— говорил он со своей очаровательной улыбкой.— И обедать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите мне, или, если уедете, пришлите хотя бы в корректуре».

Этот «начинающий писатель» был Куприн. В своих воспоминаниях он не хотел назвать себя.

— И каждое утро к 9 часам,— рассказывал мне Александр Иванович,— я приходил на дачу Чехова работать над своим рассказом «В цирке». Мои денежные дела были в самом плачевном состоянии. Перед отъездом в Ялту я сдал несколько мелких рассказов в «Одесские новости». Присылка гонорара запаздывала, я сидел без гроша и поэтому особенно стеснялся оставаться обедать у Чеховых. Но Антон Павлович видел меня насквозь, и когда я начинал уверять, что хозяйка ждет меня с обедом, он решительно прерывал меня: «Ничего, подождет, а пока садитесь за стол без разговоров. Когда я был молодой и здоровый, я легко съедал по два обеда, а вы, я уверен, отлично справитесь и с тремя».

Рассказ «В цирке» очень нравился Чехову, и он, как врач, давал Куприну указания, на какие симптомы болезни атлета (гипертрофия сердца) автор должен обратить особенное внимание и выделить их так, чтобы характер болезни не оставлял сомнений. Он с увлечением прочел Александру Ивановичу целую лекцию о различных сердечных болезнях.

— Я понял,— говорил Куприн,— что если бы Чехов не был таким замечательным писателем, он был бы прекрасным врачом.

Когда рассказ «В цирке» был окончен, возник вопрос, в какой журнал его направить. Куприн считал себя связанным с «Русским бо-

А. И. Куприн (с портрета 1890 года).

гатством» — первым толстым журналом, в котором он начал печататься и где появилась самая значительная из всех до тех пор написанных им вещей — повесть «Молох». С редактором журнала Н. К. Михайловским Александр Иванович был в переписке.

Но Елпатьевский, близкий сотрудник «Русского богатства», сомневался, чтобы рассказ, в котором главное действующее лицо — цирковой борец, был одобрен журналом.

В «Мире божьем» в 1898 и 1899 годах хорошо встретили рассказы Куприна «Поход» и «Ночная смена», и решено было послать «В цирке» А. И. Богдановичу, фактическому редактору этого журнала. Вскоре Куприн получил от Богдановича письмо, в котором сообщалось, что рассказ принят, но напечатать его журнал может только в будущем, 1902 году, так как в конце 1901 года для него нет места.

В сентябре в Ялту приехал Виктор Сергеевич Миролюбов — редактор-издатель «Журнала для всех». Это был самый дешевый ежемесячный журнал, очень популярный среди демократических читателей, для которых подписная цена большинства периодических изданий была слишком высокой.

В Ялте Миролюбов надеялся получить обещанный Чеховым для журнала рассказ, а попутно и узнать, что нового имелось у московских и провинциальных писателей, обычно к сентябрю съезжавшихся в Ялту. Познакомившись с Куприным, Виктор Сергеевич предложил ему заведывать беллетристическим отделом «Журнала для всех». Для молодого писателя, еще не имевшего литературного имени, это было лестное предложение, которым не следовало пренебрегать, и друзья Куприна советовали ему от него не отказываться.

— Миролюбов любил и понимал художественную литературу,— говорил мне Александр Иванович,— я знал, что мы с ним сработаемся, но все-таки мне очень трудно было решиться надеть ярмо постоянной работы. Когда я прощался с Антоном Павловичем, он повторил мне то, что говорил уже не раз: «Пишите, пишите как можно больше и все, что напишете, посылайте мне». С грустью я расставался с югом, но, уезжая в Петербург, я был уверен, что ничто на свете не удержит меня в этом холодном, сумрачном городе, если люди там покажутся мне серыми и скучными, а из тесных редакционных стен потянет на волю к южным солнечным берегам или в дремучие леса Полесья.

* * *

Куприн не любил Петербурга: с ним связаны были слишком горькие для него воспоминания. О том, что пережил здесь семь лет назад он, подпоручик 42-го Днепровского пехотного полка, приехавший из захолустного пограничного городка Проскурова держать экзамен в Академию Генерального штаба, Александр Иванович рассказал мне в декабре 1901 года.

Все будущее его зависело от поступления в академию. Там, в Проскурове, оставалась его невеста Шурочка. Она была сирота и жила у своей сестры, бывшей замужем за капитаном (фамилия его изгладилась из моей памяти). Он был состоятельным человеком.

Третий год Куприн служил в Проскурове, когда зимой, на большом полковом празднике, он познакомился с Шурочкой. Ей недавно исполнилось семнадцать лет, она была застенчивой молодой девушкой с прекрасными синими глазами.

— В это время,— рассказывал Александр Иванович,— я мнил себя поэтом и писал стихи. Это было гораздо легче, чем мучиться над повестью, которую я никак не мог кончить. С увлечением я наполнял разными «элегиями», «стансами» и даже «ноктюрнами» мои тетради. В эту тайну я никого не посвящал. Но к Шурочке я с первого взгляда почувствовал доверие и, не признаваясь ей в своем авторстве, прочел ей несколько стихотворений. Она слушала меня с наивным восхищением, и это нас сразу сблизило. О том, чтобы бывать в доме ее родных, нечего было и думать.

Однако подпоручик «случайно» все чаще и чаще встречал Шурочку в городском саду, где она гуляла с детьми своей сестры. Скоро о частых встречах молодых людей было доведено до сведения капитана. Он пригласил к себе подпоручика и предложил ему объяснить свое поведение. Всегда державший себя корректно с младшими офицерами, капитан, выслушав Куприна, заговорил с ним не в начальническом, а в серьезном, дружеском тоне старшего товарища.

На какую карьеру мог рассчитывать не имевший ни влиятельных связей, ни состояния бедный поручик армейской пехоты, спрашивал он. В лучшем случае Куприна переведут в другой город, но разве там жить на офицерское жалованье — сорок восемь рублей в месяц — его семье будет легче, чем здесь?

— Как шурочкин опекун,— закончил разговор с Куприным капитан,— я дам свое согласие на ее брак с вами, если вы окончите Академию Генерального штаба и перед вами откроется военная карьера.

Куприн засел за учебники и с лихорадочным рвением начал готовиться к экзаменам в академию.

— С мечтой стать поэтом я решил временно расстаться и даже выбросил почти все тетради с моими стихотворными упражнениями, оставив лишь немногие, особенно нравившиеся Шурочке,—рассказывал Александр Иванович.

В следующем году летом Куприн уехал из Проскурова в Петербург держать экзамены в академию.

☆ ☆ ☆

В Петербурге Куприн чувствовал себя чужим и одиноким. Радостная встреча в Киеве на вокзале с товарищами по корпусу, убедившими его на два дня остановиться у них, чтобы вместе «пошататься по городу», значительно подорвала скудные средства подпоручика. И теперь он питался одним черным хлебом, который аккуратно делил на порции, чтобы не съедать сразу.

Он познакомился с несколькими офицерами, так же, как и он, приехавшими из глухих провинциальных углов держать экзамены в академию, но тщательно скрывал от них свою «свирепую нищету». Чтобы иметь предлог отказываться от совместных с ними обедов и ужинов, он придумал живущую в Петербурге богатую тетку, у которой, чтобы не обидеть ее, должен был ежедневно обедать. Свою «обеденную» порцию хлеба он съедал, сидя на скамейке в сквере, где в этот час не было гуляющей публики, а только няни с детьми.

Иногда он не выдерживал соблазна и отправлялся в съестную лавочку, ютившуюся в одном из переулков старого Невского, вблизи Николаевского вокзала.

— Опять моя тетушка попросила меня купить обрезков для ее кошки,— улыбаясь, обращался к лавочнице подпоручик.— Уж вы, пожалуйста, выберите кусочки получше, чтобы тетушка на меня не ворчала.

Он платил пятачок, и хозяйка, сама любительница кошек, щедрой рукой наполняла обрезками большой бумажный пакет. Щелкнув каблуками, подпоручик вежливо прощался и неспеша выходил из лавки. Но, завернув за угол, он ускорял шаги и Знаменскую площадь пересекал почти бегом. С трудом переводя дыхание, он входил в здание вокзала. Вынув из кармана плоскую жестяную фляжку, он нацеживал в нее кипяток из громадного самовара в буфете третьего класса. Потом в дальнем углу зала, среди закусывавших своей провизией пассажиров, он разворачивал пакет с обрезками и жадно набрасывался на еду.

— Вечером голодный и усталый я ложился на свою узкую, жесткую кровать, стараясь скорее заснуть,— рассказывал Александр Иванович.— Теперь только во сне я бывал счастлив и радостен. Ко мне приходила мать — молодая и веселая, какой она была в дни моего детства. Она брала меня за руку, и мы шли по милым, знакомым улицам Москвы, блиставшим тем прекрасным сиянием, какое можно видеть только во сне.

☆ ☆ ☆

Самые трудные экзамены прошли благополучно. Куприн был уверен, что так же хорошо сдаст и остальные, и он уже видел себя будущим «блестящим офицером Генерального штаба».

Но вот неожиданно его вызывают к начальнику академии, который всего несколько дней назад присутствовал на экзамене. Довольный толковыми ответами подпоручика, он сказал ему даже несколько поощряющих слов. Поэтому приказание явиться к нему Куприна не встревожило. Но удивило расстроенное лицо начальника, долго перебиравшего какие-то бумаги на своем письменном столе.

Наконец нужная бумага была найдена — она слегка дрожала в руках начальника, когда он читал Куприну приказ командующего Киевским военным округом генерала Драгомирова. В конце приказа объявлялось, что за оскорбление чинов полиции во время исполнения ими служебных обязанностей подпоручику 42-го Днепровского пехотного полка Куприну воспрещается поступление в Академию Генерального штаба сроком на пять лет.

Ни о чем, кроме экзаменов, Куприн не думал последние недели и совершенно забыл о том, что накануне его отъезда из Киева компания молодых офицеров, в числе которых был и он, основательно повздорила в ресторане с околодочным надзирателем. Мечты о «блестящей военной карьере» рушились. Шурочка была навсегда потеряна.

— На другой день,— рассказывал мне Александр Иванович,— я продал револьвер, чтобы рассчитаться с хозяйкой квартиры, которой я задолжал за комнату, и купить билет до Киева, а там немедленно подать рапорт о моем уходе из полка и зачислении в запас. Когда я садился в вагон, в моем кошельке оставалось несколько копеек.

Что пережил я и передумал, когда за мной захлопнулась дверь академии, как с мыслью о самоубийстве я часами ходил по улицам Петербурга, я когда-нибудь напишу,— закончил Александр Иванович свой рассказ,— и я надеюсь, напишу неплохо...

☆ ☆ ☆

Прошло четыре года после того вечера, когда Александр Иванович рассказал мне о Шурочке и о том, какие мысли и настроения владели им после приказа генерала Драгомирова, закрывавшего ему доступ в академию.

И вот в начале 1905 года Куприн читал мне несколько только что оконченных глав «Поединка». Я увидела Шурочку, но уже не семнадцатилетней наивной, восторженной девушкой, а рассудительной, усвоившей практическую мудрость своего опекуна, молодой женщиной, женой глупого служаки и карьериста поручика Николаева.

А в тех сценах «Поединка», в которых после провала на смотру Ромашев думает о самоубийстве, ужасе и скуке военной жизни и, наконец, принимает твердое решение уйти в запас, я вновь услышала рассказ Александра Ивановича о его переживаниях в Петербурге накануне отъезда в Киев.

— Ну как, неплохо вышло? — спросил он, кончив читать.— Завтра отнесу эту часть Алексею Максимовичу. Что скажет о ней Горький?

И хотя большая половина «Поединка» была уже написана и сдана для весеннего сборника «Знания», Куприн каждый раз, когда передавал Алексею Максимовичу рукопись следующей части, волновался. Ему казалось, что он не справляется с темой, что последние написанные им главы хуже предыдущих, и для того, чтобы уверенно и спокойно продолжать работу, ему необходимы были поддержка Горького, его указания, его одобрение.

Куприн часто вспоминал слова Чехова: «Не беритесь за большую вещь, если у вас нет твердой уверенности в ваших силах, в том, что вы в состоянии на одинаково высоком уровне довести до конца большую работу. Если нет в вас этой уверенности, лучше пишите хорошие рассказы, чем плохие романы». И вот этой необходимой для написания большого произведения «уверенности в своих силах» у Куприна не было. И только влияние Алексея Максимовича, знавшего план задуманного Куприным романа, заставило его, отбросив колебания, начать писать «Поединок».

Зимой 1904 года, отправляясь к Горькому читать первые главы «Поединка», Куприн говорил:

— Если Алексей Максимович найдет начало неудачным, я разорву рукопись и брошу ее на улице в мусорный ящик.

Это не было только фразой. Два года назад он написал несколько глав «Поединка», но когда он увидел, что первый монолог Назанского ему не удался, он разорвал всю рукопись. Тогда в течение двух недель я без его ведома подбирала и склеивала папиросной бумагой мелкие клочки рукописи. Черновиков у Куприна не было, он уничтожал их так же, как и все варианты своих вещей, чтобы больше они не попадались ему на глаза.

— Там все-таки было кое-что недурно написано,— как-то месяца через три сказал Александр Иванович,— пожалуй, можно было не уничтожать всю рукопись.

Тогда я принесла ему восстановленные мною 60 страниц. Он был удивлен и обрадован. Однако снова сел за «Поединок» только через два года.

— Да, выброшу все клочки на улице,— повторил он, уходя к Горькому,— и во второй раз клеить мою рукопись тебе не удастся.

От Горького он вернулся бодрый и сияющий.

История коллекции

Молодой ученый Михаил Анатольевич Воинственский отправлялся на Север — на охоту за птицами. Сборы в самом разгаре. А ведь еще и месяца нет, как он возвратился из такой же экспедиции в дельту Дуная! Михаил Воинственский — исследователь мира птиц, до самозабвения влюбленный в свое дело. Почти все лето проводит он на охоте, собирает материалы, чтобы зимой засесть в своем кабинете за их обработку.

Михаил Анатольевич показывает нам птиц, убитых им в плавнях Дуная. Вот несколько красноголовых сорокопутов, вот индийская камышовка. Лаборантка тов. Путилина и студентка тов. Рейтблат, ездившие с Воинственским в экспедицию, рассказывают, что он много часов не выходил из плавней, брел по пояс в студеной воде, чтобы добыть трех индийских камышовок. Благодаря самоотверженному труду таких охотников-ученых, как Воинственский, в Зоологический музей Киевского университета непрерывно поступают новые экземпляры птиц, гнезд, яиц, фотоснимки птичьих колоний.

До войны в Зоологическом музее Киевского университета были 35 тысяч чучел птиц, уникальные коллекции птичьих гнезд и яиц. Немцы все это уничтожили.

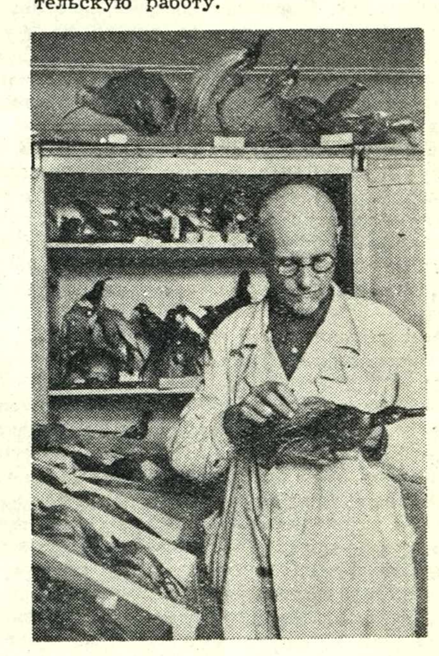
Ныне уже вновь собрано 3500 экспонатов пернатого царства.

Но птицы составляют только один из отделов Зоологического музея. Коллекцию бабочек здесь начали создавать еще в 1834 году. Более полувека работает над ее пополнением нынешний руководитель музея профессор В. М. Артоболевский. В довоенное время коллекция приобрела мировое значение: она насчитывала 700 тысяч бабочек, 500 тысяч жуков.

Сейчас одно из помещений музея установлено множеством шкафов. Здесь находится коллекция бабочек. Как же она сохранилась?

Отступая из Киева, немцы увезли редчайшую коллекцию в Германию. Прошло немало времени. Научные работники Зоологического музея уже было потеряли веру в возможность разыскать коллекцию. Но неожиданно пришло письмо от воина Советской Армии, бывшего студента, некогда практиковавшего в Зоомузее. Он писал профессору Артоболевскому, что случайно натокнулся в одном из городов Восточной Пруссии на киевскую коллекцию бабочек. Вскоре все шкафы были доставлены в Москву, а оттуда—в столицу Украины. Коллекция серьезно пострадала, в ней осталось около 500 тысяч бабочек, но ее сейчас беспрерывно пополняют.

Небольшой коллектив Зоомузея ведет большую научно-исследовательскую работу.

Старший лаборант А. Д. Лубкин осматривает новые чучела птиц.

Фото М. Мельника (Фотохроника РАТАУ)

Мальчик Мотл в Америке

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

Рисунки А. Каневского

«Мальчик Мотл в Америке» — последнее произведение Шолом-Алейхема, оставшееся незаконченным после смерти автора в 1916 году. Это — продолжение повести «Мальчик Мотл», получившей, как известно, высокую оценку А. М. Горького.

Книга «Мальчик Мотл в Америке» вышла в СССР впервые в этом году. Она выпущена на еврейском языке издательством «Дер Эмес».

Предлагаем вниманию читателей отрывки из этой книги в переводе Л. Островского и А. Семеновкера.

МЫ ЕДЕМ В АМЕРИКУ

«Принц Альберт» достаточно велик. И красив. Гранитные лестницы. Медные перила. Сталь и железо — куда ни повернись. А «люди»! Я имею в виду прислугу. Их называют «стюардами». А матросы — словно черти. Бегают туда и сюда. Я и Мендл им завидуем. Мы даем себе слово, что когда вырастем и станем большими, то поступим в матросы.

Один недостаток у «Принца Альберта»: нам не позволяют всюду бывать. Стоит нам пожелать поглядеть чуточку дальше того помещения, в котором мы едем, как нас прогоняют. И не кто иной, как матросы. Большие злюки. Да и сами пассажиры, из тех, высших классов, — тоже злюки. Потому что не будь они злыми, они бы приказали матросам, чтобы нас не гнали. Что мы им сделаем? Укусим? Мой товарищ Мендл вообще недоволен. Он не понимает, для чего нужны классы. Он говорит, что в Америке нет классов. Если же я ему не верю, то могу спросить у моего брата Эли. Но мой брат Эля терпеть не может, когда ему задают праздные вопросы. Лучше уж я спрошу у нашего друга Пини.

Наш друг Пиня как раз любит говорить о таких вещах. Он способен засыпать вас словами. И едва лишь заденете его словом, — он, как заведенный будильник. Не умолкает, покуда заводная пружина сама не остановится.

Я нашел Пиню сидящим на баке. Он уткнулся кончиком носа в книгу, потому что он близорук и читает не глазами, а кончиком носа. Я подошел к нему вплотную.

— Господин Пиня, я хочу вас о чем-то спросить.

Пиня оторвал нос от книги:

— Что скажешь, малыш?

Так называет меня Пиня, когда он в хорошем настроении. А в хорошем настроении он бывает почти всегда. Даже тогда, когда он спорит с моим братом Элей, и даже тогда, когда дуется его Тайбл[1]. Вот я ему говорю: так, мол, и так, правда ли, как говорят, что в Америке нет классов?

Надо было вам видеть, как этот самый Пиня вспыхнул, распалился и принялся говорить, плюясь и давясь словами, выкрикивая торжественные и горячие фразы: «Америка — это единственная страна подлинной свободы и подлинного равноправия»; «В Америке можешь сидеть вот здесь, и рядом с тобой будет сидеть президент, а немного поодаль — попрошайка, оборванец, последний бродяга. Еще чуть дальше — граф, аристократ, миллионер!»; «Цивилизация! Прогресс! Колумбус!» И тут Пиня начинает сыпать самыми красивыми своими словами.

Но вдруг вмешивается посторонний еврей-иммигрант:

— Если это в самом деле такой счастливый край, где все равны, как вы говорите, откуда же берутся там бродяги и аристократы, нищие и капиталисты? Интересно...

МОРЕ СЛЕЗ

Мало нам собственных забот, тревог и мучений, а тут еще бог наградил нас зрелищем чужих бед в таможенном карантине на острове Элис. Мало было слез, которые мама пролила с тех пор, как мы тащимся по свету. Теперь она должна проливать слезы, глядя на несчастья, свидетелями которых мы стали здесь, на Элисе. Каждую минуту бог посылает ей новую жертву. Мама всякую принимает близко к сердцу. Она ломает руки. Она прячет лицо и тихо, тихо плачет.

— Ты грешишь, мама! — говорит ей мой брат Эля, и мне кажется, что он прав.

Отчего она плачет? Мы уже больше не блуждаем по свету, как таскались до сих пор. Плавание по морю мы также, слава богу, перенесли. Мы уже почти в Америке. Еще час, еще два часа — и мы свободны. Но как не плакать, когда видишь столько несчастий! Столько слез! Море слез!

Чтобы рассказать о всех несчастьях, которые мы наблюдали на Элисе, нужно сесть с вами на целый день и целую ночь и рассказывать, рассказывать, рассказывать.

Что вы скажете, например, о такой истории? Отец, мать и четверо детей были задержаны — ни туда, ни сюда. В чем дело? При проверке оказалось, что их ребенок, девочка лет двенадцати, не может считать в обратном порядке. Ее спрашивают: «Сколько тебе лет?». Она отвечает: «Двенадцать». Тогда ее снова спрашивают: «Сколько лет было тебе в прошлом году в это время?». Но она не может сказать. Тогда ей говорят: «Считай от одного до двенадцати». И она считает. Затем ей говорят: «Считай от двенадцати в обратную сторону, до одного». Но она не умеет. Если бы меня спросили такое, я считал бы без запинки: двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Эка важность! Но было решено, что девочку пустить в Америку нельзя.

Спрашивается: что будет с ее родителями и с остальными детьми? Надо иметь каменное сердце, быть каменным человеком, чтобы не растрогаться при виде скорби отца и матери, при жалком виде этого ребенка. Мама плачет, глядя на них, и моя невестка Броха и жена нашего Пини — Тайбл — тоже утирают глаза.

Вы думаете, только евреи хлебнули горя в карантине? Другие тоже немало страдали. С нами едет целая компания итальянцев. Все в бархатных штанах и деревянных башмаках. Когда они шагают, то стучат, словно кони копытами. Славные люди! Удивительные люди! Ко мне они относятся особенно хорошо и внимательно. Зовут они меня чудным именем: «Пиколо бамбино»[2]. Они меня угощают орехами и изюмом из карманов своих бархатных штанов. Объясняться с ними я не умею, потому что они не понимают моей речи, а я не знаю их языка. Но мне нравится, как они разговаривают между собой. Букву «р» они произносят с нажимом: «Бонно серра!», «Миа карра!», «Прррего, синьорре!..»[3].

Должно же стрястись несчастье! Под конец, на проверке, один из этой компании неосторожно проговорился. Он рассказал правду о том, что подрядчик вызвал их на работу из Лондона. А в Америке это, говорят, не позволено. И вот их хотят отправить обратно. Разговаривают они все вместе, машут руками и нажимают на «р»: «Сакррамента!»...[4]. Но ничего не помогает. Жалко их очень. У некоторых из них я видел слезы на глазах.

Мы столько нагляделись и наслушались здесь, в этом таможенном карантине на Элисе, что утомились и, сгрудившись всей семьей, голова к голове, смотрели туда — на большой шумный город, что лежит еще

1 Жена Пини.
2 «Маленький мальчик».
3 «Добрый вечер!», «Мой дорогой!», «Пожалуйста, господин!».
4 «Проклятые!»

далеко от нас. Знаете ли вы, как мы выглядели? Мы были похожи на стадо овец, которые в жаркий летний день, сбившись, стоят в поле, недалеко от линии железной дороги, и удивленно глядят, как с шумом проносятся мимо и исчезают вагоны. Жаль, что нет у меня карандаша и куска бумаги, чтобы нарисовать нашу семью, а также всех остальных иммигрантов, заточенных на острове Элис. Как они сидят каждый на своем узле. Вздыхают и изливают друг перед другом наболевшую душу. Одни из них сидят молча, иные плачут, купаясь в слезах. В море слез.

МЫ ИНКАССИРУЕМ

Америка тем хороша, что все необходимое приносят на дом. И отпускают все необходимое в рассрочку. За один доллар в неделю вы можете обставить свою квартиру, как граф!

Никто здесь не покупает за наличные деньги. Разве что такой еврей, как Джейкоб Шиф. Он, говорят, самый богатый человек в Америке. Богаче его никого нет. Так говорит мой брат Эля. А наш друг Пиня твердит другое. Он утверждает, что Карнеги гораздо богаче. Вандербильдт тем более. А Рокфеллер — и говорить нечего. Эля, однако, отвечает — ничего подобного! У тех, может быть, и больше земель и поместий. Но денег у Шифа больше. Тогда Пиня выходит из себя и начинает орать на моего брата Элю, что, мол, тот не знает, о чем говорит. Все именья Шифа, пожалуй, не стоят даже того, что Рокфеллер раздает беднякам за один только год. Тут мой брат Эля начинает сердиться и говорит о Пине, что он враг евреям, настоящий антисемит, потому что если бы даже было верно, что Рокфеллер богаче Шифа, говорить нужно, что Шиф богаче. Потому что Рокфеллер — иноверец, а Шиф — еврей. Тогда Пиня, разгорячившись, говорит:

— Будь Шиф трижды еврей, разве должен я ради этого врать? Ты, Эля, слишком часто забываешь, что мы в Америке, а Америка не любит лжи.

— Столько болячек моим врагам на известное место и столько добрых лет всем нам, сколько врут ежедневно в одном только Нью-Йорке, не считая Бруклина, Бронзвилла и Бронкса!

Так говорит моя невестка Броха, и на этом спор кончается.

Поскольку фурнитуру (запомните же, что мебель у них называется фурнитурой) дают в рассрочку — по доллару в неделю, — то надо ведь иметь людей, которые ходили бы из дома в дом собирать эти доллары. Для этого введены инкассаторы, которые ходят и получают деньги. Инкассаторов много. Каждый из них имеет свои дома, куда он ходит инкассировать. Его дело — постучать в дверь, затем войти и сказать: «Гуд морнинг!» — что означает: «Доброе утро!» После этого он говорит: «Вери нейс деи!» — что означает: «Очень хороший день!» Потом он выдает квитанцию, получает свой доллар и говорит: «Гуд бай!» Больше он не должен говорить...

Мой брат Эля весьма доволен своим занятием. Куда красивее, чем стоять в колбасной и продавать сосиски! А зарабатывает он тоже гораздо больше. Какая выпадет неделя. Иной раз он зарабатывает восемь долларов в неделю. Иногда — десять. А бывает и двенадцать. Это зависит от погоды, от ветра, стало быть. При попутном ветре можно ходить пешком. При встречном необходимо пользоваться трамваем. Это стоит пятачок. Но таких пятачков мой брат тратит немного. Потому что по природе своей Эля — человек расчетливый. Совсем не то, что Пиня.

Наш друг Пиня — широкая натура. Он редко ходит пешком. Он говорит, что вынужден ездить, потому что он близорук. На него легко могут наехать. Не столько из-за его близорукости, сколько потому, что он существо серьезное, думающее. В голове у него всегда витают мысли. К тому же он не может ни одной минуты обойтись без того, чтобы не заглядывать в книгу или в газету. А иногда случается, что он как раз пишет в это время. Точнее говоря, на ходу он размышляет, ничего не слыша, когда к нему обращаются. Потом он хватает карандаш или ручку и начинает писать. Так он может исписать десять листов со всех сторон. Что он там написал и что он делает с написанным, этого никто не знает. Даже его жена Тайбл. Когда мой брат Эля его спрашивает, что он написал, Пиня ему отвечает:

— Постареем малость — узнаем...

Мы уже немало постарели, но ничего еще не знаем.

И все-таки это не мешает нашему другу Пине строить жизнь. Да еще какую жизнь! Наш друг Пиня — тоже инкассатор. Не при фурнитуре, а при «инсуренсе» — так называется «страхование жизни». Здесь страхуются все. Стар и млад, женщины и дети, отцы и матери, братья и сестры, дедушки и бабушки. И также не за наличные, а в рассрочку. От гривенника до одного доллара в неделю. Чем выше сумма «инсуренса», тем больше вы должны платить. Есть такие дома, где все люди, от прадеда до правнука, застрахованы от смерти. А если не все еще застрахованы, инкассатор должен смотреть за тем, чтобы незастрахованных застраховать.

Что значит «застраховать» и как страхуют человека от смерти, я в точности не знаю. Я только знаю, что мой брат Эля отказался от этого занятия. Он предпочел для себя занятие фурнитурой. Почему? Потому что при инкассировании денег за фурнитуру надо, как я вам уже говорил, пользоваться лишь словами: «Гуд морнинг» и «Гуд бай». А при «инсуренсе» надо говорить, внушать, уговаривать, убеждать. На это способен только наш друг Пиня. Он может заговорить стену. Он может мертвого заставить говорить.

Нашему другу Пине безразлично, кто вы такой, о чем бы вы ни говорили, он всегда переведет на свое. Если вы уже застрахованы, вы вполне можете говорить о страховании. А если вы еще не застрахованы, вы тем более должны говорить о страховании. Если же вы вступите в разговор, вам уже не выкрутиться из рук Пини. Он уж вас застрахует! А если не вас, то вашу жену. Вашего ребенка. Вашего деда. Вашу тещу. Вашего дядю. Вашего соседа (тут не говорят «сосед», тут говорят «нехстдоригер»). Это означает, что вы страхуетесь на тот случай, если ваш сосед умрет раньше вас. Тогда вы получаете от компании несколько сот долларов. А «нехстдоригер» со своей стороны также страхуется. Это значит, что если, не дай бог, вы умрете раньше его, тогда он получает от компании эти несколько сот долларов.

Платить вы оба платите компании по четверти доллара в неделю. Вы не обязаны ходить в контору компании. Компания уж как-нибудь попадет к вам. Не сама — через своих инкассаторов. Пиня приходит к вам и инкассирует ваши четвертаки. Он получает за это 15 процентов комиссионных.

Это за инкассирование. А если он вас страхует вновь, иначе говоря, если он «выписывает вам новый полис» (так здесь выражаются), тогда Пиня-агент получает в 15 раз больше. Это значит, что если застрахованный платит по четвертаку в неделю, то агент получит от компании 15 четвертаков в один присест! А ну-ка, подсчитайте, пожалуйста, сколько получится? А теперь представьте себе, что нашему другу Пине удалось выписать два или три, а то и больше полисов в день! Это же целое состояние!..

— Боже мой! Вы же засыплете весь этот дом золотом! — так говорит ему Броха, а Тайбл даже краснеет, глядя на своего Пиню, как он вытаскивает четвертаки и гривенники из всех своих карманов.

— А что же вы думаете? — отвечает ей Пиня и складывает четвертаки отдельно, а гривенники отдельно.— Вы думаете, что Карнеги, Вандербильдт и Рокфеллер родились со своими миллионами?..

Где мне взять сейчас лист чистой бумаги? Я сделал бы черным куском угля такой набросок. Стол. На самом почетном месте сидит мать, сложив руки. Возле нее, с одной стороны, стоит Броха. Высокая, полная, с большими ножищами. С другой стороны — Тайбл, маленькая, щупленькая, как курица. Обе они работают. Одна шьет, другая вышивает. У одного конца стола стоит мой брат Эля, обросший бородой. В руке у него пачка бумажных долларов. Это он инкассировал за день. А у противоположного конца стола стоит, согнувшись, наш друг Пиня, выбритый, чистый американец, и вытаскивает из обоих карманов четвертаки и гривенники. И так как он близорук, то каждый четвертак и гривенник он подносит прямо к носу. На столе уже выросли два высоких столбика. Первый — из одних четвертаков, второй — сплошь гривенники. А Пиня все еще не кончил. Об этом можно судить по карманам брюк, которые полны. Они буквально у него вздулись. Их прямо-таки распирает...

Ничто не вечно под луной, и человек никогда не удовлетворяется тем, что он имеет. Нам надоело ходить и инкассировать чужие доллары с чужими четвертаками и гривенниками. Лучше маленькие булочки, да свои, чем большие булки, да чужие. Так говорит Броха. Сперва инкассирование не понравилось моему брату Эле. Ему приелось это занятие. И не столько занятие, сколько люди. Иные из них перестали платить. Они сказали: «Заберите свою фурнитуру, она нам ни к чему»... Другие предъявляли претензии: почему, мол, кровать скрипит, почему, мол, в зеркале отражаются два лица? Почему, например, комод не хочет открываться и закрываться? И почему каждый стол весит целых три пуда? А на стул садишься, словно на гвозди! Иные взяли да и вовсе переселились куда-то. Иначе говоря, переехали на другую улицу — поди ищи их!

Но хуже всего вот что: есть такие, которые обязались платить еженедельно. Они платили, пока могли. Но теперь они больше платить не могут. Почему? Глава семьи заболел. Или он лишился работы. Или была забастовка. Не хочется лишиться клиента. Что делать? Пока что Эля выплачивает из своих денег. Что вам сказать, это — горе с бедой и снова горе!..

Думаете, наш друг Пиня доволен своим занятием? Тоже нет. Застраховать человека, говорит он, равносильно тому, что в бурю пересечь океан. Три дня и три ночи надо ему объяснять и втолковывать, этому невежде, весь смысл страхования, пока добьешься его согласия. А на следующий день оказывается, что он раздумал или доктор его забраковал, иначе говоря, написал о нем чорт знает что. Доктору, видите ли, не понравился страхующийся в голом виде...

Но самая большая беда для страхового агента, когда у него получается «лепс», то есть когда застрахованный перестает платить. Тогда с агента взыскивают деньги в пятнадцатикратном размере против суммы, которую застрахованный выплачивал. Пиня говорит, что если бы не эти «лепсы», он весь этот дом набил бы золотом! Но на его «счастье» несколько застрахованных сразу перестали платить, будто сговорились.

— Пускай они горят огнем, эти застрахованные, с их компаниями, с их страховой премией, с их «лепсами», с их агентами! — так говорит Пиня.

Он лучше начнет с моим братом Элей собственное дело. Несколько долларов они, слава богу, сберегли. И они уже могут заняться делом.

И решили, что мы вступаем в дело.

Завтрак Джека Филиппса

Борис ЛАСКИН

Рисунки И. Семенова

Ветеран войны сержант пехоты Джек Филиппс увидел Бесси за оградой парка.

Справедливость требует отметить, что Бесси была красива. Хорошо причесанная, холеная, она стояла на коврике, брошенном на лужайку, и смотрела на Джека Филиппса.

Она смотрела на него с нескрываемым любопытством. Джек свистнул, усмехнулся и пошел вдоль ограды.

У подъезда особняка, примыкавшего к парку, стоял высокий парень в комбинезоне.

— Хэлло! — сказал Джек.— Не найдется ли у вас какой-нибудь работы для ветерана войны?

Парень в комбинезоне выплюнул жвачку:

— Считай, что тебе дьявольски повезло. Но это только в том случае, если ты умеешь стричь газоны.

— Умею.

— Зайди. У нас заболел садовник. Прогуляешься с машинкой по этому парку и заработаешь на завтрак. Иди.

Парень в комбинезоне провел Джека в парк, подкатил маленькую механическую косилку и сказал:

— Начинай. Я посмотрю, что ты умеешь.

Джек скинул куртку и, медленно толкая перед собой косилку, пошел по краю лужайки.

Парень в комбинезоне покровительственно хлопнул Джека по плечу и удалился.

Джек старался изо всех сил. Садовником он еще никогда не работал. После войны он успел сменить десятки профессий: в Нью-Орлеане он продавал газеты, в Калифорнии жарился на апельсиновых плантациях, в Дирборне работал на грузовике, в Чикаго подметал улицы, там же таскал рекламные щиты фирмы жевательной резины, в Голливуде он снимался в массовке, когда Ральф Грэхэм крутил свое дурацкое ревю «Хохотушка Мэг».

Джек старательно толкал косилку.

Джеку здорово не везло. Он встречал ребят из своего батальона — им было не слаще.

Сейчас Джек старательно толкал косилку, предвкушая близость обещанного завтрака. Мысленно он уже составлял меню: кусок жареного мяса с рисовой кашей и две, нет, три, три чашки сладкого кофе!..

Обогнув лужайку, Джек вышел к ограде. Вытирая рукавом лоб, он оглянулся и снова увидел Бесси.

Она лежала на коврике, изнемогающая от жары. Рядом на траве жужжал вентилятор, для безопасности покрытый сеткой. Но и он не давал прохлады.

Джек свистнул. Бесси открыла глаза и зевнула.

Джек снова принялся за работу, а Бесси закрыла глаза.

Сегодня она была порядком утомлена. Всего лишь час назад она вернулась домой. Добрейшая миссис Сэлант возила ее на кладбище, на могилу отца Бесси.

Там на самом почетном месте стоял памятник из черного мрамора, украшенный серебряным венком. А чуть ниже было написано золотом: «Спи, любимый Майкл. Мир праху твоему!»

Миссис Сэлант сидела на скамейке перед памятником, глотая слезы и время от времени бросая на Бесси взгляды, полные неземной скорби.

Однако Бесси была более чем спокойна. Она понюхала цветы, окружавшие памятник ее отца, и подняла глаза на миссис Сэлант. Бесси молчала.

— Ты бессердечна, Бесси. Я недовольна тобой! — грустно сказала миссис Сэлант.— Едем домой.

На обратном пути в автомобиле миссис Сэлант несколько успокоилась. Она привлекла к себе Бесси и поцеловала ее. Но и это не растрогало Бесси. Она высвободилась из объятий миссис Сэлант и стала смотреть в окно.

Мисс Сэлант сидела на скамейке.

Когда они приехали домой, Бесси убежала в парк. На лужайке лежал коврик, который купил для Бесси мистер Сэлант. Коврик стоил две тысячи долларов и был выткан по эскизу самого модного художника Гарри Уинчелла.

Бесси не оценила художественных достоинств творения Гарри Уинчелла. Она лежала на уникальном коврике и томилась от жары.

Джек заканчивал работу. Он решил отдохнуть в тени. Подойдя к Бесси, он опустился на траву.

Бесси спала или притворялась. Это было неясно. Джек сидел в нескольких шагах от нее. Струя воздуха от вентилятора спутала ему волосы. Джек смотрел на Бесси и вдруг увидел рядом маленький столик.

На столике стояла фарфоровая чашка с бульоном. Тут же в хрустальной вазочке лежало соленое печенье крекер. А на тарелке, прикрытое кисеей, аппетитно розовело жареное мясо.

Джек облизнул губы и проглотил слюну. Страшно хотелось есть. Кто его знает, этого парня в комбинезоне! Может быть, того, что он даст, едва хватит на чашку кофе. И, наконец, чорт с ним: он согласен ничего не брать у этого парня!.. Джек оглянулся. В парке никого не было. Тогда он придвинулся к столику и взял чашку с бульоном. В этот момент Бесси открыла глаза. Она спокойно посмотрела на Джека. Она все видела, но не сердилась.

Джек махнул рукой и залпом выпил чашку бульона. Потом, осторожно взглянув на Бесси, он съел один за другим оба бифштекса и встал.

Теперь он был сыт. Впервые за неделю по-настоящему сыт.

Когда он подстригал последнюю полоску травы, вернулся парень в комбинезоне. Критически осмотрев лужайку, он хлопнул Джека по плечу.

— О'кей! Держи!..

Он протянул горстку монет:

— Можешь слегка позавтракать.

Джек глухо сказал:

— Спасибо. Я уже позавтракал, — он усмехнулся и добавил:— Но я, видимо, съел на более крупную сумму. Так что разница за мной!

Он кивнул парню и ушел.

Проходя мимо ограды, он увидел полную седую даму. Она направлялась к Бесси. Дама остановилась около столика и всплеснула руками:

— Том!.. Идите сюда! Кто посмел накормить Бесси без меня?

Том молча пожал плечами.

На коврике ценою в две тысячи долларов стояла Бесси и виновато махала хвостом.

Дорогая, породистая болонка Бесси была не виновата.

В том, что здесь произошло, были виноваты люди. Только люди.

«МАЛАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ»

В первый рейс.

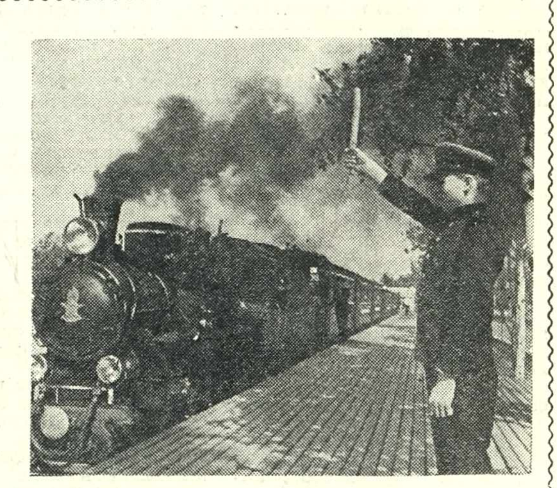
Ленинградские школьники получили замечательный подарок: открылась детская железная дорога — «Малая Октябрьская». Она проложена от Новой деревни до поселка Шувалово, на протяжении восьми километров.

Перрон станции «Кировская» украшен алыми флагами. Здесь в ожидании юных пассажиров стоит поезд. Небольшие, тщательно отделанные вагончики окрашены в синий цвет. На каждом из них накладными белыми буквами название магистрали.

Начальник станции «Кировская» Таня Быкова, дежурный Анатолий Мохов, главный кондуктор поезда Геннадий Логунов, диспетчер Владислав Павлюк одеты в железнодорожную форму.

После торжественного митинга раздается сигнал к отправлению. Гости и дети занимают места в вагонах. Гудок паровоза, и поезд отправляется в свой первый рейс. На станции «Зоопарк» его ожидает встречный поезд, который вышел со станции «Озерная».

Тысячи ленинградских комсомольцев приняли участие в строительстве «Малой Октябрьской». Они вынули около 60 тысяч кубометров грунта, уложили шпалы и рельсы, устроили высокую насыпь, оборудовали пассажирские платформы, возвели более 30 разных сооружений

Дежурный Владимир Желуницын отправляет поезд со станции «Озерная».

Фото Д. Трахтенберга

А. АЛМАЗОВ

Две книги о Китае

Китайский ученый профессор Чэнь Бо-да в конце 1946 года опубликовал на территории демократического Китая книгу, в которой, пользуясь огромным статистическим материалом, неопровержимо доказывает, что нынешние гоминдановские правители Китая Чан Кай-ши, Сун Цзы-вэнь, Кун Сян-си, Чэнь Ли-фу сконцентрировали в своих руках огромные богатства и управляют страной, как своей вотчиной. Они поделили между собой власть, они назначают на все государственные посты своих людей и отдают Китай в кабалу американскому империализму.

Они начинали с мелких коммерческих операций в молодости, когда были маклерами и менялами, и теперь расширили свою деятельность, распространив ее на территорию огромной страны.

Их вскормила гражданская война, которую они ведут непрерывно с 1927 года, со времени контрреволюционного переворота, произведенного Чан Кай-ши. Они обогащаются на внутренних займах, ложащихся непосильным бременем на плечи народа, на посредничестве в торговле оружием; им выгодна война против народа, которую они ведут.

Чэнь Бо-да приводит любопытный эпизод: «Одна из компаний, предприятия которой производят оружие, одновременно выполняет два заказа: и Китая и Японии. Как-то японский и китайский агенты одновременно появились в конторе этой компании и встретились в приемной. Взглянув друг на друга без какой-либо тени неприязни на лице, оба мирно стали толковать о ценах на заказанное ими оружие. Вдоволь наговорившись, они направились к директору фирмы, ходатайствуя о снижении отпускных цен. Говорят, что им удалось добиться скидки цены на 40 процентов».

«Четыре семейства» под видом правительственной монополии установили свою монополию на соль, сахар, табачные изделия, спички. Они, как говорит Чэнь Бо-да, грабят по правилу: «Дешево купить — дорого продать». Национальная промышленность задыхается в наброшенной на нее петле. Автор книги приводит ряд таблиц в доказательство этого.

«Четыре семейства» пресмыкались перед германскими империалистами и теперь пресмыкаются перед американскими империалистами, помогая им превратить Китай в монопольный рынок США. Усилиями «четырех семейств» Китай превращается в колонию американских империалистов.

Члены «четырех семейств» являются крупнейшими землевладельцами и ярыми защитниками феодального аграрного строя. Они же и самые крупные ростовщики в стране: их банки выдают больше половины кредита. Они держат под своим контролем издательства, кинематографию, радиовещание.

Автор книги называет пять самых расточительных монархов Китая и говорит, что даже для них была немыслимой роскошь, в которой живут нынешние правители Китая. «Этот прогнивший режим,— говорит в заключение автор, — полностью изолирован от народа... И как бы «четыре семейства» ни гнули спину перед иностранной реакцией, им, в конце концов, не устоять перед великим, могучим ударом, который возвратит жизнь китайскому народу. Победа народа неизбежна».

Материал, дополняющий книгу Чэнь Бо-да, читатель найдет в книге американских журналистов Т. Уайта и Э. Джекоби.

Интересны те страницы, где рисуется окружение Чан Кай-ши — представители «четырех семейств» и другие гоминдановские руководители, думающие лишь о личном обогащении и ненавидящие свой народ.

Министр просвещения Чэнь Ли-фу заполнил университеты членами гоминдановского молодежного корпуса — молодыми фашистами, занимающимися маршировкой вместо науки и терроризующими профессоров. Министр финансов Кун Сян-си выпускал в огромном количестве бумажные деньги и уверял при этом, что инфляция невозможна. «Если люди соглашаются платить 20 тысяч долларов за автоматическую ручку, это их частное дело, а не инфляция. Просто они сошли с ума»,— говорил он. Военный министр Хо Инцинь, не стесняясь, брал взятки, и в Чунцине открыто называли сумму, которую надо было уплатить, чтобы получить должность командира полка.

Страшное впечатление производит описание голода в Хэнани в 1943 году. Население голодало, питалось корой и листьями, а сборщик налогов отбирал последний мешок пшеницы, оставленный на семена. «Что касается чиновников,— пишут авторы,— то у них на столе всегда были горячие белые булочки и свежее мясо. Последний писарь в аппарате гоминдана получал в среднем 4 фунта пшеницы в день из зерна, собранного по налогу». Около трех миллионов из тридцатимиллионного населения провинции умерло от голода и болезней. «Два бича»,— говорили крестьяне,—«терзают тело Хэнани — Желтая река и генерал Тан Энь-бо».

Между гоминдановскими генералами, меньше всего думавшими о родине, происходили ссоры, приводившие к катастрофам на фронте.

В это время армия коммунистов успешно действовала на севере Китая. Авторы книги противопоставляют заботу коммунистов об интересах народа антинародным действиям гоминдана. Они говорят, что «люди, посещавшие коммунистические районы, как бы переносились из гоминдановского царства угнетения в царство света». Народ помогал коммунистам воевать, участвуя в «минной войне», а коммунисты дрались даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, защищая народ, занятый уборкой урожая.

«Ни одна политическая группировка, за исключением коммунистов, никогда не решалась вооружать народ, так как это дало бы крестьянам возможность самим взяться за устранение причин своего недовольства. Уверенные в поддержке народа, коммунисты могли позволить себе вооружить сотни тысяч людей, зная, что это оружие никогда не обратится против них». В районах, где действовали коммунисты, была установлена подлинная демократия.

А гоминдановцы в годы войны с Японией блокировали коммунистические районы и поддерживали постоянную связь с японскими марионетками.

Уайт и Джекоби — буржуазные журналисты. Они в своей книге не дали полной картины той борьбы за новый, демократический Китай, которую под руководством коммунистической партии ведет китайский народ, они не сказали того, что в войне с японскими империалистами коммунистам принадлежала основная и решающая роль, они также постарались смягчить губительную роль американского империализма, представляя американскую экспансию как дело отдельных личностей. Их исторические экскурсы чаще всего поверхностны и неправильны (такова, например, неверная оценка причин вмешательства Америки в гражданскую войну в Китае), их теоретические рассуждения никак не могут удовлетворить советского читателя, но факты, приводимые в этой книге, интересны и поучительны, а отдельные зарисовки превосходны.

Л. ЭЙДЛИН

Чэнь Бо-да. Четыре семейства Китая. Перевод с китайского А. Гатова. Вступительная статья В. Аварина. Государственное издательство иностранной литературы. 1948. 222 стр. Цена 11 р. 70 к.

Т. Уайт и Э. Джекоби. Гром из Китая. Сокращенный перевод с английского И. Онадиса. Вступительная статья В. Масленникова. Государственное издательство иностранной литературы. 1948. 295 стр. Цена 14 р. 50 к.

Балет и современность

Русский балет имеет свою богатую, яркую и выразительную историю. Нигде в мире балет не достиг таких художественных творческих вершин, как в России.

К сожалению, до сих пор еще не существует серьезного научного труда, посвященного более чем двухсотлетней истории русского балета.

Авторы дореволюционных исследований — Плещеев, Худеков, Светлов, Скальковский, Волынский — одни выпускали альбомно-парадные издания, рассчитанные на салонного потребителя; другие вели загадочные для читателя дискуссии о батманах, антраша и элевациях; третьи рассказывали главным образом закулисные анекдоты; четвертые разводили пространные заумно-философские суждения; пятые — ну, эти, конечно, с подозрительным усердием пытались доказать, что наше балетное искусство подражательно.

Какая глубокая пропасть отделяет всех этих убогих «теоретиков» от автора только что вышедшей книги, посвященной танцу Галины Улановой!

Ревностный и горячий друг советского балета, В. Голубов гордился его все растущими успехами.

В своей книге он страстно разоблачает старых балетных историографов, утверждавших рабский культ заграничного, лебезивших перед иностранщиной.

Характеризуя творчество Галины Улановой и подчеркивая главное достоинство артистки в том, что «всех своих героинь она изображает в разрезе своего национального характера», В. Голубов уделяет много страниц эстетическим проблемам балета вообще и текущим задачам советского балета в частности.

Он интересуется не столько технологией танца, сколько «сложным миром его идей и чувств».

«Искусство артистов балета недолговечно и преходяще, как и искусство артистов оперы и драмы»,— пишет В. Голубов.

Заслуга критика в том, что в своих описаниях он обеспечивает долголетие поэтическим образам, созданным Улановой в ее лучших ролях — Жизели, Джульетты, Марии («Бахчисарайский фонтан»), Золушки, Одиллии («Лебединое озеро») и др.

Академик Б. Асафьев в своем вступлении к исследованию Голубова справедливо отмечает, что автор книги «Танец Галины Улановой» нарисовал верный театральный портрет «великой артистки, нашей современницы».

Говорят, что когда балерина постигает душу и сокровенный смысл произведения, неизбежно слабеет ее техника.

«Это верно в тех случаях, когда техника и идея существуют порознь,— замечает автор.— В искусстве Улановой они большей частью слиты».

Но самое важное в танцах Улановой—то, что, раскрывает ли она страницы наших национальных авторов или интерпретирует произведения других народов, во всех создаваемых ею образах «неизменно присутствует национальное, русское».

Не раз в своей книге Голубов возвращается к вопросу установления национальной самобытности и творческому первенству советского балета — балета, которому равного нет во всем мире.

Если Уланова — вполне современный художник в своем отношении к изображаемому, в своем жизнеощущении, то «как же должно вырасти это чувство современности, когда артистка сомкнется с новыми, взятыми из нашей действительности образами»,— пишет автор.

Улановой надо помочь найти путь к новому миру идей и образов, как бы завещает В. Голубов,— и тогда мы увидим, как в новых темах раскроется и расцветет ее талант!

Печально, что смерть оборвала начатую критиком работу над проблемами хореографической поэтики и ее связи с современностью.

В. РЕГИНИН

В. Голубов (Потапов). Танец Галины Улановой. Всероссийское театральное общество. Ленинградское отделение. Ленинград. 1948. 170 стр. Цена 16 руб. Тираж 10 000.

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

«В городе Сен-Джон (Канада) в прошлом году на черном рынке было продано, по крайней мере, 50 детей. Цена за отдельного ребенка достигла 1500 долларов» («Ивнинг ситизен»).

●

«За время первой мировой войны число миллионеров в США увеличилось на 22 тысячи человек. За вторую мировую войну по сравнению с войной 1914—1918 годов число новых миллионеров увеличилось во много раз. 11 американских фирм, выполнявших поставки для армии, перешли из разряда миллионеров в разряд миллиардеров» («Ин фэкт»).

●

«Опубликованный доклад департамента здравоохранения Шотландии свидетельствует об угрожающем росте заболеваний туберкулезом в 1947 году в городах Шотландии и особенно среди рабочих города Глазго. Если по всей Шотландии смертность от всех видов туберкулеза составляет 6,02%, то в Глазго она составила 9,5%» («Дейли уоркер»).

НА КОРАБЛЯХ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА. Старшина 1 статьи А. Бадьев обучает пользованию компасом юнгу Л. Кузнецова. Внизу: вечерняя поверка.

Цветные фото М. Трахмана

Утренняя зарядка.

Цветное фото М. Трахмана

ИТОГИ И УРОКИ

(Из блокнота критика)

Н. КАЛИТИН

После гастролей и летнего отдыха театры столицы возобновляют работу. Уже открыты двери МХАТ и Малого театра, уже появились афиши, извещающие об очередных премьерах. И в ожидании новых постановок, новых тем и образов, раскрываемых средствами сценического искусства, мы оглядываемся назад, к итогам прошлого года.

«День наш тем и хорош, что труден»

Он появляется перед вами на сцене вахтанговского театра, этот крепко сложенный шахтер, с проницательным, серьезным взглядом, уверенными, неторопливыми движениями, и с первых же его слов вы проникаетесь горячей симпатией к нему.

Ему уже за шестьдесят. Но такой молодой силой, такой неиссякаемой бодростью веет от него, что вместе с ним верите и вы: да, конечно, он еще много сделает на своем веку и осуществит свое заветное желание—«пожить при коммунизме». Таков старый шахтер Макар Дубрава, герой одноименной пьесы А. Корнейчука, в превосходном исполнении М. Державина.

Полна глубокого смысла и содержания жизнь этого человека. Она вся для него в радостном, творческом труде, в стремлении к великой цели, рука об руку с товарищами, вместе со всем народом. Макар Дубрава в исполнении Державина — это яркий образ строителя новой жизни, созидателя, борца за коммунизм.

В художественной прозе у нас уже есть такие произведения, как «Кружилиха», как роман молодого писателя В. Ажаева «Далеко от Москвы», рисующие героический труд советского человека, живо воскрешающие в памяти прекрасные слова Маяковского: «День наш тем и хорош, что труден». Но много ли подобных образов дали за последние годы наша драматургия и театр?

Тема труда, образ центрального героя нашей жизни, советского человека — созидателя и борца— еще ждут сценического воплощения.

Сцена из пьесы А. Корнейчука «Макар Дубрава» в Театре имени Вахтангова. Старый шахтер Макар Дубрава — М. Державин, и Павел Кругляк — А. Абрикосов.

Фото О. Кнорринга

Какими не должны быть наши люди

Отличную фамилию придумал автор своему герою: Милягин! И артист Ф. Григорьев (Малый театр), играющий эту роль в спектакле «Великая сила» Б. Ромашова, является перед нами прежде всего этаким милягой, простецкой натурой, добродушным человеком, не скрывающим своих слабостей и снисходительным к слабостям других.

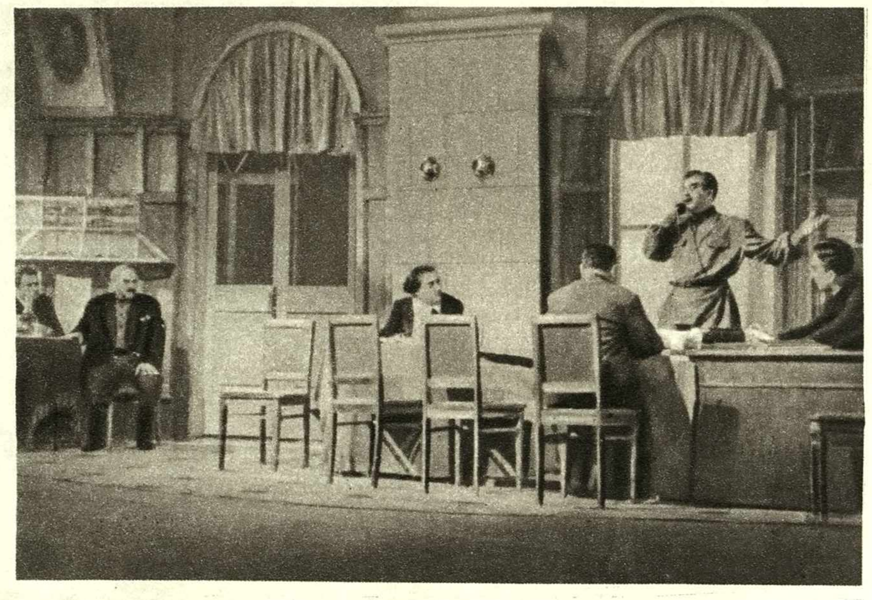
Далеко не сразу раскрывается перед нами истинное лицо Милягина, карьериста и мещанина от науки, раболепствующего перед всем иностранным, лишенного чувства национального достоинства, самонадеянного и трусливого обывателя. И, может быть, тем особенно и опасны Милягины, что их истинное нутро хорошо скрыто за внешней простоватостью, радушием и «объективностью».

В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» тов. А. А. Жданов говорил, что наше искусство должно показывать советским людям, «какими они не должны быть», «бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед».

Образ Милягина в «Великой силе» — живое олицетворение одного из таких пережитков, узко эгоистического, обывательского отношения к жизни, формального выполнения своих обязанностей, своего долга.

О том, какими не должны быть наши люди, говорят и другие образы из спектаклей минувшего сезона. В прекрасном исполнении В. Лекарева (Театр имени М. Ермоловой) и Н. Мордвинова (Театр имени Моссовета) встает перед зрителем образ Костюшина из пьесы А. Сурова «Большая судьба», самовлюбленного, упоенного своим «авторитетом» человека, не желающего считаться ни с кем и ни с чем, кроме собственного мнения.

Сатирические в своей основе, эти образы возрождают на нашей сцене традиции большой, серьезной комедии. Хочется верить, что в ближайшем будущем основное место в этом жанре займет комедия характеров, комедия-сатира.

Сцена из пьесы А. Сурова «Большая судьба» в Театре имени Моссовета. В роли Костюшина (говорит по телефону) Н. Мордвинов.

Фото О. Кнорринга

На «втором плане»

В спектакле «Большая судьба» секретарь райкома партии Телегин в разговоре с товарищем вскользь упоминает о том, что его жена не захотела поехать с ним в отдаленный сибирский район.

В пьесе Б. Ромашова «Великая сила» жена профессора Лаврова ревнует мужа к его молодой помощнице, но тщательно скрывает свои подозрения и впоследствии убеждается в их необоснованности.

В пьесе А. Кузнецова и Г. Штайна «Призвание» молодой лейтенант, ожидающий демобилизации, чуть не отказался от брака с любимой девушкой на том основании, что она уже инженер, а он еще должен несколько лет учиться и жить это время частично на ее средства.

Все эти конфликты отражают какие-то реальные стороны жизни, но в большинстве случаев остаются в пьесах наших драматургов на втором или на третьем плане или решаются чрезвычайно примитивно.

Правильно ли это? Советский зритель ждет от театра глубокого и серьезного освещения проблем советской семьи, советской морали. Он хочет увидеть на сцене и дружную, прочную семью, спаянную любовью, взаимным уважением, общностью общественных интересов, и правильное с точки зрения советской морали решение конфликтов, возникающих порой между любящими людьми.

Он хочет увидеть на сцене настоящую, молодую и чистую любовь, которую почему-то так скудно показывают наши драматурги.

На спектакле «Два капитана» В. Каверина, привезенном в Москву Ленинградским театром имени Ленинского комсомола, я спросил знакомого юношу:

— Ну, как? Нравится?

— Еще бы,— отвечал он,— ведь тут и романтика подвига и романтика любви!

И мне вспомнилось, как в одном из спектаклей минувшего сезона юные влюбленные, только что объяснившись и обменявшись поцелуем... включают радио и чинно слушают очередную передачу.

Да, тут до романтики далековато!

Молодые исполнители

В спектакле Малого театра «Доходное место» роль Полины исполняет молодая артистка О. Хорькова.

Рядом с ней на сцене виднейшие мастера театра, артисты с именами, но ее игра захватывает зрителя не меньше, чем исполнение многих других, опытных актеров, искренностью и простотой, заставляющими забывать, что перед нами сценический образ, а не воскресшая на миг картина давно минувшей жизни.

В спектакле «Двенадцать месяцев» С. Маршака в Театре юного зрителя такой же искренностью, непосредственностью исполнения подкупает артистка Князева.

Полина-Хорькова и Королева-Князева, на наш взгляд,—наиболее яркие образы, созданные молодыми исполнителями в минувшем сезоне. Рядом с ними можно назвать еще несколько имен молодых актеров и актрис, запомнившихся зрителю. Но имена эти насчитываются лишь единицами, хотя талантливая актерская молодежь есть в каждом театре.

В наших театрах почти отсутствует практика создания отдельных спектаклей силами молодых актеров. А ведь театральные училища и студии каждый год дают театрам (в том числе и московским) талантливое пополнение из молодежи. Почему же так робки и нерешительны театры в выдвижении молодых актерских сил?

На этот так же, как и на другие поставленные здесь вопросы, зрители ждут ответа в нынешнем театральном сезоне.

«Два капитана» в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола. Сцена на вечере в школе. Саня — артист Г. Самойлов, Катя — Н. Родионова.

Фото А. Горнштейна

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

На спектаклях Азербайджанского драматического театра имени Азизбекова

И. КРУТИ

Фото С. Шингарева

Сцена из четвертого действия драмы «Вагиф». Танцы в ханском дворце, захваченном иранским шахом Каджаром. Солистка — Масума Агаева.

Случилось так, что за день до открытия в Москве гастролей Азербайджанского государственного театра имени Азизбекова другой гостящий в столице театр, Ленинградский театр комедии, задорно и весело сыграл умную и справедливую сатиру Евгения Петрова «Остров мира». Зритель с

Сцена из первого действия драмы «Вагиф» Самеда Вургуна. Везир Карабахского хана поэт Вагиф (народный артист Азербайджанской ССР Алескер Алекперов): «Я здесь живу, как зверь лесной,— в тени... Освобожденный, соколом взлечу! И не подняться волку-палачу за соколом. И не догонят нас...» Жена Вагифа Хураман (народная артистка Азербайджанской ССР Фатьма Кадри): «Как будем жить тогда? Как нищие?»

презрением смеялся над превращением буржуазных джентльменов в злобных империалистических волков, как только они почуяли запах нефти и больших прибылей...

Нефть! Нажива, жестокая эксплоатация, бесправие, нищета, порабощение, захват чужих земель, безнаказанные убийства, чудовищные предательства, грабительские войны — вот что такое нефть в капиталистическом мире!

И вот сыны и дочери нашей, советской, знаменитой на весь мир, нефтеносной земли — художники счастливого и свободного Азербайджана! К нему не раз — и с запада и с востока—тянулась лапа империалистского хищника, но с братской помощью народов СССР, при решающей поддержке русского народа он отвоевал свою независимость, чтобы его материальные и духовные ценности составили действительное благо его народа.

Естественен был поэтому тот подъем, с которым встретил зрительный зал первое же представление театра азербайджанцев в Москве, его чудесное искусство пленительных национальных форм.

Мы помним этот театр по его выступлениям в Москве в 1930 году. Тогда он в спектакле «Невеста огня» воскрешал историю народного восстания конца IX века против религиозного изувера феодала Алтун-бея. Тогда спектакль «Севиль» примером жизни и борьбы его героини, смело сбросившей чадру и нашедшей путь в советский вуз, звал к раскрепощению женщин Востока, а пьеса «Намус» ополчалась против адата — пережитков старины в области семейных отношений (кровавая месть, выкуп невесты).

И тогда же театр сыграл «Гамлета» — спектакль, который, несмотря на выдающееся исполнение заглавной роли, был неисправимо порочен, так как режиссура произвольно перенесла действие трагедии из северной Дании в выдуманную страну томного Востока.

В 1930 году театр насчитывал всего десять лет работы в советских условиях.

«Нельзя петь, нельзя танцовать, нельзя рисовать — вот законы шариата и корана,— писал в ту пору первый художественный руководитель театра,— женщина не должна показывать своего лица. Тело человека — постыднейшая вещь, а публичное выступление — главный грех. Поэт воспевает розу, соловья, юношу, но не женщину. Она скрыта чадрой, за высоким глухим забором, выше роста человека, ставшего на арбу, чтобы никому нельзя было заглянуть в ее семейную жизнь. Мужчина не имеет права украсить себя галстуком — это значило надеть на себя петлю, по которой шайтан тянет к греху.

Вот та действительность, в которой создавался азербайджанский театр.

...Папаха и чадра продолжали борьбу за свое существование. Каждый уезд имел свою форму папахи, по которой можно было сказать: вот это — бакинец, это — нухинец, это — шемаха и т. п. Папаха не снималась с головы правоверного мусульманина. Когда запретили вход в театр в папахе и женщине в чадре, обыватель отказывался итти в театр. Картина посещения женщинами театра царского времени кажется сейчас неправдоподобной: за сеткой, за марлей, за занавеской, в ложах, покрытые чадрой, сидели бесправные рабыни, тени, закутанные кусками материи, ныне освобожденные тюрчанки».

Драма «Вагиф». Военный лагерь иранского шаха Каджара на подступах к Шуше. Выход пленных грузин.

То обстоятельство, что в жизни, в быту не потеряли еще власти над отсталыми людьми пережитки старины, создавало для театра в первые годы его деятельности дополнительные трудности. Тем более радовали чудесные дарования азербайджанских актеров, и тем громче звучали прогрессивные идеи в произведениях современного национального драматурга Азербайджана Джафара Джабарлы («Невеста огня», «Севиль», «Алмас» и другие).

И все же театр отставал тогда в своем творческом развитии от размаха культурного и хозяйственного строительства социалистического Азербайджана.

В его спектаклях обнаруживались идейная незрелость, недостатки художественного порядка, подмена национальной формы этнографией, аляповатой пышностью, а то и безвкусием «экзотического» дивертисмента.

Вспомним, что это были годы первой пятилетки, что к этому времени советский театр, все его передовые национальные отряды уже стали активными участниками строительства социализма.

В этой обстановке забота о наилучшем и скорейшем поднятии художественной культуры азербайджанского театра, об интенсивной подготовке национальных творческих кадров стала решающей на ближайшие годы.

В победах социализма, в бессмертных идеях Ленина—Сталина, в воинствующей партийности своего искусства, в его народности азербайджанские художники сце-

ны нашли животворящий источник вдохновения.

Смотрим ли мы теперь спектакль о героической борьбе трудящихся Азербайджана за установление советской власти («Утро Востока» Энвера Мамедханлы), восхищаемся ли трудовым подвигом бакинских нефтяников («Светлый путь» Ильяса Эфендиева), переносимся ли мы в XVIII век, чтобы отдать дань уважения поэту, творящему для народа и воспевающему народ, восставший против иранских захватчиков («Вагиф» Самеда Вургуна),— во всех этих спектаклях, при всем различии их сюжетов мы слышим звучание одной величественной темы — темы народа, борющегося за свое счастье.

В романтическом и героическом спектакле «Вагиф» эта тема звучит одновременно и как высоко поэтический древний сказ и как боевая современная песня о славе передового художника, всей своей жизнью и творчеством тесно связанного с народом, его чаяниями и его борьбой.

Народный артист Азербайджанской ССР Мирза Ага-Алиев в роли бурового мастера Баба-даи в драме «Светлый путь».

В реалистическом спектакле «Светлый путь» театр внимательно и правдиво раскрывает чистые моральные качества и высокую сознательность советских тружеников. И наиболее полно, как торжествующий гимн борющемуся и побеждающему народу, отражена эта тема в поэтическом и политически страстном спектакле «Утро Востока», гневно разоблачающем контрреволюционных мусаватистов и воспевающем красоту и величие беззаветной борьбы бакинских большевиков, рабочих и крестьян с врагами народа—отечественными и зарубежными.

Конечно, не все спектакли азербайджанцев равнозначащи. В той или иной постановке можно обнаружить частные неудачи или ошибки. Но уже нельзя сейчас найти на азербайджанской сцене эстетского любования стариной или «самодовлеющую» ее демонстрацию.

Ныне все в спектакле: ритм, краски, весь его пластический и живописный образ—призвано выразить мысль драматического произведения, воплотить его стиль, сказать художественную правду о жизни и человеке. Так театр ищет и находит для социалистических идей современной азербайджанской драматургии строгую, яркую форму.

Вместе с тем театр любовно и поэтому успешно работает над русской классикой («Гроза», «Без вины виноватые») и продолжает свои опыты постановок произведений мировой классики («Двенадцатая ночь» Шекспира).

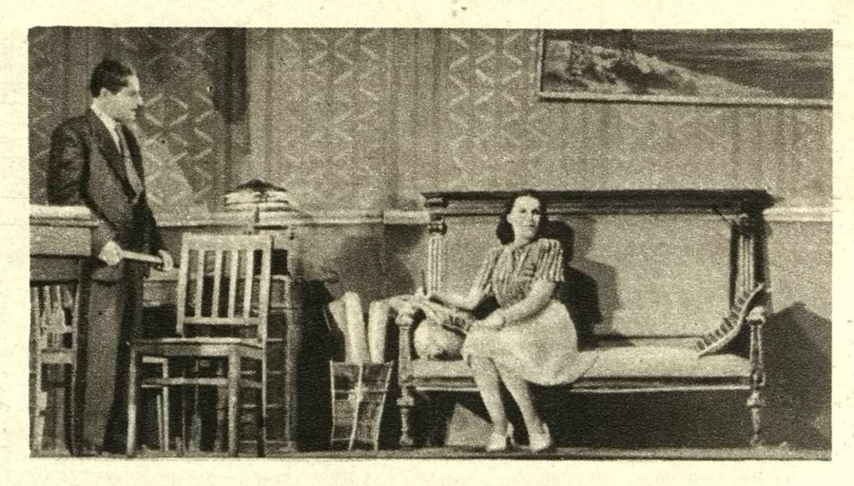
И чем плодотворнее его деятельность, тем выше и тоньше мастерство, с которым он раскрывает лучшие произведения отечественной драматургии, тем полнее и ярче выявляются обогащенные таланты его чудесных актеров, режиссеров, художников.

Успехи Азербайджана в воспитании национальных кадров в области театра поразительны. Тонко, изящно и изобретательно блестящее искусство художников Нусрат Фатуллаева и Исмаила Ахундова. Оригинальна творческая манера пытливых режиссеров Алескера Шарифова и Мехти Мамедова, руководимых принципиальным и строгим художником Адиль Искендеровым.

Восприняв заветы русского реалистического театра, его идейность, правдивость, психологизм, азербайджанские мастера сумели органически сочетать их в своем творчестве с требованиями национального театрального искусства.

Вот почему так тонок и точен психологический рисунок роли и так пластически выразительны сценические создания ведущих актеров театра: Фатьмы Кадри, Алескера Алекперова, Али Курбанова, Лейлы Бедырбейли-Джаваншировой, Марзии Давудовой и многих других.

Вот почему так радует и пленяет пронизанное бодростью и счастьем искусство, творимое ныне на сцене театра свободного народа, народа советского, социалистического Азербайджана.

Сцена из драмы Ильяса Эфендиева «Светлый путь». В роли Эльмара — директора первого нефтяного промысла — народный артист Азербайджанской ССР Исмаил Дагестанлы, в роли директора второго промысла Гюляры — заслуженная артистка Азербайджанской ССР Акима Курбанова.

Сцена из пьесы Энвера Мамедханлы «Утро Востока». Слева направо: генерал Томсон — народный артист Азербайджанской ССР Кязим-Зия, майор Эд Браун — Фате Фатуллаев, певица Анжелла — Мирвари Новрузова, у мольберта художник Бахруз — заслуженный артист Азербайджанской ССР Аджар Султанов, дочь нефтепромышленника Агаларова — Диляра — заслуженная артистка Азербайджанской ССР Барат Шекинская.

Будущие мастера

В художественном ремесленном училище № 41 многолюдно и шумно. Юноши и девушки в форменном платье с белыми воротничками и темными петлицами беседуют в коридорах, вестибюлях, аудиториях с поступающими.

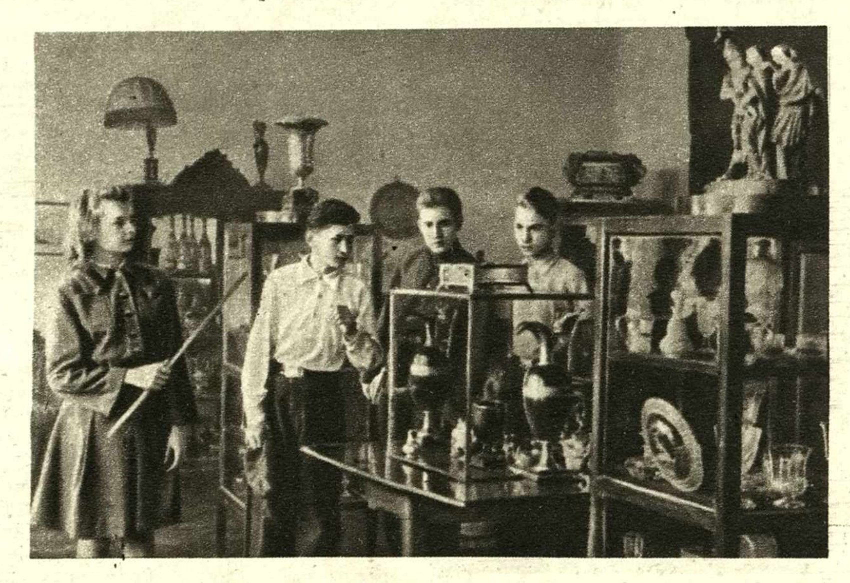
Окончившая училище комсомолка А. Гроховская рассказывает пришедшим новичкам:

— Учебный день у нас продолжался только до 3 часов. Оставалось время не только для уроков, но и для отдыха, чтения, занятий в самодеятельности. Много лет существует у нас драмкружок. За эти годы ребята его так полюбили, что, закончив учение и работая в другом месте, по сей день участвуют в его спектаклях. Охотно посещают учащиеся и хореографический кружок, хоровой, а также кружки живописи, рисунка, лепки. Многие наши ремесленники обучаются в школах рабочей молодежи, получая там наряду со специальным и среднее образование.

Ремесленники занимаются историей искусств, живописью, композицией, рисунком, технологией материалов, лепкой, черчением, проходят практику в мастерских.

Среди мастеров производственного обучения двенадцать человек — воспитанники училища.

Произведения учащихся 41-го Московского ремесленного училища пользуются заслуженной известностью. В Колонном зале Дома Союзов в Москве обращают на себя внимание литые, словно из золота, бра нижнего фойе. Искуснейшие работы ремесленников были представлены на Международном фестивале молодежи в Праге в 1947 году. На выставке «Реконструкция Москвы», на строительной и многих других выставках изделия учащихся ремесленного училища № 41 неизменно привлекают посетителей.

В музее художественного ремесленного училища № 41 собраны антикварные вещи. Мастер А. Гроховская беседует с поступающими: В. Введенским, С. Комыниным и Г. Тихомировым.

Фото В. Евграфова

В музее училища собраны лучшие работы учеников: столы из красного дерева, бронзовые статуи, затейливые стеклянные абажуры и фонарики, инкрустированные шахматные столики, вазы, подстаканники, кровати, барельефы, аппликации из цветного стекла, архитектурные детали, витражи...

Семь различных профессий приобретает здесь молодежь: художников-чеканщиков, монтировщиков, резчиков по мрамору и камню, резчиков по дереву, формовщиков и литейщиков, грановщиков и гравировщиков стекла, столяров-краснодеревщиков.

Выпускники училища после трехлетнего обучения получают звание мастера-исполнителя по художественной обработке материалов.

Училище № 41 самое старое из существующих сейчас художественных ремесленных училищ. Оно образовалось в 1940 году. К 1945 году было организовано по Союзу еще 34 училища этого же профиля.

В 1948 году московские художественные ремесленные училища выпустили 500 мастеров.

ВОСПИТАНИЕ СОВЕТСКОГО АРТИСТА

А. ЛОБАНОВ,
народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии

Фото Э. Гутгарца

Новый учебный год. В театральных институтах, школах, училищах закончились вступительные экзамены.

Наплыв в этом году в театральные учебные заведения очень велик. На актерский факультет старейшего театрального вуза — Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского — было подано более 300 заявлений.

После тщательного отбора пятнадцать юношей и девушек зачислены на первый курс актерского факультета, столько же — на режиссерский и театроведческий.

Первыми курсами режиссерского и актерского факультетов ГИТИС в нынешнем году руководит лауреат Сталинской премии народный артист РСФСР Андрей Михайлович Лобанов.

А. М. Лобанов поделился с нами своими мыслями о методах воспитания советского артиста.

Наш фотокорреспондент присутствовал на заключительном туре конкурсных испытаний на актерском факультете и запечатлел на снимках отдельные моменты.

Большой зал института переполнен. Здесь происходят приемные экзамены. Послушать своих младших товарищей пришли студенты старших курсов. За столом перед сценой экзаменационная комиссия. На переднем плане: профессор Е. Сарычева, преподаватель актерского мастерства, режиссер театра имени Моссовета М. Чистяков, народный артист РСФСР А. Лобанов.

Советский народ предъявляет огромные требования к театру, к деятелям искусства. Отвечать этим требованиям могут только художники, обладающие большой и разносторонней культурой, высоким мастерством, общественно-политическими знаниями,—художники, все творчество которых проникнуто высоким долгом служения Родине. Актеры и режиссеры, занимающиеся воспитанием советской театральной молодежи,— это не просто педагоги, читающие курсы актерского и режиссерского мастерства, это воспитатели советского художника-творца.

С. Прокофьева вышла из зала. Только что она стояла на сцене и читала бессмертные строки Горького. Неуверенность, сомнение охватывают девушку. Так ли звучали слова?

В этом году мне поручено ведение первых курсов актерского и режиссерского факультетов Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Я хочу как можно больше сблизить работу двух этих групп. Часто молодежь, заканчивающая театральные институты, недостаточно знает сцену, не умеет применять полученные теоретические знания на практике. Происходит это главным образом потому, что в институтах занятия ведутся в отрыве от театра. В результате окончивший режиссерский факультет беспомощно чувствует себя на сценических подмостках, не умея работать с актером, затрудняясь претворить в зрительные образы идею, тему произведения. То же происходит и с окончившими актерский факультет. Привыкнув за пять лет показываться только перед педагогами в небольших аудиториях, они подчас теряются при первом выходе к зрителю.

Чтобы избавиться от этих недочетов в воспитании актера и режиссера, мне кажется, надо прежде всего уделить больше внимания практике.

Для такой практики будущих актеров хотелось бы возродить хорошую традицию студийного театра, так называемые школьные спектакли, которые устраивались бы регулярно. В программы этих вечеров следует включать отрывки из пьес, инсценировки маленьких рассказов, подготовленные в процессе занятий.

Участвуя в таких спектаклях, учащиеся будут привыкать к сцене и к зрителю, осваивать грим, ношение театрального костюма. Педагоги, в числе прочих зрителей присутствующие на вечерах, увидят уже не студента в учебной обстановке, а актера на сценических подмостках.

Такие вечера были в практике 3-й студии МХАТ, из которой сформировался театр имени Вахтангова, были и в других студиях Художественного театра.

Один за другим выходят на сцену будущие актеры. Наступает очередь и А. Петрова. Еще и еще раз проверяет он приготовленный им репертуар. В пустом классе, обращаясь к воображаемому партнеру, юноша произносит монолог.

К сожалению, сейчас забыли о студиях и студийности. А многое из опыта, созданного и накопленного в этих школах, не мешало бы возродить. Следует учесть, что большинство актеров и режиссеров, занимающих сейчас ведущее положение в театре, воспиталось в студиях. Правда, студии не давали тех больших общеобразовательных и общественно-политических знаний, которые получает сейчас молодежь, воспитываемая в театральных институтах, и это являлось крупным недостатком. Но зато в студиях, которыми руководили такие прославленные мастера театра, как К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, Е. Вахтангов, Н. Хмелев, не просто обучали актерскому мастерству, а больше всего заботились о формировании человека-художника.

Комиссия удалилась на совещание. Подробно обсуждаются кандидатуры, тщательно разбираются все положительные и отрицательные качества каждого поступающего. Для ожидающих решения жюри время тянется медленно. Н. Волошин и И. Понярская с тревогой и нетерпением ждут выводов комиссии.

Роль актера, говорил молодежи Станиславский, «не кончается с опусканием занавеса,— он обязан и в жизни быть носителем и проводником прекрасного. В противном случае он одной рукой будет творить, а другой разрушать создаваемое. Поймите это с первых же лет вашего служения искусству и готовьтесь к этой миссии. Вырабатывайте в себе необходимую выдержку, этику и дисциплину общественного деятеля, несущего в мир прекрасное, возвышенное и благородное».

Лучшая черта студий — это чувство коллектива, чувство ансамбля.

В современном буржуазном театре, да и в дореволюционном русском широко распространено было премьерство, система гастролеров. Актер заботился только о себе, о своей роли, о том, как бы ему эффектней блеснуть в том или ином спектакле, убежденный в том, что чем хуже актеры, играющие с ним, тем ярче выделяется он.

Это вредная и неверная мысль.

Творчество актера по самой своей природе тесно связано с коллективом. Выдающийся советский актер М. М. Тарханов часто говорил своим молодым товарищам: «Лучшее средство хорошо играть на сцене — это заставить своего партнера хорошо сыграть». Чем выше, чем талантливее ансамбль, тем выше становится творчество каждого актера в отдельности.

Чувство коллектива, чувство локтя, характеризует и определяет советского актера.

Сочетание больших общеобразовательных и общественно-политических знаний, получаемых студентами в стенах института, с лучшими традициями студийного воспитания, заложенного величайшими мастерами русского театра,—вот путь, по которому должно идти формирование советского артиста.

Ликующие, счастливые выходят они сегодня из дверей института. Экзамены закончены. Они приняты в институт. Впереди долгие, радостные дни учебы.

Александр Канаки — Александр Шехтель

М. КАРПОВИЧ

Фото П. Омельяненко, А. Морозова и Б. Светланова

Все было не так.

И в круг он вставал непривычно — правым плечом вперед. И рука с вложенным в нее ядром казалась инородным телом, никак не хотела действовать в лад с движениями всего тела. И не было прежней, упругой стремительности толчка. Ядро с трудом перелетало за одиннадцатиметровую черту.

Он сам слышал, как мальчишки, окружившие сектор, спрашивали:

— Кто это толкает?

И юношеский ломающийся басок отвечал небрежно:

— Не видите разве? Левша какой-то.

Откуда, в самом деле, могла помнить его эта молодежь, подросшая в годы совсем недавней войны? Откуда знать им, что не всегда Александр Канаки был левшой, что толкал он ядро не на 11 метров, а на 15, что до войны он держал всесоюзный рекорд — 15 метров 53 сантиметра.

Тогда, до войны, имя Канаки значило кое-что. Его спортивные успехи звучали на всю страну. Он выиграл у Демина десятиборье, позднее стал рекордсменом в толкании ядра. Их было, пожалуй, даже слишком много, этих успехов, в те годы. А теперь сил нехватало даже для толкания ядра. Что мог он сделать левой рукой, больше чем тридцать лет все делавший правой,— от причесывания своих русых волос до яростного броска гранаты в немецкую цепь, наседавшую на его батальон на узком донском плацдарме?

Дона ему не забыть никогда. Батальон под командой капитана Канаки несколько дней удерживал крохотный плацдарм за рекой, когда немецкие войска рвались к Сталинграду. Батальон должен был не только любой ценой оборонять рубеж, но и наступать, наступать, чтобы могла отойти дивизия. В ту минуту, когда комбат поднимался из укрытия, чтобы вести в атаку солдат, вражеский снайпер послал в него разрывную пулю.

...Когда теперь, спустя несколько лет, смотришь на эту руку, трудно поверить, что ее могла так искалечить одна маленькая пуля.

Больше года после ранения Канаки не мог согнуть пальцы. Он выбыл не только из боевого строя, но и из спортивного, выбыл, казалось, навсегда.

Уже после окончания войны решился он опять взять в руку ядро. В левую руку. Канаки выступал в соревнованиях, все больше убеждаясь, что метателем он быть больше не может. Диск, ядро, копье — все эти классические спортивные снаряды были теперь не для него.

Канаки поехал в Москву, к столичным друзьям. Митропольский, Исаев — известные метатели, давние соперники Александра Канаки — приняли в нем горячее участие. «Консилиум» из нескольких мастеров долго осматривал руку, взвешивал все «за» и «против» и, наконец, поставил диагноз: можно метать только молот.

Итак, молот...

Не очень-то лежала душа к этому снаряду. В годы славы он считал метание молота спортом второго сорта. Им и занимались-то обычно на задворках, где-нибудь подальше от зрителей. С трибун метания молота не увидишь.

Но Канаки был настоящим спортсменом и не мог не использовать хотя бы этот единственный шанс, который ему оставался. Молот обладал одним неоспоримым достоинством: его можно метать без чрезмерного напряжения правой руки. Скорее даже наоборот, главная нагрузка в конечном счете при метании молота ложится на левую руку. Именно из левой руки, туго схваченной перчаткой, словно из пращи, вырывается снаряд. Но полет его готовит все тело: и ноги, и торс, и плечи метателя. А тело Александра Канаки все еще заключало большую силу и гибкость.

В Москве Канаки обзавелся молотом, сделал первые броски. Они получались смехотворно малые. Этот вид метания оказался совсем не таким, каким он представлялся ему раньше. Канаки стало ясно, почему многие даровитые метатели неохотно берутся за молот: их отпугивает сложная техника броска.

Даже человек огромной мышечной силы выглядит беспомощным с молотом в руках, если не владеет им в совершенстве. Когда полупудовый шар молота, укрепленный на тонком тросе, начинал все быстрее вращаться над головой, когда центробежная скорость нараста-

Заслуженный мастер спорта Александр Канаки метает молот.

ла, как снежный ком, Канаки не всегда удавалось справиться с этой буйной, им самим вызванной силой.

В Киеве не у кого было учиться, но в Ленинграде жил человек, который, сам не подозревая этого, стал заочным тренером Александра Канаки. В Ленинграде жил рекордсмен СССР по метанию молота Александр Шехтель. Канаки находил в журналах его фотографии, приглядывался к ним. Остальное подсказывала собственная фантазия, пытливый ум. Он не уставал сотни раз проверять одно и то же — всего лишь небольшую деталь, оттенок сложнейшего движения. Из сотен забракованных отбиралось одно.

Потом появился Зосима Петрович Синицкий. Тренер внес в сумбурные искания Канаки строгий метод и культуру большого мастера. Он придирчиво шлифовал технику метателя и наконец мог сказать:

— Ну вот, теперь ты кое-что смыслишь в этом деле. Можно и попробовать силы.

И Канаки стал пробовать...

Нынешним летом Александр Канаки установил новый рекорд страны. На одном из соревнований в столице Украины его молот пролетел 55 метров 53 сантиметра. Теперь его заочный учитель Александр Шехтель стал его заочным соперником. В каком бы городе Канаки ни выходил на стадион, рядом незримо появлялся Шехтель. Как бы ни были слабы его сегодняшние противники, он должен был метать в полную силу: может, сейчас где-нибудь, за тысячу километров, ленинградец бьет его результат. Борьба не могла на этом остановиться. Такие спортивные поединки, длившиеся иногда годами, всегда приносили советскому спорту блестящие достижения.

О киевском успехе Канаки еще писали в газетах, а Шехтель уже держал на прицеле 56-метровую черту. Молот его полетел за контрольный флажок.

55 метров 81 сантиметр — таков был новый рекорд СССР.

Канаки узнал о новой победе Шехтеля уже в Москве. Он приехал сюда на первенство Вооруженных Сил. Теперь заочный поединок продолжался в столице. Дважды пытался капитан Советской Армии Александр Канаки побить результат Шехтеля, но лучший его бросок равнялся только 55 метрам 78 сантиметрам.

Четыре сантиметра отделяли его от победы. Но разве не было победой то, что Канаки вернулся к спорту, то, что он стал главным противником испытанного, сильнейшего метателя страны?! Разве не были победой эти двадцать пять сантиметров, которые Канаки прибавил к своему рекорду?! Конечно, это была победа. И еще какая!

А вскоре после этой заочной схватки Канаки и Шехтель впервые встретились в Харькове на первенстве СССР по легкой атлетике. Впервые они соревновались, видя друг друга, и эта борьба закончилась победой Александра Канаки. Его молот пролетел 54 метра 87 сантиметров. Да, теперь это была уже не заочная победа, а победа зримая, принесшая Канаки звание чемпиона СССР.

ГОЛ

Юр. ВАНЬЯТ

Фото Э. Гутгарца

Гол! Последняя, финальная стадия борьбы за мяч. Гол — цель любой команды, вышедшей на поле. Гол, вызывающий бурю восторгов и разочарований многих тысяч зрителей, следящих за ходом борьбы. В нем венец усилий одиннадцати игроков, составляющих команду.

Все искусство команды направлено на то, чтобы не пропустить мяча в свои ворота и забить мяч в чужие. Но в футболе, как и в любой спортивной игре, каждое действие встречает противодействие. Законы футбола — правила игры — усложняют возможность штурма неприятельских ворот.

Не случайно в первенстве СССР 1947 года 83 матча из 156 дали перевес победителю всего в один — два гола. А из 35 ничейных встреч одиннадцать закончились со счетом 0 : 0. 990 минут игры... и ни одного гола! Трудно стало забивать мячи!

Казалось бы, чем только не забивается гол: ногой, головой, корпусом. Мы помним голы, которые влетали в ворота, как торпеды, так что растерявшийся вратарь и глазом не успевал моргнуть; мы знаем голы, которые еле-еле вползали за роковую черту; мы видели мячи, влетавшие рикошетом от штанги, и видели, как отбивались вратарем пенальти — 11-метровые удары.

Любителям и знатокам футбола хорошо известны имена выдающихся «бомбардиров» прошлого — Михаила Бутусова, Павла Канунникова, Василия Павлова — и сегодняшнего дня — Григория Федотова, Бориса Пайчадзе, Сергея Соловьева, Александра Пономарева, Василия Карцева. Эти признанные мастера удара, о которых не любят вспоминать самые надежные вратари, забили около двух тысяч голов. Но сделать это им удалось только с помощью партнеров по игре, таких тружеников атаки, как Василий Трофимов, Николай Дементьев, Константин Бесков, Иван Конов, Владимир Степанов, Валентин Николаев.

Каждый из наших «бомбардиров» обладает своим стилем игры. Непрерывный, сокрушительный натиск Сергея Соловьева нельзя спутать с внезапным рывком Карцева. Но есть у нас форвард, который вот уже много лет по искусству атаки, по многообразию игры является образцом для молодежи. Имя этого нападающего — Григорий Федотов.

За 12 лет Федотов забил свыше 400 голов. Федотовские удары испытали на себе не только наши прославленные вратари, но и вратари многих зарубежных команд.

В этом сезоне Федотов долгое время не выступал, и многие считали, что еще одно славное имя отошло в область прошлого. Но вот его знакомая фигура появилась на поле во время матча команды ЦДКА с динамовцами Тбилиси, и стадион стал свидетелем такой тонкой и продуманной игры, какую мы уже давно не видели. Федотов забил три мяча подряд, забил благодаря изумительному чутью позиции, тонкому пониманию своих партнеров, высокой технике и расчету. Голы Федотова были голами советского форварда, который не только сам забивает мячи, но и организует игру всего нападения. И если он увидит, что его товарищ занимает лучшую позицию, то, не задумываясь, отдаст ему мяч для завершающего удара.

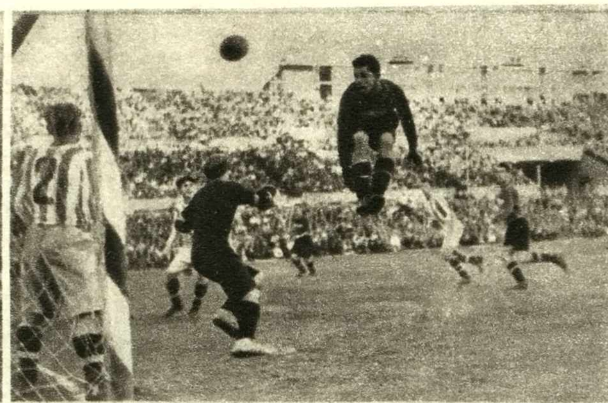
Советский стиль в футболе — стиль коллективной атаки — наиболее ярко проявляется в ответственных матчах.

Вспоминается матч «Динамо» (Москва)—«Гетеборг Камратерна» (Швеция) осенью 1947 года. Счет был 0 : 0. После острой схватки у ворот Хомич ловит мяч и мгновенно кидает его Блинкову. Тот немедля отправляет мяч к правой бровке поля. Здесь Трофимов уже на старте. Седьмой номер динамовцев делает короткий рывок. Параллельно ему к воротам шведов в центре поля мчится Карцев, а левее — полузащитник Малявкин. Трофимов финтом обыгрывает противника и «выкладывает» мяч Карцеву. Тот в одно касание передает мяч набегающему Малявкину. Шведы растерянны. Они не ожидали увидеть в этот миг близ своих ворот советского полузащитника. Мертвый удар с 15 метров. Гол! Гол, в котором активно участвовали пять игроков...

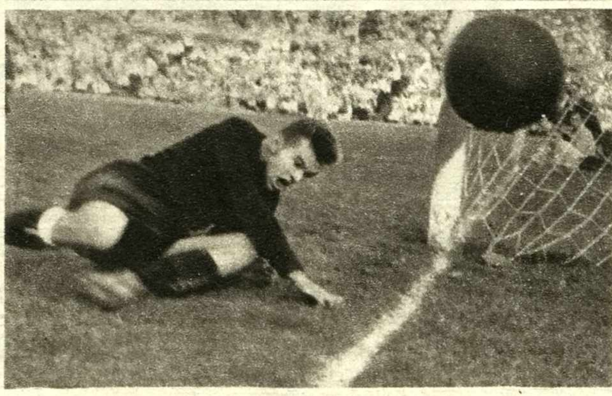
Сезон 1948 года в разгаре, и мы имеем возможность наблюдать решающие игры наших команд. Матч следует за матчем, и впечатление от одной интересной игры не успевает отстояться, как на него наслаивается новое впечатление.

Большой футбольный сезон вступил в свою решающую фазу — близок финиш. Теперь буквально от каждого забитого или пропущенного гола зависит судьба первенства, и понятно поэтому то напряжение, с которым проводят команды свои встречи. Мы были свидетелями многих блестящих ударов, многих великолепных голов. Мы видели игру лучших наших нападающих, прекрасные усилия команд, которые в едином порыве устремлялись вперед для того, чтобы вырвать победу, забить решающий гол. И близок тот день, когда последний матч между двумя основными претендентами — московским «Динамо» и ЦДКА,— последний гол, решит судьбу футбольного первенства СССР 1948 года.

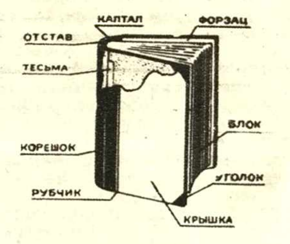

Вверху слева: Федотов в матче с тбилисскими динамовцами. Вот он прорвался к воротам. Гол неминуем. Вверху справа: нападающий «Спартака» Чучелов в головоломном прыжке забивает головой мяч в ворота ленинградских динамовцев. Внизу слева: вратарь «Спартака» Леонтьев пропускает мяч. Вот этот мяч трепещет в сетке ворот. Его едва можно разглядеть: он скрыт за горой букетов, врученных команде ее многочисленными болельщиками. Внизу справа: вратарь команды ВВС Кудрявцев в отчаянном усилии отбивает мяч.

Как самому переплести книгу

Вы любите книгу, хотите, чтобы она дольше сохранилась, и решили переплести ее. Как это сделать самому, в домашних условиях?

Учитывая, что у вас нет переплетного оборудования, расскажем о простом способе переплета.

Чем нужно запастись?

Во-первых, как и в каждом деле, терпением. Затем — минимумом инструментов: ножницами, остро отточенным ножом, иголкой, шилом, молотком и клеевой кистью.

В каждом доме можно найти старую книгу с оторванной крышкой переплета. Внимательно рассмотрите ее. Это заменит вам наглядное пособие.

Видов переплета существует много. Остановимся на том случае, когда вам предстоит переплести новую, выпущенную без переплета книгу. Вам здесь не придется столкнуться с трудно выполнимой в домашних условиях обрезкой книги.

Переплетная работа делится на три основных процесса:
1) подготовка блока книги;
2) изготовление крышек и корешка переплета;
3) сборка (монтаж) всей книги.

ПОДГОТОВКА БЛОКА КНИГИ

Аккуратно сорвите бумажную обложку. Не огорчайтесь, если повредите ее корешок: он вам не потребуется. Важно сохранить первую страницу обложки — и то в том случае, если вы захотите наклеить ее на новый переплет.

Книга состоит из отдельных тетрадей, прошитых проволокой или нитками и скрепленных в корешке клеем и материей. Не будем разрушать это крепление, иначе мы нарушим ровные обрезы книги.

Если книга сшита проволокой, лучше заменить ее нитками, так как ржавеющая проволока разрушает бумагу, а нитки обеспечат книге большую долговечность. Чтобы концы проволочных скоб легче было разогнуть, проклеенный корешок книги смочите слегка теплой водой. Если книга была сшита нитками, новое шитво можно производить поверх старого.

ПРИКЛЕЙКА ФОРЗАЦЕВ

Форзацы — это передние и задние четырехстраничные листы белой или цветной бумаги, служащие для соединения книги с крышками переплета.

Сложенные вдвое листы бумаги (желательно плотной) должны соответствовать формату книги. Постарайтесь бумагу сгибать по долевой линии [1].

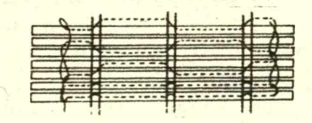
Смазав форзацы вдоль сгиба ровной полоской клея (в 3—4 мм), приклейте один из них к первой, а другой — к последней страницам книги. Форзацы не должны выступать наружу за сгибы тетрадей.

Пригладьте места склейки. Окончательная склейка произойдет под прессом, куда вы должны положить книгу.

ШИТЬЕ КНИГИ

Для скрепления блока книги применяют тесьму, кромки коленкора, парусины, бязи и т. п. шириной в 2—3 сантиметра, а длиной больше толщины книги на 5—6 сантиметров. Две тесьмы поместите, отступив от краев блока на 3—4 сантиметра, а третью — посередине. Если книга большая, количество тесемок можно увеличить.

Тесемки одним концом прибейте гвоздиками к краю стола, чтобы в процессе шитья вы могли их натягивать.

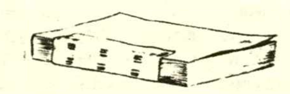
Вденьте в иголку достаточно длинную льняную, хорошо скрученную нитку, предварительно навощенную. Шитво начинайте с последней тетради, с правой ее стороны. Сделав в тетради шилом изнутри точно в сгибе прокол, введите в него снаружи иголку. Протяните нитку настолько, чтобы снаружи остался конец в 5—6 сантиметров. Пропустите иголку снова наружу, справа от крайней тесьмы, затем опять внутрь, слева от нее. Нитка обхватит тесьму и притянет ее к тетради. Так прошейте всю тетрадь. Дойдя до левого края, натяните нитку, чтобы крепче притянуть тесьму. После этого пропустите иголку в левый край следующей тетради и прошейте ее так же, как первую. Выводя нитку наружу у правого края второй тетради, натяните ее и свяжите с оставшимся концом у первой тетради. При дальнейшем шитье нитку захлестывайте у краев тетрадей за предыдущие одну — две тетради.

Кончив шитье, закрепите хорошо конец нитки и отрежьте тесьмы на расстоянии 2 сантиметров от крайних листов.

Сшить книгу можно также на накрахмаленной плотной марле или тонкой материи длиною по высоте всей книги, шириною по толщине книги, с запасом в 2 сантиметра с каждой стороны.

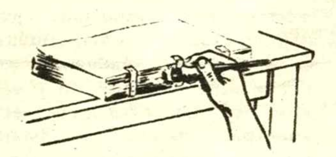
УПРОЩЕННОЕ ШИТЬЕ КНИГИ

Если блок переплетаемой книги прочен, хорошо проклеен и прошит нитками, можете сделать только матерчатую подшивку из коленкора, плотной марли или бязи. Для этого не обязательно прошивать всю книгу: достаточно пришить к материи лишь последние и первые 3—4 тетради.

ПРОКЛЕЙКА КНИГИ

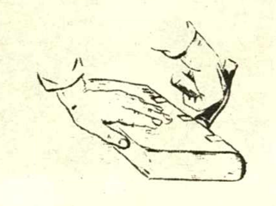
Книга сшита. Положите ее на стол, чтобы она несколько выступала корешком над его краем. Смажьте корешок клеем и втирайте клей кистью, чтобы он проник между тетрадями.

После проклейки положите книгу под пресс. Прессом могут служить две деревянные доски, зажатые в тисках. Можно вместо тисков использовать тяжелую гирю, камень или кирпичи. Не забудьте между досками и книгой положить газеты, чтобы она не приклеилась к доскам.

КРУГЛЕНИЕ КНИЖНОГО БЛОКА

В толстых книгах делается округленный корешок. Это придает книге красивый вид, уменьшает ее объем в корешке, и она легче раскрывается.

Крепко придерживая книгу левой рукой, молотком производят выколачивание, начиная от середины более сильными ударами, а приближаясь к краям — послабее. Обработав корешок с одной стороны, книгу переворачивают и выколачивают ее с другой. Около форзацев обработку делайте осторожней, чтобы их не порвать.

КАПТАЛ

По краям корешка книжного блока приклеивается цветная, утолщенная с одной стороны ленточка — каптал. Сделать каптал можно самому. Кусочек цветной материи сложите вдвое, в место сгиба вложите тонкий шпагатик, а края материи склейте.

Каптал приклеивается по всей ширине корешка с запасами по краям в 1—1,5 миллиметра и так, чтобы его утолщенная часть чуть выступала за края книги.

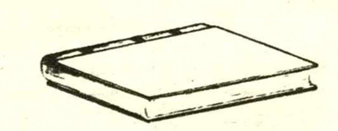
ОКЛЕЙКА КОРЕШКА

Теперь оклейте корешок тонкой бумагой или материей, по ширине равной толщине корешка блока, а длиной на 1 сантиметр короче высоты книги. Бумагу или материю смажьте жидким клеем и наклейте на корешок блока, захватив также большую часть верхнего и нижнего каптала. Можно предварительно промазать клеем и самый корешок. Бумагу (или материю) притрите хорошенько к корешку и дайте просохнуть под прессом.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КРЫШЕК И КОРЕШКА

Картон для крышек должен быть гладким и равномерной толщины. Если поверхность картона неровная, оклейте его бумагой. Учтите, что оклеивать при этом придется обе стороны, если даже одна из них гладкая, иначе картон может покоробиться.

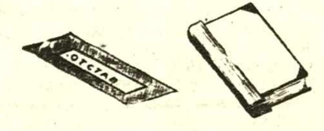
Вырежьте две крышки шириной, равной ширине книги, а высотой на 6—8 миллиметров больше высоты книги. Приклейте крышки к выступающим концам тесемок (или материи). Приставляя крышки, следите за правильностью линий у корешка и проверяйте положение крышек по

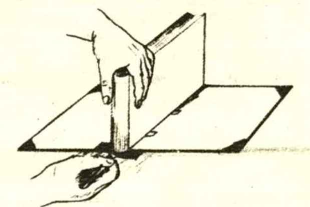
краям, чтобы выступающие канты были ровны. От корешка делается отступ, чтобы книга затем свободно открывалась. Размер отступа приблизительно в два раза больше толщины приставляемой крышки.

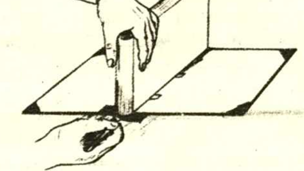
ПОДГОТОВКА КОРЕШКА

Из плотной материи (коленкора, дерматина, молескина, парусины) вырежьте кусок на 4 сантиметра больше высоты крышек, а шириной на 6—8 сантиметров больше толщины книги. Из плотной бумаги вырежьте **отстав** -

полоску длиной по высоте крышек, а шириной по толщине книги. Смажьте клеем корешок и положите по середине его отстав. Приклейте корешок к крышкам, сильно натянув его края. По корешку около крышек тупым концом ножниц проведите рубчик — продольное углубление, оформляющее корешок. Оставьте книгу просохнуть под слабым прессом.

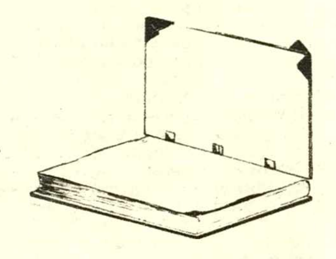

После просушки корешка намажьте его концы клеем и заправьте их внутрь.

УГОЛКИ КНИГИ

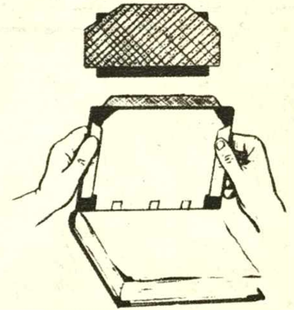
Вырежьте для уголков из той же материи, что и корешок, четыре полоски, каждая шириной в 2 сантиметра

и длиной в 4 сантиметра. Приклейте полоски к крышкам, как показано на рисунке.

ОКЛЕЙКА КРЫШЕК

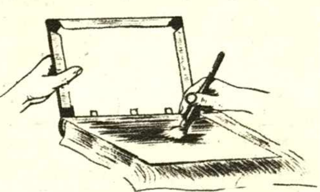
Бумага для оклейки должна быть немаркой и желательно плотной. Ее прикраивают в таком формате, чтобы можно было оклеить крышку сверху с загибом внутрь не менее 3 сантиметров. Для промазки годятся, как и для предыдущих, связанных с клеем процессов, крахмальный клейстер, средний декстрин, жидкий казеин или жидкий столярный клей. Если бумага плотная, лучше промазывать ее дважды: первый раз густо, а второй — полусухой кистью.

Наложив бумагу, слегка притрите ее скомканной в руке чистой тряпкой и подверните края во внутренние стороны крышек.

ПОДКЛЕЙКА ФОРЗАЦЕВ

Приподымите крышку книги. Подложите под форзац газетный лист, чтобы не испачкать книгу, и смажьте клеем поверхность форзаца, начиная от корешка и далее по всему листу. После этого прижмите крышку к форзацу

и переверните книгу. Затем так же приклейте и второй форзац.

После этого книгу положите под сильный пресс. Минут через пять выньте ее, осторожно приоткройте крышки и, если форзацы сморщились, осторожно разгладьте склад-

[1] Всякая бумага, как и ткань, имеет долевое и поперечное направления. Эти направления легко определить: в месте сгиба бумага при долевом направлении ложится ровно, а при поперечном «ломается». При долевом направлении бумага разрывается ровной линией, при поперечном — разрыв получается неровный.

ки. Книгу снова положите под пресс. Чем сильнее пресс, тем лучше.

Книга готова! Вам, конечно, не терпится поскорее вынуть ее, перелистать страницы. Не вынимайте книгу из-под пресса, пока она хорошенько не просохнет.

Может быть, ваш первый переплет получился не совсем изящным. Тогда не огорчайтесь: большего изящества вы достигнете на последующих экземплярах.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ ЛЮБИТЕЛЮ-ПЕРЕПЛЕТЧИКУ

☆ Чтобы не портить стол, на котором вы будете работать, заведите рабочую деревянную доску, размером примерно 40×60 сантиметров.

Всякую подрезку (бумаги, картона, материала) делайте на доске так, чтобы рез приходился вдоль волокон дерева, а не поперек их.

Начав резать по линейке несколько листов бумаги или приступив к обрезке нетолстой книги, не останавливайтесь, пока не прорежете все листы до конца, иначе получится неровный обрез.

Нож лучше всего применять сапожный, заточенный в правую сторону (если смотреть со спинки ножа).

☆ Банку со столярным клеем во время работы держите в другой, более широкой посудине с горячей водой. Клей будет все время теплым, и им легче будет пользоваться.

☆ У переплетчика всегда под рукой имеется специальная косточка-гладилка. Ею удобно заправлять углы, разглаживать складки, отводить рубчики и пр. Косточку вам может заменить тонкая планочка-гладилка из твердого дерева, ошкуренная и отполированная. Длина планочки — 15 сантиметров, ширина — 3—3,5 сантиметра, толщина — 3—4 миллиметра. Передний конец ее делают несколько скошенным и закругленным, ребра — утонченными и закругленными.

☆ Притирать наклеиваемый материал нужно через бумажку гладилкой или скомканной в руке мягкой тряпкой. Запаситесь другой тряпкой для вытирания загрязнившихся рук.

☆ Книга получается красивой, если окрашены ее боковые обрезы (чаще всего окрашивают только верхний обрез). Окраска производится после кругления книжного блока и до наклейки каптала. Для этого применяются минеральные краски. Желтый обрез делается растертой на молоке хромовой желтой краской, разбавленной чистой водой. Для красного обреза применяется киноварь, растертая на клейстере, или кармин с разбавленным яичным белком (на 1 белок полстакана воды). Для зеленого обреза идет смесь берлинской лазури с хромовой желтой краской. Краска наносится томпоном или кистью. Для наведения глянца обрез после высыхания навощите натертой воском суконкой.

Можно использовать и анилиновые краски. Смочив ватный томпон в жидком растворе краски, производите окраску одним движением от корешка к наружному краю.

Окраска производится обязательно под прессом, где книга должна находиться, пока полностью не просохнут ее прокрашенные края.

Л. ШУМОВ

ПОПРАВКА

В № 36 «Огонька» текст под фото на странице «Смотр летающих моделей» следует читать так: «Председатель оргбюро ДОСАВ Герой Советского Союза генерал-лейтенант Н. П. Каманин выступает на слете».

1. Как известно, за красным концом спектра находятся невидимые глазу лучи. Их называют «инфракрасные».

Что бы мы увидели, если б могли видеть инфракрасные лучи?

2. Есть старая поговорка «День да ночь — сутки прочь». Смысл ее вполне соответствует общеизвестной смене дня и ночи, из которых складываются сутки. Однако не везде эта поговорка применима с астрономической точки зрения, и вместо нее применяется такая ее перефразировка: «День и ночь — год прочь». Где будет правильнее звучать этот второй вариант?

3. Как ученые узнали названия планет и, в частности, Марса?

Н. Н.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ НА ЮГЕ

Летом 1942 года, когда немцы рвались к Сталинграду, из его городского зоосада эвакуировали в глубь страны наиболее ценных зверей. Так северный белый медведь попал в южный зоологический сад — Ашхабадский.

Стоит только взглянуть на упитанного, жизнерадостного зверя с блестящей белой шерстью, чтоб не сомневаться, что ему, уроженцу края вечных льдов, отлично живется и под знойным небом Туркменистана.

Белый мишка приобрел привычки и вкусы настоящего южанина. В июльский полдень, когда температура даже в тени доходит до 40 градусов выше нуля, белый медведь не теряет бодрости и в ванну с водой забирается реже, чем сидящий в соседней клетке туркменский белокоготный медведь, обитатель лесистых ущелий Копет-Дага.

Белый мишка не только легко обходится без привычной пищи — мяса и рыбы, но даже предпочитает обед из лапши, рисовой, перловой или манной каши со сливочным или хлопковым маслом. Но особенно пришлись ему по вкусу фрукты. Когда весной ему приносили сочный и сладкий урюк, мишка с жадностью набивал им полный рот. Сейчас он с таким же наслаждением ест виноград, арбузы и дыни. Совсем вегетарианцем стал белый мишка!

Дм. ВОЛИН

Ашхабад.

НОВЫЙ СОРТ АСТР

Цветы у нас перестали быть предметом роскоши. Миллионы цветов украшают площади городов и озелененные дворы заводов. В дни революционных праздников спрос на цветы достигает огромных размеров. Наконец, цветы прочно вошли в быт — редкая квартира не украшена цветами.

У нас есть уже колхозы, для которых цветоводство — одна из основных отраслей хозяйства. Десятки крупных государственных хозяйств также специализировались на цветах.

Если достижения селекционеров-мичуринцев, работающих над улучшением сельскохозяйственных растений, широко известны, то не все знают, что у нас ведется большая работа и над выведением новых сортов и разновидностей цветов и мы уже имеем сотни своих сортов георгин, петуний, флоксов и т. п.

На плодоягодной опытной станции Загорье целые участки заняты душистым горошком, львиным зевом... Изумительные по красоте оттенки, тончайшие переходы красок буквально завораживают.

Астра — очень распространенный цветок. Довольно нетребовательная к почве и уходу, она является одним из любимых садовых и комнатных растений. То высокая, то едва возвышающаяся над землей, по строению цветка напоминающая то розу, то пион, то хризантему, она дает десятки форм, оттенков окраски, строений цветка. Профессор Борис Васильевич Квасников, работающий в Загорье, вывел новую, очень красивую декоративную разновидность излюбленной астры, «страусовое перо», с длинными, очень тонкими лепестками. Сейчас она размножена и получает широкое распространение.

А. И.

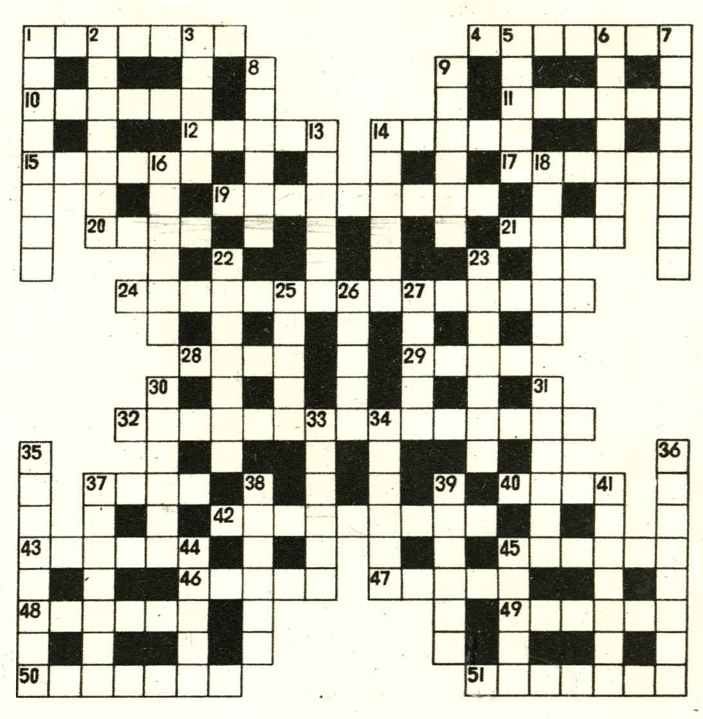

Профессор Б. В. Квасников за искусственным опылением гладиолусов.

Фото Э. Гутгарца

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Н. Кравченко (Москва)

По горизонтали:

1. Состояние. 4. Ударный инструмент. 10. Часть света. 11. Огнеупорный материал. 12. Рыба. 14. Амплуа актера. 15. Указатель. 17. Прибор для измерения силы тока. 19. Часы. 20. Составная часть животной и растительной клетки. 21. Вид водного транспорта. 24. Отдел гидромеханики. 28. Подводная яма. 29. Сходни. 32. Отрасль промышленности. 37. Философ. 40. Украшение из ленты. 42. Средство передвижения. 43. Порода собак. 45. Стража. 46. Сопелка. 47. Напиток. 48. Покрытие. 49. Законченная часть игры. 50. Успешное продвижение по службе. 51. Шаблон.

По вертикали:

1. Союз капиталистических государств. 2. Сатирическое произведение. 3. Задаток. 5. Нападение. 6. Грубая ткань. 7. Должность юриста. 8. Эпидемическая болезнь. 9. Легкое небесное тело. 13. Рыба. 14. Город во Франции. 16. Лилипут. 18. Продукт питания. 22. Вид транспорта. 23. Искусный полководец. 25. Часть паровой машины. 26. Нагнетательный прибор. 27. Двигатель. 30. Ключ. 31. Музыкальный инструмент. 33. Старинный плащ. 34. Географическое понятие. 35. Обрамление окна. 36. Ограненный алмаз. 37. Военное судно. 38. Граница. 39. Игра. 41. Тягач. 44. Курорт на Кавказе. 45. Стог.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 37 ЖУРНАЛА

По горизонтали:

9. Лаконизм. 10. Алебастр. 11. Драп. 12. Биография. 13. Бард. 16. Кожедуб. 19. Матрена. 20. Манекен. 21. Пырей. 22. Топка. 23. Сарафан. 24. Визон. 26. Сиваш. 28. Каморка. 30. Мичиган. 31. Арсенал. 34. Уран. 35. Коммунизм. 36. Золя. 39. Дилижанс. 40. Генетика.

По вертикали:

1. Бром. 2. Мрак. 3. Макароны. 4. Минимум. 5. Шмага. 6. Парад. 7. Левитан. 8. Странник. 14. Гегемония. 15. Приоритет. 17. Балаган. 18. Сенатор. 19. Мешалка. 25. Имитация. 27. Амазонка. 28. Каботаж. 29. Аризона. 32. Смесь. 33. Онега. 37. Тире. 38. Утес.

СКРИПКИ УРАЛЬСКОГО МАСТЕРА

Известный уральский скрипичный мастер А. С. Кылосов закончил работу над своей новой, 57-й скрипкой. Скрипка сделана из уральских сортов дерева, считавшихся ранее слишком твердыми и не дававших акустического эффекта.

Экспериментируя, Кылосов открыл новый способ изготовления и обработки нижней деки, применяя круглые вставки. Новый способ изготовления скрипок представляет большой интерес.

Скрипка Кылосова прослушивалась в крупных концертных залах Свердловска и успешно выдержала соревнование со старинными итальянскими инструментами прославленных мастеров.

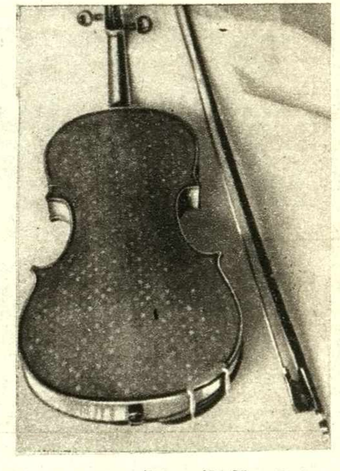

Фото Я. Кунина

Главный редактор — А. СУРКОВ. **Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.** **Оформление И. УРАЗОВА.**

А 06632. Подписано к печати 14/IX — 48 г. 5½ печ. л. Изд. № 639. Тираж 244.000. Заказ 1989 **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

15-00

ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ

Государственного

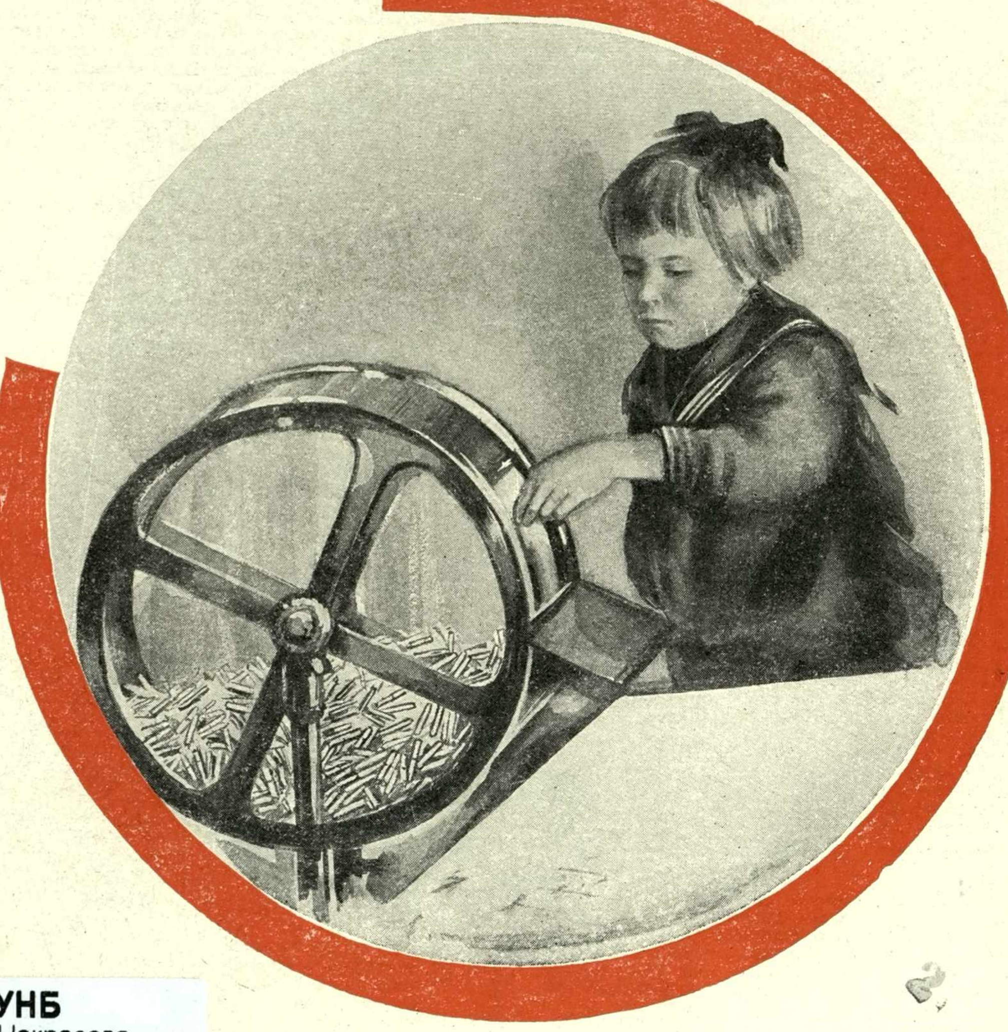
ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА

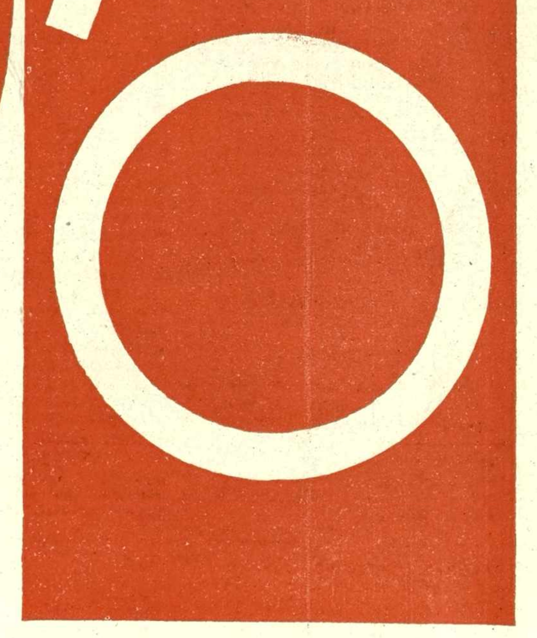
3%

ЕЖЕГОДНО ПРОВОДИТСЯ 6 ОСНОВНЫХ И 1 ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ

ВЫИГРЫШИ УСТАНОВЛЕНЫ:

100.000 руб.
50.000 руб.
25.000 руб.
10.000 руб.
5.000 руб.
1.000 руб.
400 руб.

ии продаются и покупаются сберегательными кассами

Цен
3 р

Закарпатская область УССР. Санаторий имени Н. С. Хрущева.

Фото В. Евграфова